2020

Ежегодный онлайн-дайджест
авторских произведений

litra.online

Стихи

Aleks
Наталья Курапцева
Николай Почтовалов
Павел Храпкин
Alexander Serb
Алексей Воронов
Наталия Тебелева
Валерий Мазманян
Антон Гулякин
Владимир Володин
Сергей Прокудин
Борис Машкович
Магомед Мусаев
Елена Ухова
Алексей Борычев
Игорь Улитин
MashaNe
Вячеслав Савостьянчик

Aleks

Вроде бы не брошены ...

Вроде бы не брошены ,
Вроде бы , нужны ...
Только запорошены ,
Поздние следы .
Изморозь на веточках ,
Хрупкой бахромой .
Говоришь , доверчива ...
Вроде бы со мной .
Пилигримов странствия ,
В Книге Бытия .
Все стихи написаны ,
Только для тебя .
Рук твоих , рябиновым ,
Не согреть огнём .
Горькая да сладкая ,
Так и проживём .
Вроде бы не брошены ...

Цветаева ! Цветаева ...

Цветаева ! Цветаева ...
Цветок из полутьмы ,
Где Вы теперь летаете ?
В кого Вы влюблены ... ?
Всё — в жизни переменчивость ,
Перерождений ряд .
Жила , такая женщина !
Когда то ... Говорят ...
Построчно , в память капают ,
Уходят на круги ,
Любовные , проклятые ...
И вдовые — твои .
Всё белым перемелется ,
На строчек чёрный ряд .
Стихи , писала женщина !
Когда то ... Говорят ...
Цветаева ! Цветаева ...
Цветок , из полутьмы !

Отрекитесь от ненужного ...

Отрекитесь от ненужного ,
Не оставьте на потом .
Посмотрите , вяжет кружево ,
Осень снегом и дождём .

Спицы тонкие и колкие ,
Как персты её легки !
Все узоры с ниткой шёлковой ,
Всё — ажурные кресты .

Не пророчьте неизбежное ,
Не любите про запас .
Строчкой белою и красною ,
Всё что связано — для Вас !

Губ изгиб , закрытый тайною ,
Как смятение моё .
Укрывает невесомоё , вечер поздний , полотно .

В жёлтых окнах не распахнутых ,
Нас не ждущих никогда ,
Изумрудные , агатовы , бирюзовые глаза .

Ветер крик стирает дочиста ,
Снегом штопает следы .
И сбываются пророчества ,
У твердеющей воды .

В зеркала мои озёрные ,
Буду я смотреть всю ночь ,
Отрекаться от ненужного ,
Тайны снов своих толочь .

На часах пусть стрелки кружатся .
Жизнь оставишь на потом ?!
Вспоминай , как осень кружево ,
Вяжет снегом и дождём ...

Дождь рассыплет за окнами блюзовый сон ...

Дождь рассыплет за окнами блюзовый сон ,
Листья станут кружить в бархат ночи , сверкая ,
Расскажи мне ещё , как дарил саксофон ,
Свою душу тебе , тихо в полночь играя .
Расскажи , как он брал , локон твой не дыша ,
Пропуская сквозь пальцев капризную прядку .
Расскажи ! Расскажи , как сбываются сны ,
Дорогому они , дорогие — навряд ли ....
А потом , уходить от тебя , ровно в ночь ,
И дожди свои медленно слушать ,
Подари мне один только танец ,
Ну а потом , отпусти безутешную душу !
В дождь , который рассыплет за окнами блюз ,
Словно сон ...

Время не удержишь взаперти ...

Время не удержишь взаперти !
Стрелки не прикованы цепями .
Всё , что в жизни остаётся с нами ,
Лишь ... Прощай ! И тихое ... Прости .
Распадись на атомы любви !
К Богу или просто , к человеку .
Ты живёшь ,
Так было век от века ,
Кем то все проложены пути .
И висит луны полночной диск ,
Формы , цвет меняя в перемены .
Ты здесь , лишь мгновенье для Вселенной ,
Вечной Жизни ветреный каприз .
Оглянись внимательно окрест .
Что оставишь ? Миг безмолвья ... Взглядом ?!
Руки разведя , на Корковаду ,
Он стоит , последний в мире Крест !

Наталья Курапцева

Информация об авторе

Родилась в Ленинграде, живу в живу в Санкт-Петербурге. Если кто не знает - это один и тот же город на западе России при впадении реки Невы в Финский залив.

Пишу стихи с 14 лет. В 19 лет стала журналистом. Проработала в этой профессии больше 30 лет. Продолжая писать стихи, после 45 лет - и прозу тоже.

Тяжкая зима

Как эта тяжкая зима,
Молчащая и ледяная,
Почти безликая, ночная
Сжимает сердце злая тьма.

И черно-белые холсты
Страшат, как тихие надгробья.
Моей несбывшейся любови
Глазницы белые пусты.

Бежать — на цепи, на ножи,
Пусть липнет к вороту рубаха!..
Бежать — как от стыда и страха
Ребенок маленький бежит.

И жилы скручивая в жгут,
Проклятьем эту ночь измерив,
Стучаться в запертые двери
И знать, что там тебя не ждут.

28.01.1996

Незрячая душа

У вашего крыльца не дрогнет колокольчик...
Л.Рубальская

Незрячая душа во мраке беспросветном
Блуждает, как мои ночные облака.
Незрячая душа, в тебе так много света,
Что в солнечных лучах нужда невелика.

Незрячая душа, провидица слепая,
Угадывать могла улыбку на губах,
Угадывать могла, судьбой пренебрегая,
Высокую судьбу, звенящую в веках.

Незрячая душа молилась и скорбела
О пагубе людской, о низости болот.
Незрячая душа брела осиротело
Туда, где может быть, свершается полет.

Незрячая душа светилась и светила,
Как дикая трава в заброшенных лесах.
Но в сумраке ночном звезда не восходила,
Не бился фитилек в усталых образах.

Незрячая душа к прозренью непричастна,
В заброшенных лесах и бродит и поет.
Незрячая душа... Душа моя... Прекрасна!
А зрячесть, как бичом, меня наотмашь бьет.

10.01.1990

Мне хотелось великой любви

Мне хотелось великой любви,
Неразрывности сердца и слова,
И высокого, и золотого —
Негасимого! — пламя в крови.

Тосковала душа по душе,
Не рожденная нежность — по силе.
Словно листья, ветра уносили
То, что прожито было уже.
Было прожито... Встреч и разлук
Накопились скупые приметы.
Нет, никто не востребовал света
И стихов из протянутых рук.

Вид на город, на кухню и быт.
Посерело кругом, посерело...
Там, где юность моя отгорела,
Золотится зарубка судьбы.

1994

Я поэт не во-первых

Я поэт не во-первых,
Но и не во-вторых.
На сердечке без веры —
Неверья нарыв.

И гноится, гноится
Эта рана в душе.
И пустые страницы,
И кейс-атташе

Мне судьба предлагает —
Я молча беру.
Я — другая, другая,
И кончим игру!

У костра пионеров
Соловьиной поры
Я поэт не во-первых,
Но и не во-вторых.

4.04.1996

Пастернак

Он — гром грозы и виночерпий.
Почти срываясь со скалы,
Ботинок прижимает крепче,
Сбивая в кровь свои углы.

Как не погибнуть в этих драных
Колючих огненных стихах,
Где драмы разрывают раны,
Как буря в небе — облака?

Как не сойти с ума от свиста
Разбойника и Соловья,
От грубой брани машиниста,
Тонувшего среди вранья —

С вагонами и паровозом,
С дровами, золотом, углем?..
А свист крепчал, как звон мороза
За черным выбитым стеклом.

Там Скрябин возникал и Рихтер,
И кто-то бегал по песку...
Как не погибнуть в этих рифмах,
Копытом бьющих по виску?!

18.06.2012

Я не буду твоей Маргаритой

Александру Ремезу

Я не буду твоей Маргаритой.
Темень стылая в полуподвале.
Умирают в тюрьме фавориты —
Свои роли они отыграли.

Уподобившись Господу Богу,
Ты творишь и концы, и начала.
А луна сторожит у порога —
Королева во сне закричала.

Как ложатся слова на бумагу!
Словно пишутся собственной кровью.
Ты берешь обнаженную шпагу —
И навеки кончаешь с любовью.

Заливаешь слезами перчатки
На руках у Божественной Лики.
Забиваешь кусочек свинчатки
В сердце каждой написанной книги.

Прикасаясь, ты делаешь больно.
Тебе можно и это. Ты — Мастер.
Грянул колокол на колокольне —
И качается небо от счастья.

Ночь январская ясно прозрела.
Только в прошлом мы все перебиты.
Видишь, Мастер, свеча догорела —
Я не буду твоей Маргаритой.

1979

Николай Почтовалов

Информация об авторе

Поэт и бард.

Была ночь

И ночь была, и не было зимы:
облизывал туман лениво крыши
и по дороге шли, увы, не мы,
и слышно было то, что не услышать...
Висело небо в бездне тишины,
в пространстве «мини» было столько «мега»!!!
И чувство обессилевшей вины
торчало воровато из-под снега.

Прощальная

Как будто в тишине пустой
у мамы слёзы
беззвучно капали на стол
прощально поздно...
И ветер шарил по углам –
искал сыночка...
Полоской света пролегла
из ночи строчка...
А в ней с горчинкою слова:
не жди, пожалуй...
Стихов живучая листва
в снегу лежала...

Не запутайся

Как не запутаться... Прости...
Унылый вечер – время ночи...
Я даже края не достиг –
не то, что безупречья строчек.
За безупречьем будет стынь,
за стынью – голость нашей боли...
и запах: не трава – полынь...
Она наш мир почти расколет:
две половинки на ветру
качает – ни упасть, ни выжить...
напишешь ты, а я сотру...
ты выше – я же буду ниже.
Я буду ниже... Кто поймёт,
на чём устроен мир? Негоже
делить на нечет или чёт
всю жизнь... Я, точно, буду строже:
не опоздаю, нет... почти
успею быть – так голос точен.
Прочти хотя бы и... прости,
что вечер перепутал с ночью.

Весна

В потемневшем небе хмуром
проползали облака...
Проползали, пропадали,
оставаясь... на века...
Оставались и молчали.
Не скучали. В тишине
тихий голосок печали
исчезал, как вешний снег.
Золотилась кромка века.
Дул весенний ветерок.
Было любо человеку
между этих тихих строк.

Об одиночестве

Почти устал от одиночества:
с врагом старинным встрече рад,
и на троих так выпить хочется,
как и не хочется утрат...
Ах, если б в этой жизни выстоять
хватило мужества и сил...
но так и тянет в душу выстрелить,
чтоб Кто-то душу отпустил.

Было, всё было...

Может быть, это – меня закружили метели...
Может быть, это – в душе проливные дожди?
Может быть, это – те листья, что прошелестели
и улетели, оставив меня позади...

А в облаках ослепительно белые птицы
машут крылами беззвучно, как в старом кино...
Жизнь – колесо... Мы с тобой – поржавевшие спицы...
Было, всё было, но очень, уж очень давно...

Было, всё было: костёр догорал на рассвете,
чмокала каша, чаёк закипал в котелке,
песнями душу в тумане расплёскивал ветер...
Было, всё было – как замок на жёлтом песке...

Письмо

Пришло письмо. Несовместимо
с дыханьем времени... Зарок
был дан ветрам, зимой гонимым,
писать но... только между строк...
А так – десяток слов инету,
как будто вырван был язык...
Несёт меня по белу свету
пространство мёртвое – привык
уже помалкивать печально.
А если станет невтерпёж,
ответ – в небытии астральном:
на письма ты уже негож...
Молчанье нам не даст ответа.
Не жди невыдуманных слов...
Несёт меня по белу свету.
Наверно, я молчать готов...

Полюби

Снег идёт... А зачем?.. На свете
есть условие – быть и жить...
Чтобы кто-то кого-то встретил...
Только крепче его держи.
Только крепче... смыкай ладони:
лучик солнечный на ветру
так далёк, но предельно звонен –
столько звона всегда вокруг...
Только крепче... Не жди удачи...
Полюби – будет всё навек.
Это будет! И это значит –
будет долгим любви пробег...

Павел Храпкин

Информация об авторе

Пишу стихи давно - более полувека, но на бумаге публиковался совсем не много. Жить - это учиться, и я всегда рад новым знаниям. Основное занятие в жизни - компьютеры. Там ведь тоже творчество.

Сонет о былом

Что толку вспоминать про то, что было,
Припоминать прошедшее давно,
Пускай еще обиды не остыли,
Пускай еще смешившее — смешно.

Иных уж нет, другие позабыты,
Другой расклад, другие времена,
И контуры прожитого размыты,
Иначе называется страна.

И мы с тобой теперь не те, что прежде,
Теперь смешно «надежды подавать»,
Но все-таки, жива еще Надежда,
Нам ни к чему о прошлом горевать.

Ведь не приснились — были эти дни,
И нам, дружище, памятны они!

2.1.2021

Гордыня

Отклик на "Никто..." Евгения Туева

Когда в тебе бесчинствует гордыня,
Когда свой век почувствуешь у ног,
Знай – это ты в опасности отныне,
Ты укротить себя в себе не смог!

Когда на завтра тщетно планы строишь,
Не забывай, кому смешон твой план!
Ты лишь тогда до Неба дом достроишь,
Когда щадит строенье ураган.

Но если даже неказистая лачуга
Хранит очаг твой, а напротив – друг,
Поверь, что нету ничего важнее круга,
Не вхожи боги в этот самый круг!

14.11.2020

Ручей

Бежит ручей
Между камней спеша,
Бежит, куда? — да он и сам не знает.
Не так ли вдаль спешит моя душа?
Куда? Зачем?
Сама не понимает.

И мы спешим
Покинуть те края,
Где было выше, хоть и холоднее.
Судьбу свою к истокам бытия
Все дальше вдаль уносим.
Все шумнее...

15.11.2020

Настоящее время

Торопим время, подгоняем —
Зов перемен необходим!
Как будто вслед за октябрями
Быстрей наступят январи.

Бродя по надоевшим лужам,
Под надоедливым дождём,
Который нам давно не нужен,
Чего то будущего ждём.

Оно, конечно же, настанет,
Придет, поземкой зашуршит,
Похолодает, ясно станет,
Что призывали от души.

Окаменевшие тропинки,
Опустошенные поля,
И с неба, вместо капель — льдинки,
Под ноги — мерзлая земля.

Каким грядущим карантином
Нас Новый год не пощадит?
Какие новые картины
Ещё увидим впереди?

Какие новые безумства
Нам приготовила зима,
Карая блажь и вольнодумство,
Каким сюжетам обломать?

.....

Налью бокал. Накроюсь пледом.
Оставлю за окошком беды,
Зимы грядущей миражи,
И буду настоящим жить!

31.10.2020

Дачное воспоминание

Уже вдали за косогором
Мой лес – пустой и золотой.
Бреду вдоль дачного забора
Сквозь запах вянущих цветов.

И нет причины торопиться,
И никуда не опоздать.
За перевернутой страницей
Гудят ночные поезда.

«Пора, пора, мой друг...» — Куда же?
Любому ветру по пути
Вдоль по осеннему пейзажу
В любую сторону идти.

Какая сладкая отрава –
Пора осенних холодов!
Покрыты изморозью травы
Чтоб стать основой для следов.

Но равнодушен дачный житель,
Он запирает на замок
Свою остывшую обитель
И уезжает в дымный смог.

Он покидает торопливо...
А в толчее и суете,
Он вдруг припомнит, как счастливым
Он брел по этой пустоте.

И осознаешь, что уехал,
И кажется, что не туда...
Там стынет лес!...
и не до смеха,
И не вернутся поезда.

1.10.2002 - 10.12.2006

Бокал вина — поющим!

“Пророков нет в отечестве своем!”
Но мы, мой старый друг, не унываем –
Бокалы полные вина нальём,
Чтоб чаша полная – до края!

Пусть терпкой влагой полнятся сердца,
Ведь мы с тобою это точно знаем:
Что путь пройдем до самого конца –
Гореть сердцам вовеки не сгорая.

Пускай в других краях другим видней
Пророчества невзгод грядущих –
Налит бокал, а истина – в вине,
И эту истину узреет каждый пьющий!

Я пью за тех, кто за моим столом
Хлеба преломит – выпьем за поющих –
Пророки есть в Отечестве моем!
Есть в каждой песне, за душу берущей.

18.11.2020

Трамвайная молитва

Господи Боже, в свои погруженные души,
Едем маршрутом привычным– юдолью — кружа,
Едем, молчим, не умея ни слышать ни слушать,
Шанс на проезд – свой трамвайный билетик зажав.

Трое твоих, как и тройки земные – нечисты!
Крах Вавилона – Тебе! – да не будет прощен!
Истово веруя тем, кто как люди неистов,
Каждый из нас от подобных себе отвращен.

Едем. За поручни держимся серы и сиры,
В хрупких скорлупках молчанья на стылые окна дыша.
Только дыханием этим повязаны с миром,
Будто дыхание это и вправду – душа.

1989

Летят колючие снежинки

Летят колючие снежинки,
Кружатся, будто март дразня.
На чьи-то шапки, чьи-то джинсы,
На ждущего весну — меня.

Да скоро ли конец круженью,
Весна — не в датах, а в душе?
Ах это вечное движенье —
Паденья призрачный сюжет..

А впрочем, пусть еще покружат,
Апрель уже невдалеке.
Вперед, вперед, к весенним лужам
Прозрачной каплей
по щеке.

1989г

Alexander Serb

Наш мир

Мир держится на монолитности
Простой житейской монотонности,
На нашей с вами самобытности,
Традиций предков многотомности,

На верной дружбы безотказности,
Для зла, предательства, как меч она,
На чудной детской несуразности,
Что Богом в гениях отмечена.

Пусть шатки мира равновесия,
Их сохраним и эта вера свята.
От жизни есть хорошие известия :
«Нас к счастью всё же создали когда-то.»

Мир держится , пока — все вместе.
За друга — друг. Мы любим и любИмы.
Пока живут законы верности и чести,
А вечных истин звёзды негасимы.

На краю земли

Понимаю, опять не вовремя,
А слова мои невпопад.
Пусть похож на убитого горем я,
Сам с собой живу не в лад.

Мне бы надо к себе приблизиться
И умчаться за край земли.
Лучше видится, лучше слышится
Нет, не рядом, а там вдали.

Всласть упиться гулящею влагой,
Только б душу в ней не растворить.
У костра с незнакомым бродягой
По ночам о любви говорить.
Не послушав чужого совета,
Позавидовать дням уходящим.
Прикоснуться глазами к рассветам
Между будущим и настоящим.

Быть бы проще, но радость ли в этом?
В мир врываюсь без злобы и лжи.
Время памяти шепчет сонеты
И за нами вдогонку бежит.

Выбрать миг бы остановиться,
Чтобы выслушать всё до конца...
Счастье — явь, а не то, что приснится,
Сказкой-птицей мелькнув у лица.

Мы часто в суматохе забываемся,
Переступаем болевой предел.
Страдаем, мучаемся, ищем, сомневаемся.
Но это- жизнь и наш земной удел.

Простые истины откроет каждый
Наедине с собой, наедине с судьбой:
«Не утоли любви живительную жажду
И сохрани, как пламя, сердца не покой».

Старый зонт. (Алина)

А я, вдруг, вспомнил первый наш полёт за горизонт.
Л уна струила свет любви через дырявый зонт.
И закружил, унёс двух странников порывистый попутный ветер.
Н ас не было счастливей никого тогда на всей планете.

А журностью внезапных чувств лёг между нами мост.
Мерцали сквозь его узоры взгляды любопытных звёзд.
Но, вот , воздушных замков грёз безоблачные стены
Рассыпались. ВорвАлось Солнце. Назревали перемены...

Украден тайно хмурым утром и коварно унесён
Воспоминаний смутных сонм оставил этот сон.
Я бросился вдогонку, посмотрев на зонтик новый :
Солидный, яркий, модный, словом, образцовый.

В любую непогоду с ним пройтись по улицам нестыдно.
Жаль, только звёзд и перспектив из-под него совсем не видно.
Тактичен, вежлив и всем прихотям послушен,
Но к мыслям и делам моим совсем он равнодушен.

И потому, сдувая пыль времён, пошёл я с другом старым.
Он обладает удивительным и очень редким даром-
В прорехах, что окрытиями жаждут поделиться,
Видны друзей, любимых и родных забытые мной лица.

Латать потертую годами ткань наивно и напрасно.
Заплаты в своём сердце ставить бесполезно и опасно.
Прочнее нитей всех — печаль. Тиха, мудра, сурова.
И, сказанное искренне, божественное слово.

Так я и не догнал свои ночные откровения.
Над жарким полуднем все испарились сновидения.
Но имя, образ в памяти остались призрачной картинкой.
Созвучные они с «калинкою- малинкой». Сладкие с кислинкой.

Марина ли? Галина? Нина... Вспыхнуло - АЛИНА.
Мне запах в поисках помог цветка её — жасмина.
Бежал с зонтом к ней старым, но проверенным.
Стал вместе с ним я бодрым и лихим, самоуверенным.

Спешил сон рассказать и сделать его явью.
«Люблю тебя...» «Ich liebe dich... » «I love you... »
На языках Земли, Вселенной бесконечностью наречий
Все чувства нежные к Алине так хотел увековечить.

Всегда открыт я небу. Перед Богом — обнажённый.
Душа моя — сосуд из глин, судьбою обожженных.
Есть оберЕги верные в тревоге, радости, в часы тяжёлой битвы —
Моя любовь, моя земля, мои стихи, мои молитвы.

Покажется, порой, что сверху давит купол многотонный,
Впрессовываясь в тело ложью и рутиной монотонной.
Тогда взлетаю я над суетой, чтобы мечты расширить горизонты,
Беру с собой Алину, дочь ну и, конечно, старенький наш зонтик.

Роман

Телефонный роман...
Телефонный обман...
Голос твой
Наэлектрилизованный.
Телефонный роман...
Телефонный обман...
Злой ли, доброй судьбой
Нам дарованный.

Словно на полюсах.
Целый день на ногах.
Между нами
Моря неизвестности.
Телефонный роман —
Телефонный обман?
Круг спасенья
На зыбкой поверхности?

Новых гаджетов — тьма.
Наночувств кутерьма.
Как игра
Виртуальная страсть.
Оттого-то порой
Без улыбки живой
Сердца к сердцу
Теряется связь.

В сотый раз шлю привет.
Снова слышу в ответ :
«Всё в порядке... Звони...
До свидания...»
Телефонный роман —
Телефонный обман
В слово сжатого
Расстояния.

После грозы

Июньский полдень грозами омыт,
Обласкан солнцем, вЕтрами овеян.
Ожившая листва чуть слышно шелестит
О том, что был в любви я так самонадеян.

Мне холодно. От глаз твоих та дрожь
Моей души, от равнодушия заснувшей.
Мне страшно. Ведь твоё молчанье — ложь,
Непонимания нож, по сердцу полоснувший.

Последней каплей по листу прощается гроза.
Прогноз нам обещает день прекрасный.
А по моей щеке течёт горячая слеза...
Но сердце, как барометр, показывает : «Ясно».

А, может быть, спасла нас эта тишина.
Без грома резких фраз и молнии упрёков
Мы счастья терпкого чуть пригубили, не до дна,
Оставив горький привкус зависти пророков.

Не верю я , что время лечит раны.
А зелье перемен лишь зарубцует след.
Напомнят сны порой закат любви багряный
И тающий в ночИ твой тонкий силуэт.

Душевной непогоды растворилась грусть.
Всегда я доверяю интуиции природной.
Пусть будет у тебя всё солнечно. Да. Пусть...
Вдыхаю снова жизнь и страстно, и свободно.

Первый луч

Из мрака чёрных тайн выходит неспеша
Волшебной поступью предутреннее небо.
Рассвет научит нас по-новому дышать,
Увидим ясно в этом мире быль и небыдь.

Дорогою любви придём к своей мечте,
Судьбу доверив мудрому наказу:
«Слова порою так обманны в суете.
Глаза глазам же не солгут ни разу».
Сияют ярко наших душ протуберанцы.
Энергией добра наполнены сердца.
Мы — дети Солнца. Тех миров посланцы,
Где к счастью путь проходят до конца.

Обнажены перед восходом мысли, чувства.
Перо блеснёт стихом, пронзая тьму и бред.
Премьера дня — вот озарения искусство.
Как сохранить в себе божественный тот свет?

Всё — в ожиданьи чуда. Замерло пространство.
И, вот, светило своей щедрой красотой,
Как символ Жизни, Веры, Постоянства,
Нам дарит первый луч надежды золотой.

Алексей Воронов

Я виноват

Я виноват и каюсь перед вами,
За то, что на закате своих лет
Заговорить посмел, почти стихами,
И возомнил, что я чуть-чуть Поэт!

Я виноват, что горький запах истин
Смердит, порой, в изнеженных ноздрях.
За то, что не хочу я быть причислен
К поэзии — с ромашками в кудрях.
Я виноват, что душу нараспашку
Раскрыл, почти что в детской простоте,
И, что её, как старую рубашку,
Порвали в тряпки люди в суете.

Я виноват, что грустно мне и больно,
А не смешно, когда другой упал.
Я виноват, что описал привольно
И свет, и тьму, которую встречал.

Я виноват, что я не всем понятен,
И что не все порой понятны мне.
Но, я не виноват, что неприятен
Тот жуткий смрад, что вы нашли в себе.

18.11.20.

Что хочет бог

Я не монах и не пророк,
Не узник скорби и печали.
Я просто лёгкий ветерок,
Летящий в призрачные дали
Потоком говорливых слов,
Что проникают нежно в души
Ко всем, кто слышать был готов
Не только то, что входит в уши.

Есть нечто большее в стихах,
Как шёпот тихий за словами,
Как откровения во снах,
Что к нам приходят временами
Из неизведанных миров,
Вливая сном реальность в души
Всем тем, кто видимо готов
Услышать больше, чем их уши!

И я порою, как осёл,
Пишу диктант, что слышу сердцем,
И подаю его на стол,
Как винегрет со жгучим перцем,
Что допекает, как зола
Картошку, обжигая души!
Ведь у меня, как у осла,
Есть только данные мне уши,
Да опыт прожитых мной лет,
Плюс опыт тех, кому открыли
Давно придуманный сюжет,
Сокрытый толстым слоем пыли,
Что поднимают суетой,
В погоне за пустым достатком,
Все те, кто борется с тоской,
А душу признают — придатком.

Хотел бы я закончить стих
Возвышенным, духовным слогом!
Но я, увы, не из таких —
Не вижу светлого в убогом.

От не готовых к правде душ,
В которой слёзы стали солью,
Возносится пустая чушь,
Что возвращается лишь болью.

Вам не понравится итог,
Мы Бога Господом признали,
Но, кто узнал — что хочет Бог,
Те вновь в душе его распяли.

19.10.20

Успешный человек

Мне хорошо, в моей душе улыбки,
Я полностью успешный человек!
Ведь я успел признать свои ошибки,
И многие исправить за свой век.

И я богат, хотя и не деньгами.
В кредитных картах, точно, Бога нет.
Я наслаждаюсь дивными дарами,
Которые несёт в себе рассвет!

Я наслаждаюсь, видя образ Бога,
Не на иконах, а в людских сердцах,
Когда им удаётся, хоть немного,
Преодолеть свой первобытный страх.

Я богатею опытом с годами,
Который отражается в стихах,
И новыми, далёкими друзьями,
И теми, кто нас ждёт в иных мирах.

Я наслаждаюсь бурною стихией,
Если она проносится без бед.
Я б наслаждался даже пандемией,
Если б она не причиняла вред.

Я наслаждаюсь сахаром и солью,
Когда они во рту, а не в крови!
Я мог бы наслаждаться даже болью,
Которая заложена в любви.

Я богатею духом вместе с вами,
Кто покоряет двадцать первый век!
И пусть судьба жестока временами,
Я всё равно — успешный человек!

03.11.20.

Разумный и безумный

Я разделяю всех людей,
Которых повстречаю,
По категориям ролей,
Как я их понимаю.

Один живёт, чтоб есть и пить,
Сжигая дни бездумно.
Другой, напротив, ест, чтоб жить,
Всё делая разумно.

Безумному плевать на всех,
Он в жизни лишь прохожий.
Он — урна для людских утех,
Обтянутая кожей.

Он поглощает всё подряд,
Чем может насладиться,
Чтоб изрыгать наружу мат,
Которым так гордится.

Разумный же, наоборот,
Воздержанность лобзает,
Следя за тем, что входит в рот,
И тем, что вылетает!
Лишь я — не этот и не тот.
Я словно крот копатель
Грызущий истин корнеплод,
И капельку мечтатель.

Вы можете меня послать,
И даже без пижамы,
Другие истины искать,
К примеру, на Багамы.

25.10.20

Перевалочный пункт

Мы лишь гости на этой планете.
Стала жизнь перевалочным пунктом.
Мы за много, когда-то, ответим
Перед Богом, отдельно по пунктам.
Мы корнями вплетаемся к предкам,
Восходя генетическим кодом.
Размещаясь удобно по веткам,
Человеко — растительным сбродом.
Мы, лишь, гости на этой планете,
Но ведём — как хозяева мира.
Мы за многое будем в ответе,
Ведь похмелье идёт после пира.
В нас вложили от неба просторы,
Звёздный свет освещает наш разум.
Ну а мы в нём зашторили створы,
И отдались на волю проказам.

14.10.19

Всё пройдёт, но не все

Когда душа для всех поёт,
Купаясь в вОлнах вдохновения,
Всегда найдётся кто-то тот,
Кто плюнет в душу своё мнение.

Утрись, и помни — всё пройдёт,
Но опыт — детище терпенья,
Возможно мудростью взойдёт,
Урезав ваше самомненье.

Душа отправится на взлёт,
Туда, где замирает время...
Останется вас ждать лишь тот,
Кто плюнет после приземленья.

26.07.20.

Я правлю повесть своих дней

Я правлю повесть своих дней.
Добавив чуточку движухи.
Стёр будничность в судьбе своей,
Чтоб отойти от бытовухи.

Подчистил от плохих людей,
Что кружат рядом, словно мухи.
Добавил больше светлых дней,
Чтоб в книге не было чернухи.

Прибавил радость и восторг,
Чтобы читать приятно было!
Изгнал страдания из строк,
Всё сгладив, чтобы стало мило.

Убрал весь негатив, что смог,
Будильников противный зуммер
Перечитал, и вот итог:
«Родился, засмеялся, умер...»

Наталия Тебелева

Информация об авторе

Автор, журналист, редактор, режиссер, директор артистов.
Публиковалась в печатных изданиях и онлайн, выступала на ТВ.
Вышли два сборника стихов - «Под одной крышей» и «Это было когда-то...».
Есть опыт написания пьес в стихах. Песни на мои стихи исполняет артист Ефим Шифрин.

Восхищаюсь русским языком и прекрасно им владею.

Головоломка

Нет, о помощи мы никогда не просили.
Прилагали ньютоны напрасных усилий.
Но в твои ли хоромы — с моею котомкой?
Оказалось, что сломана головоломка:
ни любовью, ни натиском, ни осторожно —
просто штуку вот эту собрать невозможно.

Искалеченный пазл осыпался неврозом.
Оголённой руке — что шиповник, что роза.
Если прятки затеяли детские травмы,
их тебе не найти. Ну, а мне — и подавно.
У меня и своих миллион заморочек:
неоткрывшихся лифтов, оборванных строчек...

Приедаясь, перчинка становится пресной.
И внутри грандиозного Неинтересно
просыпаешься. Ждёшь по-привычке вибраций.
Понимаешь, что нужно на сердце прибраться.
Удивляешься: с вечера не было ломки.
И срываешься в путь. Со своею котомкой.

Декабрь 2020

Расстели постели...

Расстели постели
тем, кому — заснуть.
То не видно цели,
то размыта суть.

То услышишь возглас,
но пропустишь слог,
перепутав возраст,
пол и потолок.

Холода суровы —
свитер не забудь.
Были бы здоровы,
там уж — как-нибудь.

Там из царской ложи
видно — благодать.
Были бы моложе,
что б — не подождать:

то — в загул пуститься,
то — спалить мосты...
Эта ваша птица
цвета высоты

вовсе б не взлетела,
если бы не грех.
Очень близко к телу,
да полно прорех

на своей рубашке —
только канитель.
Завари ромашку,
расстели постель.

Скоро занавес опустится...

Скоро занавес опустится,
скоро кончится прощание.
Улетит седая утица
в облака по обещанию.

И финал, давно предсказанный,
растворится в слабом шепоте.
И, не скованные вазами,
пятнами житейской копоти

на полу сомнутся цветики.
Занавес уймется — вехою,
знаком театральной этики:
красный — с черными прорехами.

Зоопарк

В Москве метель. А в паутине жарко.
Над гаджетами — ядовитый пар.
Немало тварей в нашем зоопарке —
и семьями, и в блуде, и без пар.

Краснеют лица, книга багровеет.
Свободы змей сжимается кольцом:
что справа волкодав, что — чуть левее.
Вот курицу сожравшее яйцо,

членистоногий исполнитель свиста,
с ветвистыми рогами лизоблюд...
Увы, бездоказательно для свинства,
что я определенно не верблюд.

Ноябрь 2020

Четвертая стена

Существованье в трех убогих стенах
за занавеской плохоньких стихов.
Досада, чай, грассирующий тенор
и резкий запах пролитых духов.

А жизнь становится еще на день короче.
И Вам, артисту, как всегда, тесна.
Аплодисменты. Шум. Спектакль окончен.
Передо мной четвертая стена.

Преступление и наказание

Еще не ждали. Уже не рады.
Молчать – губами, глазами. И –
то, что казалось тебе наградой,
становится наказанием.

Забыть. И с первыми петухами
забыться – от исступления.
То, что казалось тебе дыханьем,
становится преступлением.

О том, что было, не память – зависть –
и жжет под сердцем, и плещется.
Та, что любовью тебе казалась,
и есть – старуха-процентщица.

Апрель 2018

Этап недлинной эстафеты…

Этап недлинной эстафеты.
Не слишком славные итоги:
со мной в кровати не конфеты,
а лишь подушечка под ноги.

Уже пора бы знать ответы,
а в голове одни вопросы.
Наложенное кучкой вето.
И то ли слезы, то ли росы.

А что я знаю в эти годы?
Что аксиомы сплошь — химеры.
Гашу лимонным соком соду.
И презираю лицемеров.

Спилила сук, вскопала грядку.
Совсем не накопила денег.
Готова выйти на зарядку,
но — в следующий понедельник.

И хоть инкогнита, но — терра.
А там, конечно, много выше
тебе за гомоном партера
мой голос все равно не слышен.

Этап, возможно, ложно сложный.
Засчитан. Очень не заочно.
И дальше — делать то, что должно.
А то, что должно — будет. Точно.

Сентябрь 2017

Коса всё та же. Тот же камень…

Коса всё та же. Тот же камень.
Я снова захожу на коду.
Лакаю мелкими глотками
свою густую несвободу.

От этой горечи хмелею,
сама с собой иду не в ногу
и становлюсь немного злее,
и старше становлюсь — намного.

Иду. Где прохожу — разруха.
Стремлюсь дойти до самой сути:
с косою там любовь-старуха
у камня ждёт на перепутье.

Солнце свалилось за еловую щётку…

Солнце свалилось за еловую щётку.
Из дальних звуков — поезда, из близких — соловьи.
По случаю красоты такой нехватка тебя проявляется особенно чётко.
Я отправляю в твою сторону света тёплый ветер — лови.

Очень хочется нюхать нарциссы — нос к носу,
переплетясь волосами над смятой травой,
не составляя бессмысленных пар из наших ответов и чьих-то вопросов.
Грустно, но этот вечер — мой, а не у меня — твой.

После справедливости

Есть такое страшное бессилие —
от справедливости происходящего.
Когда все разложено по ящичкам
и не выскочит — как ни просили бы.

Есть такая тишина нарочная —
не прорвет ее ни телефон, ни колокол,
от нее ни присядом, ни волоком —
только под тюфяк ее, горошину.

Есть такое «стыдно», что не вынести —
замки рушит в пыль, срывает башенки.
Там уж хоть в палату, хоть в монашенки —
лишь бы в мир за миг до справедливости.

Июль 2020

Валерий Мазманян

Время лиловых туманов сирени

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер —
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавает в луже,
время — река без истока и устья,
дважды войдёшь — не расстанешься с грустью.

Следом за зноем — шумные грозы,
ангелы трав — голубые стрекозы...
время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

Серебрился декабрьский снег

Повернулась печальным лицом —
не клянись, что запомнишь навек,
на плечах твоих белым песцом
серебрился декабрьский снег.

Говорили потом о пустом —
у судьбы безграничная власть,
над последним осенним листом
почерневшая ветка тряслась.

У метели — дожить до весны —
замерзающий кустик просил...
и тебя в беспокойные сны
увозило ночное такси.

Метелям — в память лет

По лужам облака плывут,
последний снег зачах,
и сосны держат синеву
на бронзовых плечах.

На все лады поют ручьи,
что всё в твоих руках,
гуляют важные грачи
в потёртых сюртуках.

Дождям — в жемчужную росу,
метелям — в память лет,
я, как огонь любви, несу
багряных роз букет.

Возьмёшь цветы, я, не дыша,
услышу — горячо...
и сизым голубем душа —
на белое плечо.

И одуванчиком душа летит на голубое небо

Слеза росы и неба просинь
в густых ресницах васильков,
а грусть вечернюю уносят
метели белых мотыльков.

Ни травы, ни цветы, ни ясень
не ждут большой ночной грозы,
и мир так радужно прекрасен
в прозрачных крыльях стрекозы.

Пьянит и воздуха глоток,
и нежный аромат сирени,
и зайчик солнечный прилёг
на загорелые колени.

Трубят шмели, что ты пришла,
мы голубям накрошим хлеба...
и одуванчиком душа
летит на голубое небо.

И пройдутся пути и дороги

Что-то сложится, что утрясётся,
проторит слово к сердцу тропу,
и цыплёнком весеннее солнце
разобьёт облаков скорлупу.

И пройдутся пути и дороги,
и вечерняя грусть — не беда,
и берёзе усталые ноги
дождевая омоет вода.

Воробьи соберутся оравой,
и весна, торопясь всё успеть,
в суматохе уронит на травы
одуванчиков звонкую медь.

Поутру лягут майские вишни
белоснежной грядой облаков...
и мне скажут, что ты меня слышишь,
голубые глаза васильков.

Давай на грусть наложим вето

Давай на грусть наложим вето,
когда не спится до рассвета,
когда ты в зеркало не глядя,
седые вспоминаешь пряди.

Молчание плетёт интригу,
не делай вид — читаешь книгу,
печаль плетёт у сердца кокон —
постой со мной у синих окон.

На город лёг туман акаций,
душа зовёт в нём потеряться,
а ветер вишню в белой шали,
слегка касаясь, утешает.

Поплачься, если станет легче,
а майский дождь у окон шепчет,
что за весной не осень — лето...
давай на грусть наложим вето.

Антон Гулякин

Дом кажется пустым

Я не с тобой и не твой,
И между нами струна.
Кажется, дом пустой...
Лопнет, наверно, она...

Можешь ко мне подойти,
Дай надышаться собой!
Но даже если войти,
Дом всё равно пустой.

Неразговор

Свой разговор с седой луной
Веду от ночи к ночи.
Ни словом ни одним с тобой
Ни разу, между прочим

И блекнет медленно луна,
Надолго не хватило.
Кричу звезде я, чтоб она
Со мной поговорила.

Настанет день, и этим днём,
Ночей в сто раз короче,
Мы снова ни одним с тобой
Ни разу, между прочим!

Без названия

Кто б из великих выказал мне зависть,
Покуда честь мне выпала сказать:
Ни опыт никакой и ни перо поэта
Красот твоих не в силах описать.

Попытками свою терзая душу,
Возможно, кто-то подберёт слова,
Но никогда ни друга и ни мужа
Не опьянишь так сильно как меня!

Зима

А сердце, как окно, в твоих узорах,
Жестокая предательски зима,
Моей любовью в возведённых горах
Теперь твои снега и ты сама.

Давно ли по сугробам ты приносишь
В любимое мной сердце холода?
Ты в нём метелями без спросу хороводишь,
И видно остаёшься навсегда.

Владимир Володин

В будке телефонной спит щенок усталый…

В будке телефонной спит щенок усталый.
От огней рекламы в ней, как днём, светло.
В будке телефонной грусть заночевала,
Ну, а где-то рядом – сытно и тепло.

Где-то гладят холку, другом называют,
На тарелку кинут мозговую кость.
А его, как тряпку, грязную пинают,
С лёгкою душою вслед швыряют злость.

Кто – живёт без страха, кто-то топчет крохи,
А кого-то вовсе одолела лень…
А его ночами – заедают блохи.
Он и сам голодный: и не первый день.

Ветер разругался с голыми кустами.
Снова пахнет снегом: как тут не завыть?
В будке телефонной спит щенок усталый:
Дай Бог, ему силы, зиму пережить.

Старый балкон

Старый балкон — совсем как новый:
Он перекрашен в цвет лиловый,
А по бокам – немного с синевой.
Только не скрыть под этой маской
Всю его жизнь, все перетряски,
Как не закрыть ладонью шар земной.

Знал на своём веку он многих:
В ботах, туфлях и босоногих.
Кто-то рождался, кто-то умирал...
Старый балкон держать старался —
Ни на кого не обижался,
Но иногда сердился и дрожал.

Мы выходили вечерами,
Мир открывался перед нами:
Всё было просто и надёжно в нём.
Месяц встречал холодным взглядом,
Звёзды висели просто рядом!
Старый балкон казался кораблём.

Нашей судьбы попутный ветер
Всех разбросал по белу свету:
Письма к родным идут со всех сторон.
Многим мы счастливы, но всё же
Кажется мне: всего дороже
Старый, немного с синевой, балкон

Диалог

– Скажи: откуда этот свет?
Он – от звезды? Или луны
Посланник дерзкий в наши сны?
А может, отблеск прошлых лет?

– В моём ответе не лови
Ухмылку, пошлость, или спесь,
Но этот свет – рождён вот здесь:
Он от моей к тебе любви.

– Скажи: откуда этот звук?
Он появился невпопад...
А может это – камнепад?
Всё неожиданно так вдруг.

– Словам ты удивишься вновь,
Но это сердце в перехлёб
Торопит наше время, чтоб
Моя к тебе дошла любовь.

– Скажи: откуда этот стон?
Как будто эхо ранних грёз.
А может – выброшенный пёс?
Как одиноко воет он.

– Ты всё не веришь, вижу я.
Но это – стон души моей:
Невинной, чистой, как ручей.
Виной тому – любовь моя.

– Скажи: откуда этот смех?
Ведь ночи стелется рядно.
А нам, как будто не смешно...
Боюсь, что он разбудит всех.

– Ответ мой сказочно простой:
Твоя душа – иным жива.
Её наплевать на все слова-
Вот и смеётся надо мной.

– Скажи, скажи мне...
– А зачем?

Сергей Прокудин

Маленькое осеннее безумие

Из того октября вывозили последнюю мебель,
Драпировку содрали и грязью забрызгали пол.
И шофёр, что транзитом в ноябрь, топтался в передней,
Намекал на бутылку, упрямо сопел, но не шёл.

А дождинки валились с небес, будто яблоки спелые,
И пропах листопадами птичий отлёт затяжной.
А ещё уходила в фуфаечке грязной Офелия,
Называясь, как ей и положено зваться, октябрьской женой.

Не хватало ещё меж дождинок усесться и плакать.
Лучше влезть в поезда и заснуть под восторг железяк.
Я кленовый листок подобрал и шофёру отдал вместо платы.
Тот взглянул, покрутил у виска, но листок всё же взял.

Распутин

Такая вот беда, Григорь Ефимыч, –
Костлявая живёт и во дворцах.
Не откупиться песнями лихими
И даже не послать её в сердцах.
Империи трудней держать за горло,
Чем воровать из стойла лошадей,
И дураков звереющая свора
Тебя схоронит в ледяной воде.

Из глубины российской неоглядной,
Вселяя страх в сановные сердца,
Выходят конокрады в казнокрады,
Знамения творя и чудеса.
Чтоб господа забывшие монашки
Молились им и в счастье, и в тоске,
Чтоб припадала шушера монаршья
К мужицкой потной жилистой руке.

Такая вот беда, Григорь Ефимыч, –
До слёз на холодеющих щеках:
Не порезвиться с девками тугими
И в барских не барахтаться шелках.
И шлюхи по-собачьи вой подымут,
Шалея от давнишнего греха,
Как больно их ласкал Григорь Ефимыч
И сотни им за пазухи пихал.

Вином ты нынче до смерти упился.
И сзади тьма, и полночь – впереди.
И словно бы из треснувшей бутылки
Течёт струя из порванной груди,
Головушка повисла неживая –
Настала преогромная тоска –
И руки подниматься не желают,
Чтоб денежки кровавые ласкать.

Такая вот беда, Григорь Ефимыч,
Что ангел твой вспорхнул – и был таков,
И по тебе рыдают панихиды,
И из бумажных не восстать цветов,
И не трясти, как яблоню, столицу,
От водки буйну голову терять,
В альковах бархатных царице
Подол, как девке задирать.

Тоскливо ржут имперские кобылы,
Но всё уже не стоит ни шиша.
Григорь Ефимыч, разве ж позабылось,
Как эта жизнь чертовски хороша?
И, вздрогнув, подо льдом душа очнулась,
И полетела к небу, матерясь,
И тухлая империя качнулась,
Твоих плечей опору потеряв.

В провинциальном городке...

В провинциальном городке
Однажды сдуру
Я как-то в церковь заскочил
Полупустую,
И поп, меня перекрестив,
Промолвил строго:
«Скажи, сын мой, а ты в душе
Имеешь бога?»

А я не знал, чего сказать,
И рот разинул,
Но хорошо, что пьяным был
Уже в дрезину,
И я сказал ему тогда:
«Отец мой дьякон,
Имею бога я в душе,
Имею всяко».

Ведь я полжизни промахнул,
Не оглянувшись,
Рога ломал и пальцы гнул,
И водку кушал,
И научился брать и сметь,
Любовью атакован,
Но чтобы бога поиметь –
Не знал такого.

Ты помнишь, милая, лесок
И луг в ромашках,
Когда судьба моя разок
Дала промашку,
И ты скакала в неглиже
Кудрявой бякой,
И я имел тебя в душе,
А также всяко.

Но, видно, нужен я судьбе
Тоской убитый,
И я пошёл в дожди, к себе,
Тобой забытый,
И всё твердил, покуда шёл
От печки до порога:
«Имею бога я в душе,
Имею бога...»

В жизни только осталось, что клясться...

В жизни только осталось, что клясться да в памяти шарить
И без водки дуреть, услыхавши знакомую весть:
За решёткою ржавой, на воле, капель заглушая,
Верещит воробей, уцепясь коготками за жесть.

Божий птах, нищета, пусть мы чем-то с тобою похожи,
Будь ты самых блатных, голубых воробьиных кровей, –
Брось свистеть, улетай, и о том, что весна на подходе,
Не ори, воробей.

Просто пропастью грязной аукнулась неразбериха,
И сомнения в горле, и мне не уйти напролом.
Где-то ждёт и меня в разорённом гнезде воробьиха,
Близорукая птаха с тоской перебитым крылом.

Оттого и тоскливо, что мне не подняться до крика
И, конечно, уже не поверить твой ворожбе.
Обалдев от весны, о свободе горласто и хрипло
Не ори, воробей.

Я и сам был горласт. Даже слишком, по чьим-то умишкам.
И за то, что удачливей всех, а иных озорней, –
Так и шёл сквозь рассветы с охапкою песен под мышкой
И с дразнилкою детской в кармане – «Сергей-воробей».

И за то предо мною захлопнули двери в морозы,
И глазели в окошки, о стёкла носы размозжив,
С воробьиными душами милые люди-стервозы,
Те, кто серо и скоро чирикал стихи на разлив.

Пусть живут и не знают до срока ошибок и розней,
Пусть приходят и к ним чудеса из весны и любви,
Пусть им снятся больными ночами до старости поздней
Убиенные ранней зимой воробьи.

Борис Машкович

Ностальгия

Лишь радость ненадолго наполняла
Мою обитель сладостной волной,
Которая сознанье опьяняла
Даря покой и ясный образ твой.

Но боже мой, как после страшно было
Понять, что видел только сон
И на душе сомнением застыло,
А был ли он — сердечный унисон?

И выгнать вон из сердца этот бред
Столь сложно, что порой тебя
Я проклинал, как слишком яркий свет.
В себе храня и все сильней любя.

Не для себя, просил я лучшей доли.
Хотелось счастьем сделать жизнь твою,
Но нам Судьба дала другие роли
И я в свою сказать успел: «Люблю»...

Сегодня создаю стихи о том,
Что мною ностальгия овладела.
Мне неизвестно будет ли потом...
Душа еще не охладела от суеты мирского дела.

Лишь до предела радость ненадолго наполняет
Мою обитель сладостной волной,
Которая сознанье опьяняет
Даря покой и ясный образ твой.

09.10.1988

Закон любви

Душа волнуется и пламенеет кровь,
Стираются все рамки и препоны,
Когда однажды — верная любовь —
Заставит соблюдать свои законы.

Сжигает разум страсть не ведая предел.
Отброшены сомненья и вопросы,
А в мыслях круговерть от нерешенных дел
И прошлое на век летит в отбросы.

И радость встреч, пьянящей новизной,
Навеет мысль о том, что жизнь прекрасна,
А при разлуке — сердце сушит зной.
Тоски. Ужасная печаль, и боль в груди ужасна.

А есть еще удар и боль нелепых ссор,
Что возникают в ходе понимания.
Из жажды истины, мы, затеваем спор,
Из-за взаимности, мы, требуем внимания.

Но, глупо требовать взаимность и любовь.
Их только заслужить возможно и добиться.
На острие преград свою оставив кровь,
Родник расчистишь — сможешь и напиться.

И, я, взаимность заслужу.
Надежда ведь со мной и вера, Пусть дни промчат, но докажу,
Что лира не напрасно пела.

Закон любви суров — один для всех:
Ценой нелёгкой счастье достается.
И лишь тому сопутствует успех,
Кто боль преодолев, преградам не сдается.

24.11.1986

Письмом к тебе

Не растворяясь в гулкой тишине,
Мои стремления пусть строками ложатся
На белый лист, которым я к тебе,
Хочу сквозь тишину ночи прорваться.

Увидеть вновь твой милый лик.
Услышать голос, очень близким ставший
И поделиться тем, что я постиг,
Как без тебя, мой дом стоит уставшим.

Как тишина наваливается грузом,
Который сбросить просто не всегда.
Судьба соединить сумела плюсом
И разослать успела в города...

Мое письмо в твой город добредет,
Разыщет дом и ляжет ждать мгновенья,
Когда с работы адресат придет
И вызволит его из заточенья.

К твоим рукам листочком прикоснуться
Я так хотел, когда его писал,
Что если б удалось строкою обернуться —
Тепло своей души полнее передал.

Но ни к чему напрасные стенания
И о душе не будем речь вести.
Письмо преодолело расстояния,
Мои слова сумело донести...

Нам доброю рукою Проведение
Еще не раз сумеет встречу дать.
Отбросим грусть. Пусть наше настроение
Письмо сейчас сумеет приподнять...

Не растворяясь в гулкой тишине,
Мои стремления вновь строками ложатся
На белый лист, которым я к тебе,
Хочу сквозь тишину ночи прорваться.

04.08.1988

Одигитриевский собор

Сила времени (слабых, но точных ударов)
Познается в дошедшем из прошлых веков...
По закатанным снам тротуаров,
Мимо снегом укрытых Гостинных Рядов,

Подойду к Пионерского сквера ограде,
Что решеткой чугунной свой тянет узор.
Завершен переход и в встревоженном взгляде
Отражается облаком чистым собор.

Путеводной звездой. Только... безумно уставший,
От пробитых сквозь время нелегких дорог.
Он застыл, поражений своих не признавший,
Стен израненных, нам, молчаливо-терпимый упрек.

Но... привычно свое. Нас всегда поражает чужое,
И так много искусно созданных преград.
Толи времени нет. Толь намеренье это благое.
Мы боимся низвергнеться в нами же созданный ад.

Где еще пузырит волокиты трясина,
Где различных бумажек кружит хоровод. Без конца.
Так могуче владеет сознаньем рутина,
Как надежда сильнее всего на Творца.

Тополей застыли ветви. Смертна белизна.
Обнаженной. Обнаженной до кости натуры.
Мне пора уходить. Ты прости старина
За слепую любовь к достоянию нашей культуры.

Наш собор не один в своем горе.
Церковь Троицы время избило сильней.
Аргументы нужны, если истину видите в споре,
Если боль разглядев не становиться сердцу больней.

Улан-Удэ
10.12.1988

Магомед Мусаев

Когда не вижу я твоих очей

Когда не вижу я твоих очей,
Измученный тоской, разлукой, пыткой,
В ночи глухой, безжалостной и прыткой,
Злюсь от любых никчемных мелочей.
Ни музыка старинных скрипачей,
Ни шутки, обрамленные улыбкой,
Последней и отчаянной попыткой,
Не сгонят мыслей траурных ночей...

И если б не сказал мне Некто свыше,
Что срок разлуки наш почти что вышел,
Сошёл бы я с ума уже давно,
Но верую, что так предрешено,
Что встреча — неизбежный верный путь,
Которому никак не увильнуть.

08.05.2020

Под рокот оглушительного грома

Под рокот оглушительного грома,
Не замечая шустреньких котят,
Лицом к лицу стоящие два дома
Сто лет уже обняться как хотят.

С подачи архитекторов заумных
Стоят они покорно, из земных
Уже сто лет без поцелуев лунных,
Без ласк!.. без ласк застенчиво-хмельных.

Вот треснула стена второго дома:
Он силится, как раненный солдат,
Плевать, что штукатурка от погрома
Вся к чёрту разлетится невпопад...

Плевать, что сам разрушен и унижен
В итоге будет по своей вине,
Зато на пару сантиметров ближе
Окажется к желанной стороне.

Давай встретимся и выпьем чаю

Давай встретимся и выпьем чаю.
С шоколадкой можно, можно с тортом.
Умоляю тебя сердцем стертым:
«Давай встретимся и выпьем чаю»

На любой из улиц и бульваров
Ранним утром ли, иль поздней ночью,
Где хватает полных самоваров
Умолять тебя я не закончу:
«Давай встретимся и выпьем чаю».

Будут, между нами, пусть обиды
Из-за каждодневных глупых стычек.
Возле золотой мы пирамиды,
Выйдя из каких-нибудь кавычек,
Встретимся давай и выпьем чаю.

И тоску в обертке получаю,
И тугие мысли от вопросов.
Все, на день одноминутный, бросив
Давай встретимся и выпьем чаю.

Будь со мною безрассудной

Будь со мною безрассудной,
Непослушной и скупой.
Вдруг об стену бей посудой,
Песни пламенные пой.

Рви мои тетради, книги,
Жги надежду у реки,
Распыляй по ветру крики,
Просьбам тщетным вопреки.

Грубой ночью без причины
Встань отчаянно спиной.
Только будь же до кончины
Неразлучною со мной.

Елена Ухова

Ты попадешь в сумасшедший дом

Хочешь убить меня- убей
Своими словами, как выстрелом
В душу яда налить- налей
Только все Это я выстою.

Я умирала тысячи раз
Такими как ты, убитая
Не открывала уставших глаз
Стучала в двери закрытые

Хочешь страданий моих- бери
Смотри как корчится сердце
Только запомни- замку двери
Однажды не отпереться

Ты попадешь в сумасшедший дом-
Это похуже смерти
Будешь лечить кошмары сном,
А его заберут мои черти.

Мелодия любви

Забытая мелодия любви
Сегодня утром тронула мне сердце,
Когда глаза увидела твои
Во сне. И не успела наглядеться.

Мне говорят, что музыка не та
Что струн души касается небрежно
И не любовь, а просто маята
Меня к тебе толкнула в неизбежность.

Ну что ж, наверно были правы те,
Кто, говорил, чтоб я тебя забыла
И не ждала в полночной темноте.
Но я ждала. И всё таки любила.

Хмельные березы

Плакало небо о пройденном лете,
Нервною дрожью осень встречая,
Тихо уснуло оно на рассвете
Лес осыпая холодной печалью.

Плакало солнце, утром проснувшись,
Что не согреет землю теплом
И отраженьем в волну окунувшись,
Солнце мечтало о лете былом.

Плакало море волною безбрежной
Кликало солнце, и бредило летом
Только не быть ему тёплым и нежным
И не согреться ярким рассветом.

Капали с неба холодные слёзы,
Только в лесу у еловой соседки
Радуясь жизни, хмельные берёзы
Жёлтый наряд примеряли на ветки.

Алексей Борычев

Информация об авторе
Лауреат премии журнала «Зинзивер» в номинации «Поэзия» за 2016 год,

Лауреат премии журнала «Литературный меридиан» в номинации «Поэзия» за 2013 год.

Автор нескольких книжек стихов и публикаций стихов журналах: «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Юность», «Смена», «Крещатик», «Мы», «Аврора», «Кольцо А», «Наш современник», «День и ночь», «Студия», «Московский вестник», «Второй Петербург», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Простор», «Север», «Нива», «Время и место», «Слово/Word»

Наблюдение

Я видел, как, зажженная зарею,
Горела ярым пламенем роса
И над травой, спешащая за роем
Каких-то мошек, мчалась стрекоза.

Переливаясь радугой, сверкала,
Разбившись отраженьями в росе;
И понял я, что целой жизни мало —
Увидеть мир во всей его красе.

И был этот день...

И был этот день... и земля, и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По темным бокалам, и, глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней, кисельно текущей сурьме,
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял.

Старость

Ты чуешь, как, сжимая времена,
Ползёт по венам к сердцу злая старость!
Какими бедами напоена
Ничем не обратимая усталость!..

И старый стол, и серый шкаф, и мрак –
Вот маркеры неспешного уюта.
Устроен дольний мир совсем не так,
Как хочешь ты, как хочется кому-то...

И мутной паутиной пустоты
Опутано грядущее, а в прошлом
Не видно ни одной живой мечты,
От настоящего так трудно, тошно!

Пускает злобно щупальца свои
Чернильный спрут голодных одиночеств
И плющатся волшебные слои,
Где доброта, любовь, и честь, и почесть...

И серый леденящий дождь потерь
С твоих обочин смоет страсть и радость...
Скрипит, скрипит ржавеющая дверь
В соцветие блестящих детством радуг.

И скоро затворится навсегда!
Померкнет всё, и спрут в момент ослабнет.
Другие доживут свои года –
Почти как ты – бессмысленно, бесславно...

Игорь Улитин

Хлебобулочные изделия, любящие их женщины и странные мужчины.

Штруделем жёстким зубы ломая,
Шла по лугам Бесарабова Рая.
Ей параллельно, царапая ноги,
Полз Бесарабов Израиль, убогий.

Кексом засохшим царапая нёбо,
Мчалась лугами Людмила Гринёва.
Рядом, за руку держась еле-еле,
Мчался Гринёв Николай, в тучном теле.

Булкой кирпичеподобной давившись,
Шла Марагарита Хохлова, упившись
Водкою тепло из мыльниц. А рядом
Шёл Анатолий Хохлов с трезвым взглядом.

С хлебом из отрубей, с круассаном,
Словно летела Крылова Оксана.
И не пошел с ней. Остался. Напился.
Аполлинарий Крылов. Он влюбился.

На втором этаже трёхэтажного дома

На втором этаже трёхэтажного дома
Проживает старик без седой бороды.
Его ключница, мать и жена тётя Тома
Свою жизнь отдала на добычу руды.

По утрам она крутит ему профитрольки,
Варит латте и мажет каймак на батон.
А он сидя под сенью своей парасольки,
Смотрит летом футбол, а зимой биатлон.

Они вместе живут тридцать лет и два года,
Восемь месяцев, день и четыре часа.
Сын и дочь своего трудового народа.
Гордость, совесть и честь! Совесть, честь и краса!

Она смотрит в обед передачи о моде.
Он не смотрит. Он смотрит печально в окно.
Где-то там вдалеке на большом теплоходе
Он бы мог бы, сейчас бы играть в домино.

Он продулся бы в пух, до последней штанины
И шагнул бы в пучину индийских морей.
Но приходит соседка по имени Нина.
И он снова на кухне в квартире своей.

MashaNe

В замок Снежной Королевы. Каю.

В подоконных залежах зимы
затерялись буквы алфавита.
Как считалка: Veni, vidi, ...vita.
Приходи ко мне, иди на мы.

В ледяном забвении, звеня,
Айсбергом застыл огромный город...
Почему — тебя изранил холод,
А осколок в сердце у меня?

Как тебе живется в декабре?
Королева мягко стелет простынь?
Между вами — сказки и погосты,
Между нами — версты в серебре.

Жжет касанье леденящих губ
в тронной зале снежного прихода?
Слово «ВЕЧНОСТЬ» — это не «СВОБОДА».
Ты мне до сих пор,
как прежде,
люб...

P.S.
Дней невыносимость так легка —
перышком в плену, под сердцем ветра.
Здравствуй, повзрослевший мальчик Кай,
Я устала жить.
Целую.
Герда.

Зайку бро...

Вновь, словно темень дюралайтом,
сомненьем разум сокрушен...
А если не был брошен зайка?!
А если зайка сам ушел?

Не вынес бытовых аллюзий,
«позора мелочных обид»,
и социально — тяжким грузом,
бастуя под дождем сидит?

И мокнет плюш ушей и шеи,
и виснет ус, и меркнет взгляд,
и всё никак не хорошеет,
а люди по делам спешат.

Судьба — пустая портупея,-
нет ни орала, ни меча,
но в зайце всё мизантропеет,
и зайцу хочется кричать,

но он молчит, и матереет.
Прожить – не с лавочки сползти.
Мазая нет, и батареек,
и не считают до пяти...

Жар-птица

Душу сняв поющую со спицы, —
здесь с беглянки, а не с вора, спрос,
ты меня, полуденной жар-птицей,
в горний мир за пазухой пронес.

Только чуду срок — привычка к чуду.
Получив желанное в своё:
В каждодневной песне – смерть-остуда,
в постоянном блеске – забытье.

Позолота стерлась, жара мало.
Сказка заблудилась днём с огнем.
Вот и всё...я перекочевала
в стаю горлиц под твоим окном...

Вячеслав Савостьянчик

Мы под ливнем осенним…

Мы под ливнем осенним упругим
По сырым тротуарам спешим.
Мы не видим, порою, друг друга.
Да и видеть совсем не хотим.

Мы гордимся душою закрытой
И неверием в искренность слов.
Мы не делаем даже попыток
Избавляться от этих оков.

Мы живём в тёмно-сером тумане,
Так, как будто друг другу клялись
Жизнь считать величайшим обманом.
И обман принимаем за жизнь.

Над старым городом…

Над старым городом уснули мирно тучи,
Опутав улицы дождём, как паутиной.
И время стало медленно-тягучим.
Смотрю в окно, как будто на картину.

И вижу, как на этой акварели
Всё замерло. И стих безумный трафик.
Хотя старинный город жил доселе,
Беспрекословно соблюдая график.

Я неделю назад познакомился с Машей

Я неделю назад познакомился с Машей.
В коридорах больницы звучал звонкий смех.
Пусть ребёнок играет, ведь это не страшно.
Ну и что, что больница? Смеяться не грех!

Видно Маше я сразу пришёлся по нраву.
Подошла, не стесняясь, как будто своя:
-Как зовут тебя, дядя?
— Меня зовут Слава.
-А меня зовут Маша, теперь мы друзья!

С этих пор мы с Марией бродили повсюду.
Я в компании с ней никогда не грустил.
Каждый день задавался вопросом откуда
В этой маленькой девочке так много сил?

А подруга моя без умолку болтала,
Про семью рассказала, друзей и подруг.
И по-взрослому очень жалела как мало
Ей осталось лечить свой смертельный недуг.

Маша нас познакомила с плюшевым мишкой.
Мишка ростом с неё, настоящий медведь!
Я читал Маше старые детские книжки.
Скучно ей, но сидит. Привыкла терпеть.

А вчера, покраснев, голосок приглушая,
Маша мне рассказала огромный секрет:
Скоро станет она уже очень большая!
Маше завтра исполнится ровно семь лет!

Я проснулся пораньше. Сон — просто капризы.
Упросил медсестру отпустить в магазин.
Маша очень мечтала о «Киндер Сорпризе».
Я куплю ей, конечно, и не один.

Ведь один — это катастрофически мало.
Пусть на каждый год жизни их будет все семь.
Медсестра опустила глаза, прошептала:
«Маша ночью ушла
Ушла насовсем»

Я знаю, что такое счастье...

Я знаю что такое счастье.
Оно живёт в твоих глазах.
Ко мне является во снах,
Примерив облик твой прекрасный.

Я знаю, счастье в мелочах.
Что для других не будет главным.
В твоей улыбке, жестах плавных,
В тобою сказанных словах.

В тебя влюбиться так легко.
Лишь взгляд, касание рукой —
И я в плену любви капризной.

Тебя так трудно разлюбить.
На это, очень может быть,
Не хватит даже целой жизни.

Скоро всё станет далёким...

Скоро всё станет далёким, неважным.
Скоро увидим, как наши мечты
Словно простой самолётик бумажный
Падают, тихо паря с высоты.

Ну а пока мы играем влюблённых,
Сердцем не чувствуя будущей раны.
Сети друг другу плетём увлечённо,
Тонкою нитью — красивым обманом.

Только однажды, запутавшись прочно,
Так, что свободно не сможем дышать,
Мы разбежимся тёмною ночью,
Чтобы с другими влюблённых играть.

Проза

Андрей Голубь

paw

Игорь Улитин

deriaba75

Владимир Добрицкий

Docskif

Светлана Гесс

Sedryk

Андрей Голубь

Венский поездок

В поселке Покрышкино на улице Ленина помер местный слесарь Антип. Мужик он был простой, жил как все — не то чтобы бедно, но и не то чтобы богато, с соседями был относительно дружен, жену не бил, детей не ругал. Привычек скверных Антип не имел, выпивал как все, разве что песни горланил матершинные, когда подопьет, но это уже было его Антипа дело, где и что петь и никто из местных его за это не корил. Добра за жизнь слесарь Антип скопил немало, но добро это было неказистым и простым, а на другое Антип не заработал.

Похороны Антипа прошли через три дня по всем поселковым канонам — гроб на табуретках, причитающие старухи и длинная дорожка из гвоздик. Жена слесаря, прождав положенные сорок дней, укатила с соседом и детьми залечивать душевную рану на юга, а квартиру оставила одной бдительной соседке. Рано утром она вручила ей ключи с наказом раздать все, что имелось в доме, всем желающим. Старушка эта, после отъезда Антиповой жены, добросовестно написала записку на доску объявлений, а к вечеру слегла с сердечными болями и уехала в больницу на карете скорой помощи. В записке говорилось следующее:

«В пятницу раздам Антипа покойного слесаря вещи всем желающим. Валентина 15 кв.»

Первым эту записку увидел местный хулиган, который шел рано утром в игровой клуб, прогуливать уроки. Ведомый, как позже скажет участковый, хулиганскими мотивами он подписал на клочке слово известное, но некультурное, поэтому здесь оно напечатано не будет. Местный дворник, увидев безобразие, отходил шалопая метлой, а записку исправил, чтобы не вызывать возмущения местных жителей.

Не успели ещё покраснеть следы от прутьев метлы под брюками хулигана, когда из подъезда вышла семья Куриных в полном составе. Отец с сыном несли ковёр, чтобы просушить его на заборе, жена с дочерью шли следом и несли два таза белья, спеша занять свободные бельевые верёвки. Младший Курин заметил объявление и остановился.

— Папка, гляди! Бабка Валентина вещи Антипа покойного раздавать будет! Пишет про поезда какие-то!

— Антип, я слышала, в депо работал по молодости, — добавила жена. Нужно будет сходить посмотреть.

— Вот это дело, может там инструмент, какой завалялся, сходим, — ответил отец.

Мимо подъезда прошёл пенсионер из соседнего дома, беглым взглядом он окинул доску объявлений и сел за столик во дворе, чтобы немного отдохнуть в теньке, к нему подсели ещё два местных жителя, достали домино, начали играть. Один из них припомнил покойного Антипа, и его набор инструментов.

— Шабашить приходил всегда со своим — сказал один из них, звонко щёлкая по столу костяшкой домино, — даже сварочный аппарат содержал.

— В пятницу Семёна зашлём на разведку, нехай поглядит, — ответил другой.

Со стороны кооперативных гаражей во двор направлялась целая компания местных маргиналов — алкоголиков, которые еще до обеда успели изрядно принять на грудь и теперь слонялись и бездельничали. Новое объявление привлекло их внимание, когда до подъезда оставалось ещё метров десять.

— Работа, там может какая, — произнёс один из них и ускорил шаг.

— Если работа, то я пойду мужики, мне нужнее, — ответил второй. Все втроем они подбежали к доске и принялись жадно читать.

— Поезда, мужики! Поезда! Вы себе представляете? У моей тётки в детстве был венский поездок с рельсами и гудочком. Так она его потом у какого-то коллекционера на песцовую шубу выменяла! Храни Боже Антипа, покойного раба твоего!

Неожиданно на первом этаже, в квартире, окна которой выходят прямо на доску объявлений, дёрнулась занавеска, за которой скрывалось суровое лицо заместителя старосты дома Елены Карловны. На старости лет слух уже начал её подводить, поэтому основные моменты из этого диалога она выписала в специальную тетрадку. Красной ручкой Елена Карловна обвела слова «венский поездок» и «песцовая шуба».

Дважды попытавшись дозвониться в 15 квартиру, Елена Карловна

набрала на телефоне номер соседки сверху.

— Ирина Олеговна, добрый день. Возмутительно, не то слово! Валентина дорогостоящие вещи покойного Антипа в обход жилищного комитета раздаёт! В частности песцовую шубу и дорогой венский поездок! Да, конечно надо разобраться. Я схожу к ней, попробую разузнать, что к чему. И вам всего доброго, Ирина Олеговна.

К вечеру все члены жилищного комитета срочно собрались у двери Валентины. Четырнадцать человек, суммарный возраст которых уже давно перевалил за тысячу, громко кричали и требовали у Валентины через дверь права первыми войти в квартиру покойного.

— Валентина, — кричала через дверь Ирина Олеговна, — мы вам объявляем импичмент! Откройте немедленно дверь!

— Мяу — отвечала ей кошка Валентины.

— Граждане, граждане, — она решительно отказывается открывать! Я точно слышала, как она сказала, нет! Валентина, именем жилищного комитета, откройте!

Не меньше часа деревянная дверь Валентины сокрушалась под натиском членов комитета, после чего собрание закончилось и старикам пришлось разойтись. Ближе к ночи к двери Валентины подкралась Ирина Олеговна.

— Валентина, — прошептала она в замочную скважину, — нам с вами, как ответственным лицам, необходимо первыми войти в жилище Антипа. Песцовую шубу мы с вами уж как-нибудь поделим. Что мы не люди? Вот вам небольшой презент.

С этими словами она свернула несколько купюр в трубочку и просунула их в замочную скважину.

— Валентина, вы согласны?

Никто не ответил. Ирина Олеговна пропихнула в замочную скважину ещё несколько купюр.

— А так?

Молчание. Ирина Олеговна выругалась и пошла наверх за заначкой. Стоило ей захлопнуть дверь, как на лестничной площадке появился ещё один представитель жилищного комитета Иван Никифорович. Он достал из кармана конверт с пенсией и судорожно начал скручивать купюры

трубочкой и просовывать их в замочную скважину.

— Валентина, это Иван. Вы только меня не забудьте. Я с вами пойду!

Просунув в замочную скважину половину содержимого конверта Иван Никифорович услышал шаги, и сбежал. Сверху спустилась Ирина Олеговна.

— Валентина, я слышала, как вы выходили. Я отдаю вам все свои сбережения и надеюсь на ваше благоразумие. Буду ждать вас в десять утра здесь на лестничной площадке.

Не меньше получаса ушло у Ирины Олеговны на то, чтобы просунуть все свои деньги в замочную скважину. После того, как она ушла домой, открылась соседняя дверь, откуда вышла младшая Курина.

— Бабушка, — шепотом произнесла она в замочную скважину, — меня мама послала, я вам всегда помогала. Вот папкино кольцо и мой золотой кулончик, я всё в ваш почтовый ящик положу, заберите, пожалуйста, только возьмите маму тоже в Антипову квартиру. В девять утра она к вам постучится.

Следом за ней, у двери Валентины появилась делегация стариков из соседнего дома. Кто-то пустил слух, что в квартире Антипа стоит дорогой немецкий коллекционный сервиз и поэтому они тоже намерены принять участие в дележе. Сообщив, что вернутся ранним утром, старики бросили все свои накопления в почтовый ящик и удалились.

Паломничество к двери Валентины продолжалось до поздней ночи и переросло в настоящие торги. Те, кто уже отдал Валентине деньги за делёж Антипова добра, ревностно следили за теми, кто приближался к её двери, а после их ухода возвращались и «перебивали ставку».

В шесть утра у двери Валентины собралась немыслимая очередь из жильцов всего района. Людей пришло настолько много, что все банально не вмещались в подъезд. Ближе к семи утра из квартиры вышел молодой человек с двумя спортивными сумками и с удивлением обнаружил столпотворение.

— Вы кто,- хором спросила толпа.

— Внук, — ответил молодой человек, — бабушка просила забрать кое-какие вещи, кошку покормить и передать ключи от Антиповой квартиры.

Добрая сотня рук тут же потянулась к нему, он достал маленький железный ключик и вложил его в первую же попавшуюся ладонь. Началась

отчаянная давка, парень от испуга запрыгнул обратно и захлопнул дверь. Толпа поднялась вверх по лестнице и налегла на дверь Антиповой квартиры, кто-то повернул ключ и все вместе они ввались в жилище.

— Именем жилищного комитета я забираю шубу, — закричала Ирина Олеговна и ворвалась в комнату, — а где шуба? Кто шубу забрал?

Никакой песцовой шубы и дорогого немецкого сервиза в жилище Антипа не оказалось. Пустые покосившиеся шкафы, пузатый телевизор на маленьком столике и банки с соленьями на балконе. Побродив немного по пустой квартире, толпа с недовольством начала расходиться. Вместе со всеми из подъезда вышел внук Валентины, который быстро закинул спортивные сумки в машину такси и укатил в неизвестном направлении. Следом за ним выскочила Ирина Олеговна, хотела было догнать его, но не успела. В руке она держала единственный трофей из Антиповой квартиры, который она случайно обнаружила в мусорном ведре — расколотый пополам игрушечный вагончик с оттиском на дне — Wien, sterreich.

paw

Дважды лауреат или письма из Швейцарии (загадка)

В соответствии со статусом, самая престижная литературная премия республики Франция - Гонкуровская! Она не может присуждаться одному писателю, дважды. Но в архивах этой награды зафиксирован случай когда писателю это удалось. Долгое время предполагали, что её были удостоены два разных автора. Один — Ромен Гари. В 1956 году он стал гонкуровским лауреатом за книгу «Корни неба». Понятное дело, что после этого романы автора издавались огромными тиражами. Писатель уже при жизни считался современным классиком французской литературы. Как часто происходит с такими писателями, их творения издают всё больше и больше, а читают всё меньше и меньше. Вероятно поэтому Ромен Гари, заработав кучу денег, исчез. Впрочем, он мог себе это позволить. Уединиться на тропических островах и почитать на лаврах, всю оставшуюся жизнь.

Прошло пятнадцать лет

В издательство «Галимар» из далёкой Бразилии пришёл пакет с рукописью. Под названием «Толстяк» -автор никому не известный Эмиль Ажар. Редколлегии книга понравилась и её незамедлительно напечатали. А уже через год второй роман этого писателя под названием «Жизнь впереди» попал в лонг -лист гонкуровской премии и победил, обойдя других конкурентов. Дотошные журналюги сбились с ног разыскивая Эмиля Ажара, но тщетно. Гения найти не удалось. Зато обнаружился в одной из психбольниц, в соседней Дании, человек со странным именем Поль Павлович (Пал Палыч) который написал разоблачительную повесть о том как коварный родственник по имени Ромен Гари упрятал незадачливого племянника в психушку, отобрав при этом ранее написанные рукописи. Сразу же, в газетах того времени появились душещипательные статьи, после которых несчастный Поль Павлович быстро переместился из больничной койки в кресло директора

французского издательства « Меркюр де Франс».

Но хэппи -энда не получилось. Выяснилось, что на самом деле не существует никакого Эмиля Ажара, нет и психически больного Поля Павловича, а есть всё тот же престарелый писатель Ромен Гари, который и придумал эту мистификацию, чтобы вернуть себе былую, угасшую славу.

* * *

Внимательный читатель, прочтя это, непременно скажет. Позвольте! Автор! Мне известно, что ты что пишешь загадки исключительно про русских людей, при чём здесь француз. Какое мне до него дело?

* * *

В прошлом веке, в Советском Союзе взяли да и издали книгу Ромена Гари который называлась «Обещание на рассвете». Про гонорары здесь распространяться не будем. Предполагаю, что могли и ни копейки не заплатить. Был такой обычай у тогдашней номенклатуры. Суть не в этом. Роман то — автобиографический. И я позволю себе кое-что оттуда позаимствовать.

Хочется поведать не столько о самом авторе, сколько о об удивительной женщине, матери писателя -Нине Борисовской.

Частенько в воспоминаниях люди приукрашивают прошлые события. Рассказывают о том, чего на самом деле не было. Или было, но немного нет так. И не в тех местах. Борисовская же приукрашивала будущее. Рассказывала сыну, как они заживут в далёкой Франции. Какая шикарная их там ждёт жизнь и только то и остаётся, что туда добраться. Бывшая актриса открыла в городе Вильно маленькую швейную мастерскую и рассказывала всем и каждому, что представляет в столице Литвы знаменитого французского кутюрье Поля Пуаре. Великий модельер понятия не имел, что в далёком заштатном городишке у него объявился официальный представитель. Но бизнес — есть бизнес и соответствующая вывеска, украшавшая вход в мастерскую, позволяла женщине иметь неплохой доход. Конкуренты не дремали — распустили слух, что никаким французом здесь и не пахнет. Репутацию фирмы надо было срочно спасать, но как?

Вскоре в Вильно прибыл сам мсьё Поль Пуаре. В модных клетчатых брюках и слегка под шафе. Уселся в мастерской и приставал к заказчицам и белошвейкам. Патрона побыстрее напоили и отнести в вагон варшавского поезда. Не забыв при этом сунуть в сюртук театрального

пиджака, взятого напрокат, гонорар.

Артист второго плана Краковского театра остался доволен удачной, творческой командировкой.

Прошло несколько дней

Мадам Борисовская стучала в окна и вызвала во двор соседей.

— Посмотрите на этого мальчика! Это мой сын! — Срывая голос надрывно произнесла она.

— Будущий великий писатель и кавалер Ордена почётного легиона. Посланник Республики Франция!

Хохот стоял такой, что казалось ещё немного и стекла домов вылетят из рам. Мальчик вырвался из рук матери и сгорая от стыда выбежал из двора. Но эта история имела продолжение.

На следующий день мальчугана позвал к себе сосед по подъезду.

— Понимаешь малец! -Произнёс он протягивая гостю коробочку с рахат-лукумом. Некоторые мамаши предчувствую судьбу своих детей.

— Угу — ответил мальчуган. - Я стану кавалером Ордена почётного легиона.

— Моя фамилия Пикельный -продолжал хозяин квартиры. -Когда ты там, в будущем, станешь общаться с сильными мира сего, не сочтите за труд замолви за меня словечко. Скажи, что в городе Вильно на улице Большая Погулянка в доме номер 16 живёт человек по фамилии Пикельный. Не забудь.Обещай!

— Угу. -Ответил будущий орденоносец. Схватил остатки лакомства и выбежал из квартиры.

Прошло двадцать лет

Ромен Гари служил лётчиком в составе авиаполка генерала Де Голля. В часть приехала английская королева. Обошла строй бравых вояк. Остановила взгляд на Гари.

— Откуда вы?

— Из Ниццы! -Ответил лётчик. И это было правдой. К началу войны они с матерью смогли исполнить заветную мечту и поселиться на юге Франции.

— А ещё я вам хочу сказать, ваше высочество!-Продолжал офицер.- В городе Вильно, на улице Большая Погулянка, в доме номер 16, живёт человек по фамилии Пикельный.

Сколько дней провёл на гауптвахте за эту фразу лётчик-асс не известно, да и не суть. Важно другое. В течение войны, каждую неделю он получал коротенькие письма от матери. Они приходили в Англию окольными путями — через нейтральную Швейцарию, в которой жила давнишняя подруга семьи. Пожилая женщина писала какое нынче море, кто уехал, кто приехал. Сколько стоят продукты на местном рынке и так далее и тому подобное. Но в каждом из этих писем была поддержка самого близкого человека. Любовь и забота о сыне.

Однажды самолёт Гари обстреляли немецкие зенитки. Стекла кабины разлетелись вдребезги, сильно поранив лицо пилота. Он посадил машину вслепую. За этот подвиг Ромен Гари был награждён орденом Почётного легиона. У храброго лётчика брали интервью, а узнав что он написал книгу, немедленно издали. Так пришла слава мастера слова. А ещё через некоторое время, отставному военному и модному писателю предложили дипломатический пост -посланника Франции. В какой стране? На выбор самого Гари!

Война закончилась. Дипломат тут же помчался в Ниццу. Но мать Ромена Гари не встретила. Её не было ни в больнице, ни в доме престарелых. Имя его матери уже никто не помнил. Все, к кому он обращался, пожимали плечами. Наконец в муниципалитете с прискорбием сообщили — госпожа Нинель Борисовская скончалась три с половиной года назад!

Понимая, что умирает, она написала двести пятьдесят писем!

Переслала их в Швейцарию, с тем, чтобы подруга отправляла их в далёкую Англию. Строго каждую неделю.

* * *

Вот собственно и всё, что я хотел рассказать. А где же загадка?

Она в настоящей фамилии Ромена Гари. Той, с которой, будущий писатель и мистификатор, ходил в школу. В далёком городке, по имени Вильно!

Игорь Улитин

Миша Мент

Миша был очень добрый участковый. Чересчур добрый. Бывало, украдут местные синяки у бабки гуся. За гуся хотя бы административку впаять можно. Другой бы и впаял. Но не Миша. Миша придёт, поругается. А если дело ближе к вечеру, может, и выпьет еще с ними.

Начальник каждую неделю грозил его уволить к чертям. Да только кто кроме Миши согласится быть участковым у чёрта на рогах. Поэтому начальник выдыхал, и говорил привычное.

— Хрен с ним. Хоть ни рыба, ни мясо, но и бардака у него, вроде, нет.

Бардака и правда не было. То ли народ Мишу жалел. То ли на его участке все были настолько ленивы, что гуся украсть у них было самым страшным преступлением. Нет, дрались, конечно. Но это не в счёт. Кто ж в деревне драку за преступление считает.

У Мишы было три любимых дела.

Первое — пить самогон по субботам после бани с соседом Борей. Оба разведены. Обоим под сорок. Только Миша – мент действующий, а Боря – бывший. Да к тому же, ещё и отсидевший на ментовской зоне. Он и в деревню то лет десять назад приехал от городских пересудов.

— Молодняк киоски грабили. Мы их накрыли, а там сынки шишек сплошные. Прокурорский тоже. Они развлекались так. Мы дело почти до суда довели. А тут я раз из магазина выхожу, а ОМОН мне руки вертит. ОСБшник в машину, а там в бардачке граната и 200 грамм героина. Я тогда даже ржать начал. 200 грамм, откуда у меня деньги на него, — грустно улыбался Боря. — Дали трёшку мне. А пока следствие шло, про меня во всех газетах написали. «Оборотень в погонах», «Оборотень в погонах». Начальник намёк понял. Дело закрыл. Говорят, даже извинился перед прокурором и его сынком.

Второе дело — разбирать и собирать табельный ПМ. Какой бы размазней не был Миша, но пистолет он ни разу не потерял. И даже однажды дал понять, что он его не просто так носит. На дискотеке

молодежь из района драку затеяла. А когда он их останавливать начал, на него кинулись. Пришлось стрелять вверх. Подействовало. Районные теперь сюда ни ногой.

Третье — ходить на охоту. Ну как на охоту. Зверя Миша стрелял редко. Он просто любил побродить по лесу и по полям с ружьем. С другими охотниками ездил редко. Не любил он толпой ездить. Напивался слишком сильно. Его даже как-то без памяти привезли и на крыльце бросили. Кто-то про это начальнику рассказал. Впаяли выговор с занесением. Потому и предпочитал Миша бродить по лесу один.

Осенью идиллия Миши нарушилась. У этого краха даже была точка отсчета — выстрел километрах в трех от деревни. На Красном Хуторе. То есть, это потом Миша понял, что этот выстрел был непростой. Неправильный выстрел был. А сначала и значения не придал. Мало ли охотников приезжает.

Но, оказалось, охотники тоже были непростые. Неправильные были охотники.

— Заявление от Машки Полухиной. Теленок у нее пропал, — положил начальник бумажку, исписанную женским почерком, на стол.

— Может, найдется. Загулял, и всё...

— Четвертый день, пишет, не приходит. Дело-то, тьфу. Его или кто-то во двор загнал. Или заготовители забрали.

— Или охотники убили, — неожиданно для себя выдохнул Миша и даже сам испугался.

— Охотники, думаешь?

— Нет, просто сказал. Ну, мало ли. Поехали на косулю. А вместо косули теленка.

— Может и так. Но я думаю, заготовители.

— Не было у нас заготовителей в эти дни. Ни в одной деревне. Арбузы привозили на картошку менять, а заготовителей не было.

— Ладно, сыщик, иди, ищи теленка. Хоть одну «палку» себе сделай. И смотри — не сотвори мне из телка «глухаря», — строго взглянул на Мишу начальник.

Миша был просто уверен, что загнать телка никто не мог. Больно уж приметный был телок у Машки — черный. У всех остальных красные и

белёсые, а у этой чёрный. Только районный могли его не знать.

Но по дворам Миша всё-таки прошёл. Извинялся, объяснял зачем. Его пускали, показывали дворы. Да пустое же дело!

В субботу взял ружье, плащ, сапоги и пошёл туда, где давеча стреляли рядом. Телята ходят на Красном Хуторе. Значит, там и убили.

Долго не искал. Вот след по бурой траве к лесу. Вот у оставленной копёшки они останавливаются. Но ни крови, ничего. Хотя... Под копной. Ага. Вот. Тьфу! Из-под копны пахнуло дохлятиной. Вот оно — шкура телячья и будылаги. Нашёлся телок.

Миша поскорее поспешил назад. На глинистой дороге, подмоченной дождем, разъезжались ноги. Сейчас домой, переодеться. И можно в район — брать машину и как вещьдок забирать. На шкуре же следы от пуль остались. Может, понятно будет.

Вдалеке Миша увидел старый ГАЗ-69, который бросало по дороге. О, может, подвезут? «Газик» подъехал ближе. Тормознул. Дверь открылась.

— Здорова, Миша!

На месте пассажира спереди сидел сын прокурора — Витька. За рулем сын начальника РайПО — Семён.

— Чего пустой с охоты? — щерится худой, с крысиным лицом Витька.

— Да так. Зверя не встретил.

— Да ладно, у вас тут зверя пруд пруди.

— Стадами ходят, — пробасил мордатый, краснолицый Семён.

— Не встретил я стад, — растерянно сказал Миша и пошёл дальше.

— Тебя может подвезти?

— Нет, нет. Я сам.

Миша засеменил домой. Это ж ведь они и в тот раз приезжали. Он их видел. Этот «Газик» видел. Как раз в тот день. Сын прокурора...

— У тебя телок и две коровы пропали на участке, а ты ходишь сопли дуешь. Миша, ты дебил?! — ревел начальник. — Только не лепи мне горбатого, что ты охотников не знаешь, что к вам приезжают. Ты сам охотник.

— Охотник, — понурив голову как школьник, бормотал Миша и

теребил в руках форменную фуражку.

— Были же наверно те, кто видел, кто приезжал.

— Наверно да...

— Хрен ли наверно?! Ты мент или дерьмо из нужника?! Ты не можешь людей опросить.

— Могу...

— Твою-то за ногу мать!!! Иди на хрен отсюда. Пиши заявление, если не можешь найти.

Миша написал.

Через две недели он отдаст удостоверение. Отдаст пистолет. И, наверное, уедет из деревни. Насовсем. Ведь как он людям в глаза смотреть будет. Машке, Павлине Матвевне, Манжурихе... Он же ничего не сможет сделать. Он участковый. А этот сын прокурора. Может все-таки сказать начальнику? Повяжем этого козла!

— Сын прокурора, говоришь...

— Да, и Тамары Степанны из РайПо.

— Нда... Три коровы. Тридцать три коровы, тридцать три коровы, — напел песенку начальник. — Так... Дело принимает серьезный оборот, как говорится. Давай-ка в область позвоню.

Миша слышал, как из трубки кто-то орал. И различал только два слова — «Закрывай дело». Иван Палыч положил трубку. Выдохнул. Закурил. Подошёл к окну.

— Нашего прокурора на той неделе должны в область перевести. Помощником областного прокурора. Наш, оказывается, с УВД в друзьях, — начальник выпустил дым через ноздри. — Там говорят, из-за трех коров хорошего человека подставлять не будут. Говорят, сами ему позвонят, и скажут, пусть сыну люлей даст. А нам велено дело закрыть. Волки твоих телят съели. Пусть теперь егеря их ищут. Волков, то есть.

Миша пошел из района домой пешком. Как оплеванный шел. Сверху еще дождик лил. И, правда, как плевки. А Миша всё шёл, пытался курить. Сигарета гасла. Миша ругался. Сам сплёвывал. Что за гадость? Что за... Ну ведь он преступник — вор! Он у людей коров украл. Если на деньги перевести, это же целое состояние. Да что состояние. У Манжурихи в корове последняя отрада была. А они, видите ли, подставлять не хотят.

Сволочи!

Уже около деревни Мишу обогнала скорая. Мчалась так, что обдала грязью. К кому это? К Манжурихе. У нее корову нашли. Точнее, голову. Санёк Смекалин пошёл в лес за грибами, и на поляне, под старым комлём, нашёл. Она как узнала, у неё вся правая сторона и отнялась. Миша к ней. Тёть Пашу врачи откачивают. А она увидела Мишу и давай язык жевать:

— Мыфа! Мыфа! Фы найви эфих фук! Найви, Мифа! Они веня увиви, Мыфа! Форову увиви, и веня увиви, Мыфа!

В субботу снова выстрел. Опять в стороне Красного Хутора. Миша выбежал из дома. Моросил дождик. Он в одной майке. Сел на крыльцо. Закурил.

Курил. Думал. И тут вспомнил синее лицо Манжурихи, и как она стонет — «Мыфа! Найви эфих фук!». Чего их искать — вон они, на Красном Хуторе. Опять чью-то корову разделывают. Нет! Хватит!

Миша пока шёл на Красный, несколько раз упал. Весь в глине. Где они, вот? Где? След всё шёл и шёл по дороге. Вот он сворачивает в лес. Вот подминает высохшую траву. Вот полянка. А вот и «Газик». У «Газика» расстелен брезент. На нем почти уже разделанная туша. На краю брезента лежат шкура, голова и кишки. Судя по цвету шкуры — рыжая, однотонная, это корова Сябровых.

Вот и Витька — заталкивает в багажник машины куски мяса.

— О, Миша. Миш, говядинки хочешь? Мне не жалко, — Витя повернулся и протянул измазанную в крови руку.

Миша стоит. Молчит.

— Ладно, — и Витя идет за очередным куском туши. Заталкивая в машину, приговаривает, — ты, Миша, зря думал, что на меня папаня мой как-то повлияет. Я, Миша, срать на него хотел. И на тебя тоже. Вы, Миша, перхоть. И ты, и начальник твой, и старухи ваши. И папаша мой тоже. А мы, люди. Вот ты стоишь, язык в жопу засунул, и сказать мне что-то боишься. А я тебе сейчас харкну в рожу, заряжу в ухо, и мне за это ничего не будет.

И Витя действительно со всего маху ударил Мишу в ухо. Миша кубарем укатился под сосну. Красномордый Семён заржал во весь голос. Но...

Миша курил, сидя всё у той же сосны, дрожащими руками поднося

к губам непослушную сигарету. Витя лежал на брезенте, с топором в руках. Разошедшийся дождь смешивал вытекавшую из его груди кровь с коровьей. Семён лежал чуть ближе, к Мише, лицом вниз. Под его остывающим телом лежала «Сайга» с остывающим стволом. Миша потрогал оцарапанный пулей бок — ничего страшного. Только мясо зацепило. Заживёт.

deriaba75

Гарднеровские тарелки

Заехал я как-то в антикварный магазин на Невском проспекте. Стою у прилавка, разглядываю разную красоту. Вдруг рядом стоявшая женщина в рыжем парике шепчет мне:

— Есть две настенные тарелки. Срочно нужны деньги, отдам в полцены, — вытащив на половину из сумки одну из них, ткнула пальцем в клеймо. Я про-читал: «Гарднер». На дне живописные генералы наполеоновских времен «Ампирные», — мелькнула мысль.

— Сколько за две? — шепнул я ей.

— Сто пятьдесят рублей.

«Да на них же триста написано», — подумал я. И, долго не мешкая, отдал деньги, получив тарелки вместе с хозяйственной сумкой. «Надо же, как удачно зашел: на ровном месте 150 сверху поймаю, пусть не 150, но уж сотня мимо меня не проскочит (не пролетит)». И я быстро вышмыгнул из магазина.

Сев поудобнее в машине, осторожно развернув тарелки, я приготовился получать духовное и экономическое удовольствие. Но в удовольствии Гарднер мне отказал. Живописные наполеоновские генералы генералами стали недавно. Живопись была свежая. Я обомлел.

От кого-то я уже слышал, что некоторые нынешние художники по фарфору покупают в антикварных лавках тарелки чисто белые, со старыми клеймами, а потом на них рисуют и «продают таким дуракам, как ты». Я хотел побежать в магазин, да бежать было, наверняка, поздно. А тут еще сразу вспомнилась поговорка тульского коллекционера Саши Пуговкина: «Выиграл — получи, проиграл — не кричи».

Долго разъезжали тарелки в моей машине, иногда побрякивая, как бы напоминая об очень удачной покупке на Невском. Но вот однажды приобрел я не за дорого канделябр начала 19 века. Думал, думал, куда с ним сунуться. В антикварный поставить, так там уже стояла пара моих вещей. Поставь и канделябр, могут и пригласить. Тогда

еще людей обманывать запрещали. И решил я не ставить, а подъехать к антикварному. Там около магазина всегда крутятся перекупщики. Попробую им осторожно предложить. К машине подошли сразу двое.

— Что сегодня в продаже? — спросил один из них.

— Да вот, канделябр, — промямлил я, стаскивая с него одеяло.

— Исаак Абрамович, — крикнул он стоявшему неподалеку старичку, — здесь ваш товар.

Медленно, не торопясь, он подошел к нам.

— Чем хотите сразить?

— Да вот канделябр предлагают.

— Ампирный, — добавил я.

— А сколько хотят?

— Полторы тысячи.

— А можно сесть в вашу черную « Волгу»? — по¬просился старичок.

— Конечно, можно.

— Молодой человек, давайте так, тысячу рублей могу дать сразу, полторы — надо долго думать.

— Исаак Абрамович, не надо долго думать, забирайте.

— Ну, вот и хорошо. Отвезите меня с покупкой домой, там я с вами и рассчитаюсь.

Когда Исаак Абрамович открыл двойные бункерные двери и мы вошли в его квартиру, я понял, что двери здесь стоят оправданно. Квартира была до отказа наполнена высочайшего уровня антиквариатом.

— Молодой человек, очнитесь.

— Да, да, — опомнился я.

— Вот ваши деньги, а кроме канделябра, у вас больше ничего нет?

— Есть, — вдруг вспомнил я, — две настенные тарелки «Гарднера».

— Так несите же сюда! Я посмотрю.

Мельком взглянув на тарелки, он сунул их обратно в сумку. «Его не проведешь на новодел, — по-думал я. — Еще бы, такое количество живописи про¬пустил через себя — стен не видно. И это при том, что в

прихожей пасмурно. А всё равно заметил».

— А сколько вы хотите? — неожиданно для меня спросил он.

— Исаак Абрамович, срочно нужны деньги, по-тому отдам в полцены: за триста рублей.

— Да, что вы, они таких денег не стоят.

— Могу дать двести, это их потолок.

— Исаак Абрамович, двести на улице любой работник общепита даст, — со страхом пробубнил я.

«Ты, козел, доиграешься, что сам из этих тарелок хлебать будешь. Отдавай, быстрей свои вернешь, и на бензин останется».

Но 200 рублей уже были у меня в кармане. Я понял: он крепко сел на эти тарелки. И я, окончательно осмелев, решил играть дальше.

— Нет, Исаак Абрамович, я за двести не отдам, — взяв сумку, я направился к выходу. У дверей он про¬тянул мне двести рублей, неохотно залез в карман и вытащил оттуда явно заготовленную на всякий случай сотню.

— Вот, возьмите свой довесок, с такими ценами, как у вас, молодой человек, нищим станешь.

Я сунул выигранную сотню в карман, попрощался. И быстро, не дожидаясь лифта, шпагатами помчался вниз.

Вернувшись в следующий раз с гастрольной по-ездке домой, я сразу поехал в антикварный на На-личную посмотреть, а может быть, и купить появившийся там, по рассказам Станислава, необычный граммофон. И всю дорогу молил бога, только бы не встретить там Исаака Абрамовича. Даже кошка, перебежавшая мне дорогу, в примету которой я не очень верю, заставила меня повернуть и поехать другой улицей.

Но Исаак Абрамович будто бы весь месяц толь¬ко и поджидал меня у входа в магазин. Деваться было некуда, и я, прикинувшись ягненком, заблеял:

- Здравствуйте, Исаак Абрамович.

Ответа не последовало.

— Как ваша жизнь? — стараясь быть любезнее, задал я ему банальный вопрос.

Он посмотрел на меня и после долгой паузы сказал:

— После вашего посещения моя жизнь ухудшилась, а вот у моих кошек — наоборот. Теперь они пьют молоко из ваших «гарднеровских» тарелок.

Владимир Добрицкий

Школа

Колокольчиков всю жизнь жил в одном доме. Этот дом сразу после войны построил его дед. Именно сюда принесли Кокольчикова, туго завернутого в пеленки. Здесь он рос, качаясь летом в люльке под тенью виноградных беседок, мальчишкой бегал в дедовском саду, сбивая палкой с веток черешни и груши. А рядом с домом стояла школа. Рядом, это еще мягко сказано. Школа стояла почти вплотную к дому Колокольчиковых. Она была построена раньше. Еще до войны. Во время боевых действий в ней размещался госпиталь, а потом в здание снова вернулись ученики. Когда пришло время, Колокольчиков пошел в первый класс. Как вы догадываетесь, именно в эту школу. Школа была маленькая. В два этажа, с крыльцом, чердачным помещением и подвалом в котором был оборудован гардероб. Если смотреть на нее, как принято красиво говорить, с высоты птичьего полета, то школа архитектурно образовывала вполне четкую букву «П». На фасаде под самой крышей между гипсовыми древками гипсовых знамен красовалась надпись «Школа № 8». На крыльце слева и справа от входа располагались зачем-то большие гипсовые шары. Мальчишки часто были замечены верхом на этих самых шарах. Многие из них (мальчишек, а не шаров: шаров было всего два, как я упоминал ранее) были биты по возвращению домой, ибо шары оставляли на штанах и куртках характерные белые меловые следы. А тогда, в конце пятидесятых не у всех в округе были стиральные машины рижского машиностроительного завода. И белье приходилось стирать с помощью доски и тазика. Колокольчиков закончил школу и поступил в техникум. Он продолжал жить в том же самом доме и видел свою школу каждый день. Он закончил техникум и поступил в институт. Шары со временем стали портиться и исчезли со школьного крыльца. Колокольчиков замечал, что гипсовые знамена время от времени подкрашивали алой краской, а навершия на древках в виде наконечников копий – золотистой. Входные двери менялись на более прочные. После института Колокольчиков ушел в армию и служил в какой-то среднеазиатской дыре, где иногда по причине песчаных бурь даже по веревке ходил по нужде, потому что не видно было не зги и заблудиться можно было запросто. Вернулся он в тот

же родительский дом. Устроился на работу. На завод.

А потом была свадьба. И жить молодые остались в том же доме. Надо ли говорить, что их сын, аккурат через семь лет после своего рождения, пошел в ту же школу? Он также оставлял свое пальто в подвальном помещении, также вбегал по потертым лестничным ступеням на второй этаж, а из огромных окон спортзала, освобожденный от бега по причине плоскостопия, с удовольствием обозревал свой двор. Он видел, как его дед чистит рыбу у колонки, или как бабушка выбивает ковер. Он видел, как дядя Армен в соседнем дворе ковыряется в капоте своего старенького заграничного автомобиля. Колокольчиков-младший вздыхал от того, что не может бегать вместе со своими одноклассниками и ловил их острые, как нож взгляды, полные решимости начистить ему физиономию прямо в раздевалке.

А однажды инженер Колокольчиков уехал в командировку. Название этого маленького сибирского городка он давно забыл. Ехал он долго, с пересадками с поезда на автобус и в гостиницу попал поздним вечером. У входа тускло горел фонарь. Уставший Колокольчиков предъявил паспорт, получил ключ и, поднявшись в номер, уснул мертвецки. Утром он первым делом отправился умываться. Долго и с удовольствием фыркал, обливаясь холодной водой, а вернувшись в комнату, подошел к окну и рывком распахнул его. Колючий воздух промозглой осени ворвался в номер. Колокольчиков вдохнул его и... замер. Забыв прикрыть рот, он смотрел в одну точку и не двигался. Перед ним стояла его школа. В два этажа, с крыльцом, чердачным помещением и подвалом. Про подвал Колокольчиков не мог сказать точно, но здание перед гостиницей архитектурно один в один повторяло его родную школу. Более того, было обнесено точь в точь таким же металлическим забором. На фасаде под самой крышей между гипсовыми древками знамен красовалась надпись «Школа № ...». Разглядеть номер Колокольчиков не смог. И не потому что его подвело зрение. Выпуклый номер был отколот, оставив только небольшую дугу. До происшествия это могла быть цифра два, три или... боялся подумать Колокольчиков – даже восемь.

Инженер наскоро оделся и вышел на улицу. Улица была пустынна. Он пересек неширокую дорогу и оказался у школьного забора. Слева на крыльце сиротливо располагался грязно-белый шар, такой же, как в его детстве. Правого шара уже не было. А этот – слева, хранил на себе следы почтенно возраста. То там, то тут на его шарообразном теле виднелись сколы и выщерблены. Со стороны это напоминало Колокольчикову

надкусанное в нескольких местах серого цвета яблоко. Гипсовые знамена порядком облупились. Черная металлическая дверь печально смотрела на улицу треснутым стеклом. Из-за поворота появился дворник. Поплевал на руки и начал неторопливо орудовать метлой. Колокольчиков все стоял у школьного забора, затаив дыхание.

– Простите, – робко обратился к дворнику Колокольчиков, – а какой номер у этой школы?

– У этой-то? – переспросил дворник, скорее для порядка. Он остановился, оперся на метлу и внимательно оглядывал Колокольчикова. – А вам зачем? – спросил деловито.

– Понимаете, дело в том, что...- волнуясь, начал Колокольчиков, но договорить не успел.

– Это наша старушка – «восьмерочка», – перебил его дворник. Во время войны тут госпиталь был, потом вечерняя школа, потом уж средняя. Моих двое детей тут учились. А сейчас под снос ее готовят. Трещины по зданию пошли, то ли грунт просел, то ли еще что. Э-эх..- дворник взглянул на здание школы, снова поплевал на руки и принялся за работу.

– Посторонись-ка, мил человек, – буркнул он и Колокольчиков отошел в сторону.

В этот же день Колокольчиков напился. В драбадан, в зюзю, в дымину, в стельку, вдрызг. Так, как не напивался ни разу за свою жизнь.

Почему, спросите вы?

Если бы я знал...

Docskif

Дом с игровыми автоматами

Карманный фонарик в темноте подсвечивает лицо снизу. Кажется, что у рассказчика только губы и кончик носа, а выше — ничего. Черный провал. Если вглядеться, можно различить неясные очертания глаз без зрачков. Темнота слушает его шёпот.

— Одного мальчика в школе дразнили «лупатым». Да. У него были большие и выпуклые глаза. Ну, так что же, — говорил он сам себе, — зачем так унижать. Я бы никогда, например, не стал, даже если бы очень захотелось. Подло это... Жили они вдвоем с матерью, отца он никогда не видел. В школе у мальчика был один друг и несколько врагов. Больше всего мальчику доставалось от одноклассника Семёна. Он был выше и сильнее всех в классе, занимался сначала борьбой, потом боксом. Часто, завидев мальчика, он мог выкрикнуть: — Эй, здоров, вылупок! Шары не потеряй... Мальчик терпел и копил обиду. Этот Семён везде ходил с девушкой из старшего класса по имени Алла. Они были соседями в заводском районе. Семён привлекал девушку тем, что был крупнее и наглее всех ее сверстников, хоть и на год младше. Кроме глаз навыкате и тихой натуры мальчик имел обидно маленький рост и узкие плечи. Он понимал, что ему ничего не светит. Алла была длинноногой, стройной блондинкой с зелеными глазами, распущенными волосами и высокой красивой грудью. Эта грудь снилась мальчику по ночам. Никакого внимания на него девушка не обращала, но хуже того — она обидно хихикала, когда Семён поддевал мальчика. Это было невыносимо.

Однажды к ним приехал чешский луна-парк, и жизнь города сильно изменилась. Жизнь мальчика, так точно. Расположились приезжие в городском Парке имени 1 мая. До этого там можно было, разве что покататься на чертовом колесе, потанцевать на танцплощадке, попить ситро в кафе и сходить в комнату смеха с кривыми зеркалами. Теперь в городе его называли: «Парк первого рая». И было, за что. В тире за пять попаданий причиталась жевательная резинка с незнакомым, чудесным вкусом. Она была виде сигареты. Представьте... Вкус не пропадал даже через три дня. От щедрости, хоть и братских, но на самом деле

буржуйских чехов были привезены невиданные, райские развлечения.

В парке появился яркий и шумный автодром. Очередь к нему не иссякала никогда. Во «Дворец страха» с ожившими мертвецами, кровавыми маньяками и скелетами нужно было въезжать на тележке по рельсам. Из колонок доносились песни зарубежной эстрады. А самый главный рай, мечта и наваждение, не только детей, но и взрослых города — игровые автоматы.

В дальнем углу парка с незапамятных времен стояло старое белое здание с колоннами, сильно выделяясь своей архитектурой среди советских построек. Широкие ступени лестницы, опиравшейся на арку, вели на второй этаж. Там в тени акаций расположился просторный балкон с колоннами и увитой плющом балюстрадой, полукруглыми арками и высокими окнами. До этого в доме была то ли бильярдная, то ли библиотека, потом его занимала администрация парка. Теперь на фронтоне красовалась вывеска с мигающими лампочками и чешскими буквами, из динамиков сладко пела «АББА», а внутри жужжали, щелкали, пищали и квакали на все лады невиданные чудо-автоматы. Аттракционы завораживали всех, кто впервые заходил в здание. Вход был бесплатным, а поиграть стоило пятнадцать копеек. Цена пустой бутылки из-под кефира. Здесь можно было, прильнув к перископу, сбивать торпедами корабли. Взяв ружье охотиться в джунглях на бегущего носорога. Держась за штурвал проводить самолет под мостом. Управлять гоночным болидом на экране, вцепившись в настоящий руль и давя на педаль. Воображая себя астронавтом, можно было управлять рычагами космолета, сажать его на чужую планету. Уже не говоря о футболе, хоккее и баскетболе на двоих под стеклянным куполом воображаемого зала. Большие фигуры персонажей мультиков приглашали малышню посидеть на себе, двигаясь, сверкая и напевая мелодии.

Мать мальчика редко выделяла ему деньги на луна-парк из небольшой зарплаты. Он побывал в заветном доме раза три-четыре, не больше. А хотелось каждый день. В свободное время он просто ходил посмотреть. Мальчик видел, как умельцы с просверленными монетами и привязанной к ним леской играли помногу раз бесплатно. Некоторые школы города даже проводили педсоветы, где учителя гневно осуждали аттракционы. Считалось, что деньги развращают детей. Но сделать они ничего не могли.

На второй этаж дома пацанам вообще нельзя было попасть. Во-первых, некоторые игры там стоили уже двадцать копеек. Во-вторых, до шестнадцати лет туда не пускали. Говорили, что там можно играть

на деньги, что там в автоматах фотографии голых девиц. И всякую другую ерунду. Те, кто постарше, иногда попадали туда, но почему-то никто толком о таинственном зале рассказать не мог, и это еще больше распаляло мальчика. Скорее всего, их оттесняли от автоматов, набивающиеся туда, взрослые.

Перед тем злополучным днем мальчик подслушал разговор Семёна с Аллой. Тот приглашал ее завтра поиграть в доме игровых автоматов. Он был сыном какого-то большого начальника с завода, и деньги у него водились. Она согласилась, а мальчик совсем обезумел. Ему до чертиков захотелось с ними. Уже неплохо играя в большинство игр, он надеялся выиграть у Семёна во что-нибудь у нее на глазах, доказать, что он не простой, не лупатый, а умелый и ловкий. Не знал он, к чему это приведет.

Всё упиралось в проклятые деньги. Мать сетовала, что еле-еле в этот раз дотянет до зарплаты, но мальчик решился на страшное. Он вытащил из ее кошелька три рубля, не думая уже ни о чем. В парке было мало людей в этот рабочий день. Мальчик встретил парочку на подступах к знаменитому дому. Алла сегодня была прекраснее обычного. Изумрудная кофточка, облегая чудесную грудь, очень шла к ее глазам, тесная мини-юбка открывала красивые колени так, что у мальчика вспотели ладони. Но Семён с Аллой были не одни. Следом за ними шли еще трое парней из рабочего района. Двое из них, незнакомые мальчику, были постарше года на два, а третий — известный всей школе, отсидевший за кражу парень по кличке Брумла. В этот раз Семён ничего обидного не выкрикнул. Держа фасон перед парнями, он не стал размениваться на мелочи, просто снисходительно протянул мальчику руку. Алла кивнула, и они уже собрались зайти в дом, как один из парней стал требовать у мальчика деньги. Районные пацаны часто подкарауливали маменькиных сынков у дома с автоматами, чтоб поживиться. Милиция даже заставила парковых дворников сильно обрезать кусты вокруг дома. Так ей было легче отлавливать вымогателей.

Мальчик отпрянул, не особенно надеясь найти помощь у одноклассника. Получив от Брумлы короткий и сильный удар в живот, он согнулся пополам, задохнулся от боли. Третий обшарил его карманы, забрал три рубля, и на глазах Семёна с Аллой все трое отправились играть на деньги мальчика. Когда он выпрямился и вдохнул, — никого уже рядом не было. Мальчик сел на лавочку, он почти плакал.

Кто-то сбоку позвал его. Голос был мужской, низкий, с иностранным акцентом:

— Агов! Хлапец...

Рядом с лавочкой стоял и курил тонкую сигару странный человек. Мальчик, забыв, какие он только что придумывал страшные казни Брумле, парням из района, предателю Семёну, и даже высокомерной Алле, уставился, открыв рот, на незнакомца. Это был мужчина лет пятидесяти в фирменном джинсовом комбинезоне на голое тело и в черной косынке на мощной шее. На его плече мальчик увидел большую синюю татуировку в виде волка, держащего лапу на черепе. Окладистая черная борода и блестящая лысина довершали чудной вид. Он заговорил снова:

— Видел всэм вщехно. Я все видел.

Мальчик собрался уйти, но мужчина остановил его жестом.

— Мам то тади на старости... Это... Как по-русски: я здесь главный. Хочешь, помогу тебе?

Мальчик пожал плечами. Он уже немного понимал по-чешски после того, как в прошлые посещения часто слышал разговоры служащих луна-парка. Но этого мальчик видел впервые. Мужчина выпустил кольцо дыма.

— Не бойся меня. Сам с детства ненавижу таких бастар. Я проведу тебя в зал, дам денег полный карман — грат си сколько захочешь. А тех я потрэстам... Накажу, да.

— Не, не надо, дядя... Я не возьму... Вы что, в милицию их хотите сдать? Да они сбегут от вас мигом... Не связывайтесь.

— Ниц не бойся. Бэз полициэ. Только обещай. Про вшехни ты немного мне помоц. Поможешь... То и вще. Соугласит... Соглашайся, хлапец.

Мальчик поежился от пронзительного взгляда.

— Не знаю... А что делать, дядя? Может, я не смогу...

— Когда я заведу их до другэго этажа, ты просто закроешь двэрэ вэнку... закроешь дверь снаружи. На засов. Там внутреннего замка нет. Мам то?.. Ну, это... Понял?

Мальчик еще пытался сообразить, способен ли он на такой договор, а мужчина уже насыпал ему в карманы большую горсть монет. Не успел он опомниться и сказать «спасибо», как ноги сами понесли его в заветный дом. Через несколько минут его обидчики и одноклассник предатель с девушкой Аллой, раскрыв рты наблюдали, как странный чех наклоняется к мальчику возле автомата «Морской бой», и говорит на ухо:

— Тут едно таемстви... Когда корабли зачнэ идти справа, ставь прицел в правый угэл. Только покажется — стискнэтэ гашетку. Забъетэ вщехны.

— Да, именно забью, всех вас забью! И мальчик направлял, как учили, и корабли взрывались. Снова бросал монеты, и опять стискивал, сцепив зубы и ликуя. Грохотали взрывы, плыли торпеды, играли марши, шла призовая игра, но мальчик этого не видел. Он все опускал монеты. Позади собрался народ. Семён ухмылялся, Алла не обращала на битву и на мальчика никакого внимания. Она скучала, сидя в углу на огромном утенке. Мальчику уже было все равно.

— А тэть, милая публикум! — хрипло заорал мужчина в комбинезоне. — Прошу вшэхни до другого этажа! Днэс мужи каждий! Можно всем! Праздник! Сегодня здарма!

Расталкивая всех, Брумла первым вылетел из зала, и помчался вверх по ступенькам. Следом понеслись его друзья, за ними Семён, подхвативший за талию испуганную Аллу, и все остальные. Мальчик тоже рванулся было, но почувствовав на спине взгляд бородача, остановился в дверях. Тот выпустил кольцо дыма, потом два других направил сквозь первое, хищно улыбнулся и сказал: «Договор, хлапец...»

Фонарик дважды мигнул и погас, наверно перегорела лампочка. Рассказ продолжался дальше в полной темноте.

— Поднимаясь по широким ступеням, мальчик не сразу понял, что изменилось. Потом он заметил, как, проникавший до этого из раскрашенных витражных окон электрический свет погас. На балконе стало быстро темнеть. Солнце закрыла грозовая туча, принеся порывистый ветер с крупными холодными каплями. Акации вокруг дома зашумели, мелкая листва полетела сквозь балюстраду ему под ноги. Через миг небо обрушилось на парк мощным ливнем. Побеленные перила сразу стали серыми. Шквальный ветер хлестал в арки ледяными потоками. Молния от неба до земли ослепила мальчика, потом тихий угрожающий гул стал разрастаться издалека, и все заполнило грохотом. Мальчик прилип к окну, уйдя подальше от перил. Гром напомнил ему о договоре. Он быстро подбежал к дубовым дверям и задвинул засов. Сразу же изнутри стали бешено колотить в дверь.

— Ну, что он им сделает, — стал успокаивать себя мальчик. — Попугает, может, немного... Что еще-то? Добрый он все-таки, этот чех. Хоть и наколка такая. Денег дал. Пусть за все обиды мои расплатится. Аллу только жалко. Ничего... Чтоб знала... Но случайные-то ни при чем.

Нет. Не тронет же он их...

За витражами что-то тускло блеснуло. Потом свет в зале зажегся ярче, а снаружи стало совсем темно и сыро. Мальчик почувствовал озноб. Он приник к окну, стал ногтем сдирать гуашь с витражного стекла. Когда образовалась приличная амбразура размером с перископ игры «Морской бой», мальчик прислонился и заглянул внутрь. То, что он увидел заставило его оцепенеть. Рот открылся для крика, но закричать мальчик не смог. Он почувствовал, как глаза его, и без того выпуклые, полезли вон из орбит.

На шпалах детского аттракциона «Паровозик» лежала голова Брумлы. Внутри самого паровозика сидела, скрючившись пополам, совершенно белая Алла с застывшим взглядом. Весело мигая лампочками, пуская из трубы дымок и звеня колокольчиком паровозик с Аллой ездил взад-вперед, терзая безжизненную голову бывшего хулигана и вора.

Мальчик перевел взгляд в дальний угол. Там что-то шевелилось. Приглядевшись, он увидел, что в большом стеклянном ящике аттракциона «Кран», среди мягких игрушек и пачек жвачки, извиваются двое друзей Брумлы, пытаясь найти выход. Но ящик был закрыт снаружи. Стальная клешня крана преследовала их везде и, когда загоняла в угол, — вцеплялась железной хваткой в глаза, нос и щеки. Кровь уже забрызгала изнутри почти все стены, видны были открытые в крике рты. Потом все покрылось вспененной бурой жижей до крышки ящика. По стенке стекал чей-то вырванный глаз, ладони судорожно хватались за стекло. Мальчика стошнило прямо на окно перед собой.

Когда он снова смог дышать, рвота уже стекла, и в самодельный перископ можно было смотреть. Он увидел, как стальные посетители сбились в углу в небольшую кучу. Две девочки лежали в обмороке на полу друг на дружке. Человек в комбинезоне вышел из темного угла, ведя под руку плачущего Семёна. Теперь на голове у чеха был красный колпак с прорезями для глаз. Потухшая сигара торчала из прорези для рта. Мальчик с оторопью увидел, что волк на татуировке чеха теперь сжимал в пасти кинжал. Подведя поникшего парня к паровозику с Аллой, главный распорядитель взял того за волосы, поднял голову, заставляя смотреть. Внезапно с улицы раздался рев моторов. Мальчик содрогнулся, что-то, разбив витражи, влетело в зал. Это был тот самолетик, который он раньше заставлял в игре пролетать под мостом, только в десять раз больше. Он сделал мертвую петлю и пошел в крутое пике на Аллу. Через секунду она охнула и ее, отрубленное пропеллером, ухо повисло

на лоскуте кожи. Голова девушки, с закатившимися под лоб глазами, откинулась назад, заливая кровью изумрудную кофточку. У мальчика подкосились ноги, он вцепился в подоконник, не смея отвести взгляда от окна. Озноб сменился холодным потом. Самолетик, сделав вираж перед мальчиком, улетел через дыру в окне, а мужчина под руку повел Семёна к автомату с нарисованным болидом «Формулы-1». Из ящика автомата торчал настоящий автомобильный руль. На экране монитора зажглась разноцветная надпись «Grand Prix», заиграла громкая музыка. Чех прикурил сигару от надписи, открыл небольшую дверцу в автомате. На ней мальчик успел заметить прорезь и висящую табличку со словами: «Опустите 15 копеек. Гнутые и юбилейные монеты не опускать». Потом повелитель аттракционов что-то сказал Семёну на ухо, и тот сам засунул свободную руку в открытую пасть автомата. Мужчина резко крутанул руль. На экране покатилась адская гонка, руль вращался теперь сам с дикой скоростью. Семён, упав на колени, выдернул остатки кисти из автомата, затряс бахромой из кожи и костей. Через минуту он залил кровью весь пол под собой, и корчась, лежал в луже. Палач из луна-парка повернулся к мальчику за окном. Вынув сигару и сняв колпак, мститель посмотрел прямо на него. Вместо окладистой бороды у оборотня теперь была аккуратная испанка. Глаза в зеленых обводах налились темным светом. Нос сузился, превратившись в кривой горб. Морщины стали рытвинами. Он показал другое лицо. И тогда мальчик закричал.

Когда Игнат закончил, в ночной палате первого отряда еще долго стояла тишина. Слышно было, как дышит, вздрагивая во сне, принесенный кем-то уличный котенок. Первым не выдержал Серёга. Его единственный школьный друг, который приехал с Игнатом в лагерь.

— Ну, ты и гад! Вот, кто теперь заснет?! Ты конченый... На фига было про себя придумывать? Ты чё, думал я не догадаюсь?

— А, чё? Страшно?

— А, то... Думаешь, я не понял, про кого ты? Не знал я, что тебя обокрали эти... А дальше, конечно, выдумка и мрак полный... Ну, ты, оказывается, и злопамятный человек. Знаешь, что Аллочка за Семёна нашего замуж собирается? Нет? Только, теперь скажи всем здесь, что они живы, а то и правда никто до утра не заснет. Ну тебя на хер, псих...

— Скажи... — всхлипнул из под одеяла Славка. Он прятался там уже с середины рассказа.

— Ну, живы, живы... Серый, чтоб ты знал, я к этой дуре с того времени

вообще никак. Да, вы чё все? Договорились же... По очереди.

— Пошел ты, — пробасил толстый Олег. — Думаешь, если хорошо умеешь трепаться, тебе все можно? Я чуть не...

— Как хотите, — Игнат отвернулся к стене. — Больше от меня ничего не услышите. Еще попросите. Всё... Спать.

* * *

Поезд недавно миновал знакомое село. Скоро должны были начаться пригородные станции. Игнат Иванович ехал в родной город по делам, и за одно на встречу выпускников. За прошедшие тридцать лет после школы он ни разу не был на этих встречах. Жил он далеко, а его друг Сергей остался в городе, и каждый год слал приглашения. Теперь Игнат Иванович был с оказией, и сам позвонил другу. Оказалось, они классом встречаются всегда в Парке имени 1 мая.

Современный парк порадовал Игната Ивановича. Вместо старой танцплощадки раскинулось озеро с островком, лебедями и плакучей ивой посередине. Ручейки впадали в озеро, крохотные выгнутые мостики украшали их. И только бывший дом игровых автоматов выделялся из всего, но теперь по-другому. Вот оно, где было «счастье за пятнадцать копеек» — улыбнулся Игнат Иванович. Обнесенный забором, заросший кустами и плющом, стоял этот дом в углу парка брошенным серым монстром. На стенах появились трещины, в пустых глазницах окон гулял ветер, побелка облупилась, колонны и балюстрада на балконе стали кое-где осыпаться. Даже вечные акации поредели и подсохли. Наверное, давно собрались реставрировать, и забыли. А, может, «распилили» выделенные деньги, и судятся теперь...

— Что ни говори, а больно смотреть, да? — позади стоял Сергей, раскрыв объятия.

— Привет, дорогой, — друзья обнялись. — Да уж, сколько лет...

— Серый, а верно, что после отъезда чехов года через два наши аппараты завезли?

— Ага. Только делали их на оборонных заводах. Краски блеклые, музыка противная, лампочки тусклые. Но детвора валила гурьбой. На второй этаж всех пускали. Там экономика процесса была устроена просто: каждое устройство имело денежный план на день — восемь рублей десять копеек. Эти деньги государство должно было получить в любом случае, остальная выручка считалась бонусом. В нашем доме

автоматы за день зарабатывали в несколько раз больше плана. Но работники «Союзаттракциона» все равно сдавали в кассу ровно по восемь рублей десять копеек. Прикинь... Да, ты уехал, не знаешь, — он достал сигарету, но не закурил, а вдруг спросил, смеясь:

— Слушай, Игнат, я все вспоминал потом, на кой ты в пионерлагере эту историю с чехом и кровью нагородил? Так их ненавидел? Ну, пусть Брумла, другие, но Аллочку-то за что?! Ну, ты болван...

— Серый, там уязвленное самолюбие, зависть и недетские фантазии. Может, накануне «Вий» посмотрел, кто его знает... Ты, что ли никогда не мечтал растерзать обидчика? Хотя в кошачью виселицу я не играл, и собакам хвосты не рубил... Наверное, не больше других был жестоким. Уже не помню. Чушь всё... Эта Аллочка мне все нутро выжгла своей грудью, ну ее... Только стыдно до сих пор, что у матери деньги стащил.

Сергей отвернулся от дома, и предложил:

— Пойдем в кафе, там человек десять уже собралось.

— Знаешь, Лев Толстой в книге «Воспитание в свободе» описал детский суд, случившийся в яснополянской школе. Один из учеников украл что-то, и когда дети узнали, кто вор, учителя предложили им самим определить наказание. Одни предлагали высечь, другие — пришить ярлык «вора». Последнее требовал мальчик, который до этого носил ярлык «лгуна». Как тебе? Наказание было определено, и во время пришивания ярлыка все ученики со злой радостью смотрели. Некоторым карательная мера казалось слишком мягкой, дети требовали ужесточить ее и провести виновного по деревне...

— И, чё?

— А, то, Серёжа, что я тот самый «лгун» с ярлыком. И, потом, с этими автоматами... То, что учителя наши из лучших побуждений старались оградить нас подсознательно от чего-то... Да, от всего... Воспитывая в несвободе, хоть их самих тоже всегда ограничивали. Ну, и что... Вышло? Нам свобода нужна была и раньше и теперь... Сам знаешь, для чего. Украсть все, что «накапает» после восьми рублей десяти копеек...

— Вспомнил тоже еще... Я учителям благодарен, а люди всегда одинаковы. Дети, вот, развиваются, это да... Сейчас детские банды такое творят, волос стынет. И в ютуб сразу... Что там твои фантазии. Не заморачивайся ты. Может когда-нибудь отреставрируют дом-то. Будь у меня миллион, я бы из него ресторан сделал. Ладно, пошли...

В середине встречи в кафе появились Семён с Аллой. Она постарела сильнее его. Знаменитая грудь поникла, зеленые глаза выцвели, только волосы остались прежние, до плеч. Они были распущены и сегодня. Пышущий силой и уверенностью Семён контрастировал с женой. Подойдя к друзьям, он протянул для рукопожатия левую руку, держа правую в кармане. Игнат пожал тоже левой, переглянувшись с Сергеем. Тот спросил:

— Ты чего это, не по-русски?

Семён, смутившись, вытащил руку из кармана, и друзья застыли, молча глядя на нее. Вместо кисти он достал протез в черной замшевой перчатке. Увидев их лица, Семён засмеялся:

— Эй, вы! Чего побледнели-то... Ха! Что случилось? Протеза никогда не видели?

Игнат поежился, как от холода. Спросил, замирая:

— Что с рукой, Семён?

— Да, ладно. Потом... Неудобно...

— Нет! Сейчас... Дамы могут зажать уши, — настаивал Сергей.

— Обычное дело, — начал Семён. — Помнишь, я в проф центре тогда на столяра учился в девятом? Вот. Когда отца посадили надолго за взятку в особо крупных, пришлось выживать. Работал после школы помощником столяра, вот тогда циркуляркой и отрезало...

— Погоди, а сейчас ты как?

— Ну, сейчас у меня мебельная фабрика. Всё в шоколаде. Алла домохозяйка. Да, дорогая? Двое детей. Старший институт окончил.

— Хорошо, что так...

— В смысле?

— Не про руку, конечно, — Игнат поперхнулся сигаретным дымом. — Про фабрику я, про Аллу, про детей... Да, ладно, проехали...

В кафе вспоминали школу. О том, как он дразнился и о случае с украденным трояком Семён, казалось, забыл, хотя много говорили про любимый луна-парк и дом с игральными автоматами. Игнату тоже не хотелось об этом. Выяснилось, что Брумла опять сидит, и теперь срок большой. Все хорошо выпили, потанцевали, спели хором «Белой акации...». Только Алла не касалась спиртного, не подпевала и почти не

участвовала в разговорах. Игнату показалось, что ей не по себе в парке.

Вечером он вызвал такси. Друзья вышли из кафе, чтобы проводить. Когда машина отъехала, Алла неожиданно помахала ему вслед. Игнат заметил, как легкий ветер трогает ее льющиеся янтарными волнами волосы. Поднимает их с плеч, обнажая шею, и выше... Он отвернулся, чтобы не видеть.

Светлана Гесс

Информация об авторе

Принимаю участие в литературных конкурсах. Из достижений: сертификат от учредителя конкурса «Этноперо - 2019» Министерства культуры Свердловской области ГБУ «Свердловской областной межнациональной библиотеки» за отбор в лонг-лист. Лонг-лист конкурса «Этномир - радуга созвучий». Лонг лист V Всероссийского конкурса ЛиФФт-2020. Лонг лист Благотворительного конкурса «Будь человеком» «Книга добра».

Одна история старого крота

— Теперь я стар. У меня достаточно запасов на эту зиму, да и на следующую тоже. Пшеница, овёс, сушёный клевер, несколько бочонков талой воды, запасы которой пополнятся весной, когда солнце начнёт топить снег на наших полях. Дом мой достаточно просторный для меня. Много ли подземных ходов надо старому кроту, закрома которого полны припасов. Времени у меня теперь предостаточно. Я прожил долгую жизнь. Да, мало чего повидал, зрение у меня всегда было слабым. Но зато слышал много историй, которые произошли над моими подземными ходами.

Так важно начинал свои вечерние рассказы дедушка Крот. Он, действительно, был уже очень стар. Но рассказы его, и правда, были такие интересные, что соседские бурундучата, мышата и суслики прибегали вечером к нему в норку, чтоб послушать эти истории.

— Вот все думают – самый умный в лесу Филин. Филин всё знает, пойдёмте, спросим у Филина – недовольно частенько бурчит Крот. – А что Филин – спит весь день, ничего не замечает, что вокруг происходит. А ночью, когда просыпается, все остальные уже крепко спят и уже ничего не происходит. А я весь день ходил по своим подземельям. По шагам я легко отличу ежа от суслика. То тут послушаю, то там, да и на поверхность я частенько выходил, это сейчас мне незачем. Так вот, однажды слышал я такую историю... — так начинал свои рассказы старый Крот.

А вот и одна из историй, рассказанных Кротом.

Есть за нашим пшеничным полем зелёный луг, где, кроме цветов, растёт сладкий дикий горошек. Всем хочется горошком полакомиться, но не так-то просто это. Между полем и лугом широкий ручей. Сойкам и прочим

пернатым это, конечно, не помеха. Белки тоже легко перепрыгнуть. А остальным как быть? Стоит Суслик, смотрит через ручей, облизывается, а перебраться не знает как. Бурундук подошёл, тоже на горошек поглядывает. Суслик, увидал это, кричит: — Мой горошек, мой! Не думай даже, иди куда шёл!

— Разве ж он твой? Он сам по себе растёт, захочу, мой будет, один всё съем – отвечает Бурундук.

Суслик кулаки сжал, разозлился. Бурундук не уступает, тоже брови хмурит. Давай они спорить, чей горошек. Того гляди до драки дело дойдёт.

Тут слышат, Хомяк рядом смеётся:

— Глупые вы, чего делите то? Вам до горошка и не добраться. А вот я придумал как. Переберусь через ручей, и весь горох мой будет. Подтащил он к берегу кусок старой коры, да сорвал два листа подорожника – чем не лодка с вёслами. От удивления, Суслик с Бурундуком и спорить забыли. А Хомяк между тем пустился в плавание на своём судёнышке. Да не рассчитал, что ручеёк такой бурный. Не успел и от берега отплыть, как перевернуло лодочку, бултыхнулся Хомяк в холодный ручей, насквозь промок.

Выбрался на берег сидит, зубами стучит. Суслик с Бурундуком смеются над ним, хвастунишкой дразнят.

Суслик говорит:

— Я придумал способ лучше. Мой всё-таки горох будет.

Подобрал он на берегу веточку, думает, перепрыгну через ручей, а веточка шестом мне послужит. Разбежался, воткнул ветку одним концом в середину ручья, ногами оттолкнулся, только вверх полетел, как ветка обломилась, плюхнулся и Суслик в ручей. Промок насквозь, тоже зуб на зуб от холодной воды не попадает. Теперь Хомяк с Бурундуком над ним насмехаются.

Бурундук просмеялся и говорит:

— Уж я-то точно горох добуду.

Вскарабкался он на растущее на берегу дерево, сорвал два больших листа, разбегусь, думает, да ещё листьями как крыльями махать буду, так, точно, перепрыгну. Разбежался, прыгнул, листья из лапок тут же ветром вырвало, шлёпнулся и Бурундук в воду, да почти в середину ручья. Тут уж Суслику с Хомяком не до смеха было, еле вытащили Бурундука.

Сидят рядышком, сохнут на солнышке. Тут Белки прискакали. Самая большая перепрыгнула на другой берег, горох срывает, на этот берег перекидывает. Остальные ловят по очереди, да в дупло относят. И так ловко у них всё получается.

Набрали горошка, большая Белка обратно перепрыгнула, а на лугу его ещё много осталось. Видят наши бедолаги, что гороха всем хватит, как только до него добраться. Решили они тоже сообща действовать. Натаскали прутьев да веточек, переплели их осокой между собой, получился прочный мостик. Перекинули его через ручей, и тут каждый заявил, что первый через мост пойдёт. Чуть не начали опять ссориться, да спорить, но вовремя вспомнили, чем прошлая ссора закончилась. Стыдно стало друг перед другом. Давай каждый другого вперёд пропускать, смешно стало. Посмеялись и прошли по очереди.

А на лугу горошка видимо-невидимо. И наелись вдоволь и в норки натаскали. А мостом и другие зверьки пользовались, нахваливали, какие мол, друзья находчивые, какое доброе дело сделали. Так хвалили, что Хомяк чуть было не зазнался, да Суслик с Бурундуком ему купание в холодном ручье напомнили.

Пока рассказывал дедушка Крот, слышит, зверята-малышата совсем притихли. Потом Мышонок говорит:

— Ребята, а давайте завтра из веток лестницу сделаем, Бурундучок по ней на яблоню вскарабкается, будет яблоки вниз скидывать, а мы внизу ловить станем.

Остальные радостно согласились. Тут вспомнили, что время позднее, поблагодарили старого Крота, да побежали по норкам. А Крот сидит, хихикает, слышал он сегодня днём, как малыши спорили, кому же яблоки с большой яблони достанутся, да добраться до них ни один не смог.

Sedryk

Информация об авторе

Ни дня без строки. Литература - страшный недуг, от которого нет микстуры, кроме пера, чистого листа или хорошей книги.

Сторож с кладбища

В советские времена, в одном колхозе, было большое кладбище. Настолько большое, что на его территории, прямо у входа, стоял домик сторожа. Он не только нес службу, но и жил в этой избушке. Ухаживал за брошенными или давно не посещаемыми могилами, убирал траву и мусор. Звали его Василием. Жены у него не было; родители умерли, не подарив ни братика, ни сестричку; родственников было мало, да и те не больно то хотели общаться с нелюдимым Василием. Хотя сторож был и угрюмым на вид, что отталкивало его от людей, в душе, он никогда ни на кого не таил зла. Был безобидным. Любил животных, а вот с двуногими существами не мог общаться, замыкался в себе, отчего и прослыл нелюдимцем.

После родителей, досталась Василию в наследство небольшая старая изба, которую он продал за небольшие деньги и поступил на службу кладбищенского сторожа. Домик на кладбище был и поновее и попросторнее, чем его прежнее жилище. Крепкий дубовый стол, чугунная кровать, хорошая печка, исправный радиотранзистор. Лучшего и желать не приходилось. Ну а что касалось соседства, в этом плане Василий был несуеверен и в живых покойников не верил, также, как не верил в наличие у человека души. Вообщем был наш сторож убежденным атеистом.

Сразу после переселения, к Василию приблудился беспородный молодой пёс, черный, как ночь, отчего и был окрещен Чернышом. Сторож никогда не сажал собаку на цепь, поскольку тот оказался очень умной скотиной. Слушался только своего нового хозяина, не лаял и ни на кого не бросался без нужды. Когда он смотрел своими черными умными глазами, Василию казалось, что из глубины влажных живых глаз, на него глядит человеческое существо, только обделенное даром речи.

Так и стали они жить вдвоем: человек и пёс. Человек научился понимать пса, а пёс без труда понимал человека.

Все шло своим чередом. День сменяла ночь, весну — лето, год следовал за годом.

За все то время, когда Черныш прибился к сторожу, Василий не мог нарадоваться на умного пса. И была у собаки только одна странность. Она проявилась через неделю после их знакомства.

В тот день Черныш красноречиво поглядел на сторожа, увлекая его за собой в глубину кладбища. Василий последовал за ним. Пёс бежал чуть впереди и по временам оглядывался, чтобы убедиться, что его хозяин следует за ним. Так пёс зазвал Василия в самую глубину кладбища и остановился около одной не слишком старой могилы.

«Ты чего, Черныш?»,- спросил сторож.

Вместо ответа, пёс начал передними лапами скрести край осевшего могильного холма.

Василий подошёл ближе и взглянул на фотографию на памятнике. С портрета на него смотрел приятный мужчина средних лет. Во взгляде его сторожу показалось что-то очень знакомое. Василий посмотрел на табличку с датой: «Горобов Сергей Валентинович 1910 — 1959 . Одиннадцать лет назад.

«Ну и чего ты меня сюда привел?»- чуть заметно улыбнулся сторож, обращаясь к собаке.

Черныш остановился, быстро глянул на хозяина и снова продолжил рыть землю.

«Пошли домой», — строго приказал Василий.

Пёс чуть слышно заскулил и нехотя побрел за сторожем, который уже повернулся и зашагал к дому.

На следующий день Черныш опять попытался увлечь хозяина на ту же могилу. Так продолжалось очень долго. Не менее трёх раз в неделю пёс предпринимал попытки посещения на место упокоения неизвестного человека по фамилии Горобов. Василий начинал сердиться на эту непонятную собачью одержимость. А однажды ему приснился сон.

Сторож к сновидениям относился равнодушно и не помнил ни одного. Но тот сон он запомнил хорошо.

Будто снова Черныш уводит его на могилу Горобова, подходит к могиле и снова начинает рыть передними лапами землю. Потом смотрит

на Василия и, неожиданно, человеческим голосом говорит:

«Надо откопать землю, хозяин, неси лопату, один я не справлюсь.»

Сторож проснулся. Словно и не сон это был вовсе.

Занималось утро. Василий подошёл к окну и посмотрел, на месте ли Черныш. Пёс как обычно спал под крыльцом.

«Чепуха какая-то»- подумал сторож и тряхнув головой пошел умываться.

После завтрака он достал лопату. Увидев это, Черныш забеспокоился и стал радостно прыгать возле ног хозяина.

«Ну ладно, ладно,- потрепал его Василий,- пошли к твоему Горобову».

Придя на могилу, пёс немедленно бросился рыть. Сторож же, неспеша натянул хлопчатобумажные перчатки, взял лопату, обошел могилу кругом и примеривишись, очень осторожно стал копать. Углубившись на полметра, Василий почувствовал, что лопата стала врезаться во что-то непохожее на землю или глину. Потом из земли показался край какой-то тряпки. Через пятнадцать минут сторож откопал длинный свёрток. Пальцами в перчатке он слегка развернул грязную ткань и с ужасом обнаружил под ней человеческое тело. Покойника не могли похоронить без гроба и так неглубоко. Василий открыл ту часть свёртка, где по его мнению должна была быть голова. Сторожу открылись длинные волосы. Тело оказалось женским.

Тут Василий стал догадываться, что произошло.

Лет девять назад, когда он ещё не работал здесь сторожем, в колхозе пропала девушка. В те времена это было невероятным событием, чтобы человек исчез бесследно. Поиски ни к чему не привели. Теперь Василий догадывался, куда она пропала.

Сторож не стал трогать труп. Пошел и сообщил в милицию о страшной находке. Из района приехала следственная группа. Действительно, после опознания и экспертизы, оказалось, что это была та пропавшая девушка. Василия опросили при каких обстоятельствах он решил откопать могилу. Тот, без утайки, рассказал все как было. Ему поверили, поскольку тело пролежало в земле больше восьми лет, а Василий устроился сторожем только пять лет назад. Да и мотивов никаких не было.

Через месяц после этих событий умер Черныш. Василий, никогда в жизни не плакавший, рыдал в голос от этой горькой потери. Он положил

пса в мешок и решил похоронить его на следующий день. А ночью ему опять приснился странный сон: живой Черныш стоит у могилы Горобова и говорит Василию: «Похорони меня здесь, хозяин».

Утром сторож взял мешок, лопату и пошел к могиле. На все про все ему понадобилось не больше получаса. Когда последний ком земли лег обратно, Василий сел на землю возле могилы и снова заплакал. Потом поднялся и взглянул ещё раз на портрет Горобова. Так вот откуда ему был знаком взгляд этих глаз. С фотографии на него смотрела душа Черныша.

Книги

Иван Гужов «Яблочный город. Часть I»

Sedryk «Веер»

Игорь Строков «Детектив Вивьен. Книга мефистьяров»

Михаил и Екатерина Теверовские «Я знаю, где она»

Иван Гужов

Яблочный город. Часть I

Несмотря на то, что уже давно закончилась эта эпоха, мы с вами вновь отправимся в Россию XIX века и узнаем ещё одну неуслышанную никем историю…

Как увядающие цветы, люди.

В. Розанов

Начальная глава

Метель. Большие хлопья снега необъяснимой быстротой падают на жителей маленького городка N, который чаще всего путают по непонятным причинам с деревней. Тот же обычный люд, который носит теплую, простую одежду: кто в тулупчике, кто в шубе. Мало-помалу ветер стихает, оставляя сибиряков и случайных прохожих в покое. В конце концов, все улеглось; ямщики подозрительно смотрят на небо, предчувствуя обман погоды. Медленно падают снежинки; попадая на ресницы, землю, на уличные фонари, они слипаются, обнимаются друг с другом и «отдыхают», пока все спокойно. Пьяница, неуверенно шагая по улице, то и дело резко засыпает в сугробе, порою встает и упорно идет домой. И подтверждая плохие предчувствия людей, снова поднимается вихрь. И так всю зиму в городе N.

Вот по дороге бежит какой-то мальчуган. Буран останавливает его, пытается по-крайней мере, а он усердно идет вперед. В руках у паренька мешочек с перьями, а на плече висит сумка, да такая тяжелая, будто в нее камней накидали. И, несмотря на трудности, продолжает бежать, хоть и дается это нелегко.

Во всех домах свет потушен, и лишь в одной квартире свет до сих пор горит. Там живет Иван Сергеевич, портной, чье ремесло (если так можно сказать) переходило из поколения в поколение. Самым первым портным

был его дед, который бежал в Сибирь и прожил семьдесят с чем-то лет. Там же он работал без устали и смог добиться уважения от всех людей, и там же он женился, и родился у него сын Сережа. Еще при жизни сибиряки звали его по имени и отчеству, а Сережку, продолжившего дело отца, и подавно. Но вот дед не дожил до рождения своего внука и умер прямо перед родами. После утраты одного члена семьи Сергей решил сына назвать в честь отца, чтоб тот "продолжил жизнь свою в теле внука". И вот родился Иван Сергеевич, "крепкий мужичок", который позже научился шить так, как шили дед его и отец при жизни. И вот этот Иван Сергеевич работал весь вечер, шил женскую шубу и ждал сына своего Илюшу. Тот должен был уже давно воротиться домой. Анюта, сестра Илюши, в это время уже спала. Она то и дело поворачивалась с одного бока на другой; временами она смеялась во сне, издавала противные звуки и прочее. А бывало, что вообще ни единого шороха нет в ее стороне. Дуська, кошка с одним глазиком, лежала на Аньке и мурлычала.

Тут постучали в дверь. Иван Сергеевич ответил: "Входите!" Вошел мальчик лет восемнадцати; в руках у него был мешочек, а на плече висела сумка. Это был Илюша. Увидя его, Иван Сергеевич всплеснул руками, проговорил: "Какие люди!", и обнял. Илюша обнял его в ответ. Такое уж заведено было в семье, когда тебя обнимают, обнимай в ответ. Но отец, как и свойственно родителям, от переживания дал сыну по затылку. Тот привык уже к этому, и от привычки слету говорил "ой". А отец приговаривал:

— Вот сорванец! устроил себе вакацию!

— Да какая еще вакация, бать? И в голову не приходило...

— Ишь чо! – сказал Иван Сергеевич и показал Илюше кулак. – Только попробуй, и сразу в морду получишь.

— Хорошо, хорошо,- сказал поспешно Илья.

Иван Сергеевич сел на свое место. Илюша – неподалеку от него. Он долго смотрел на шубу. Илюше стало не по себе. "Старик явно о чем-то думает!" — заметил сын. Отец взглянул на свое дитя, уловил его мысль и тут со вздохом спросил:

— Ну-с, тце, рассказывай. Где ты был?

— Ну, сначала был у дьячка, потом сходил к книготорговцу Александру и взял у него книгу.

— Какую книгу? А ну показывай,- перебил его Иван Сергеевич.

— Да вот,- проговорил Илюша и вытащил из сумки книжонку. На титульной странице было написано "Мария Египетская". Отец просмотрел вещицу и отдал обратно. Снова тишина. Непонятное, совершенно тихое молчание находилось в доме. Только буран свистел за окном, временами давая о себе знать. Сколько было вздохов со стороны отца, сколько было желания начать заново разговор. Рано или поздно это бы случилось, но когда именно – неясно. Оба мужика это понимали, но оба не решались начать беседу. Наконец Дуська проснулась, потянулась, промурлычала что-то себе под нос и пошла к Илюше. Тот взял ее на руки и начал гладить.

— А,- промолвил Иван Сергеевич,- между прочим, к нам заходила Алена.

У Илюши глаза так и загорелись. Он начал потихоньку улыбаться, у него в голове сразу же начали воспроизводиться воспоминания, в которых вместе с ним или гуляла, или беседовала о жизни его подруга Алена. Сердце начало биться все сильнее и сильнее, все сильнее и сильнее. Дыхание спирало. Язык сам заплетался.

— Что...правда...что ли?

— Ага, еще какая. Она просила тебе передать, что завтра утром они уезжают перед обедом, поэтому если ты хочешь ее проводить, то подходи к ее дому,- проговорил как-то печально Иван Сергеевичу.

Вот снова минутное молчание, после которого Илюша сказал:

— Что ж, спасибо, тять. Я тогда пойду, а то завтра рано просыпаться нужно.

Отец посмотрел на него, кивнул головой и молвил: "Ступай". Илюша ушел из комнаты. Она стала пустовать. Только ремесленник и неодушевленное, ни черта не понимающее изделие, а в нашем случае шуба, оставались в ней. Тогда Иван Сергеевич посмотрел в окно. Метель продолжала выть, свистеть и укутывать все, что ей попадется, и самое главное – ничего не видать: ни носа, ни уличного фонаря, ни дороги и ни дома. Ничего. Только и слышится тяжелая колыбель ветра да хруст снега под полозьями саней. Звери, птицы – все спят, все спрятались. А что касается соснового бора, то тут и так понятно: спрятался в снежок и стоит веками, мерзнет на морозе.

Иван Сергеевич сел на место и сидел до ночи, все вспоминал, что он, когда увидел Тамару, мать Илюши, то так же, как и его сорванец, запинался, задыхался и, конечно, волновался. "Ох, Тома, Тома! — думал

он. — Жаль, что ты не здесь, не с нами. Видела бы ты, что происходит у нас, обрадовалась бы. Ох-ох-оюшки хо-хой! Как же трудно без тебя. Который час? А, ладно. Завтра доделаю эту шубу",- и с этими словами Иван Сергеевич ушел спать.

Утро настало поздно, но, несмотря на это, метель утихла. Люди уже ходили по заснеженной дороге. Был ясный день. Солнце светило, небо чисто-голубое, очищенное от облаков. За ночь снега столько намело, что и в жизни не увидеть. И все равно красиво. Вот это раем можно назвать, раем для души.

Илюша в это время бежал к Алене. С самого детства эти двое дружили, и даже когда ему восемнадцать лет, а ей семнадцать, они до сих пор дружат. Он вспоминал, как они встретились, как они читали книги, беседовали по мелочам; иногда отец Алены, Артемий Дмитриевич, показывал музыкальную шкатулку, и дети вместе слушали диковинную мелодию, временами качая головой. И чем больше Илюшка вспоминал, тем он сильнее осознавал, что Алена не просто подруга для него. Он понимал, что разлука с ней на долгое время просто убьет его; он не сможет прожить ни дня ни ночи без нее. Она для него стала, как родной сестрой. Но что делать?

Старый покрытый снегом дом стоял на окраине городка и потихоньку начинал пустовать. Раньше он выглядел хоть и не новым, зато живым местом, где всегда пахло стариной. А теперь, когда хозяева начали уезжать, он все больше и больше походил чем-то на пожилого человека, которому вот-вот нужно помирать. Все здание кряхтело, провожало купца, его жену и их дочку. И на глазах весь день, который с утра был приятным, вдруг становится жестоким и беспощадным ко всему живому и неодушевленному. Собаки лаяли; вороны, будь они не ладны, каркали, будто были ведьмами и все читали свои заклинания. Страшно и при этом непривычно было идти Илюше, и вообще всем тем, кто знал и дружил с семьей Артемия Дмитриевича.

Отец Алены загружал вещи в кибитку; жена, чем могла помочь, тем и помогала. Одна Аленка сидела да наблюдала над всем происходящим. Она ждала своих подружек, Илюшу и Николашу, но тех все не было видно на горизонте. Мало-помалу народ прибавлялся, но это лишь знакомые родителей, в основном мамины. И вот первые люди подходили. Это были Оксана и Машка, две сестры, которых никак нельзя было различить. За ними шли Иришка и Шура, Валя, Ольга и другие девочки, дружившие с Аленой. Николаша через какое-то время тоже подошел. Одного Илюши

не было. “Ну, где же он? – гадала Алена. — Где этот мимозыря?”

Вещи были загружены. Батька с мамкой потихоньку начали прощаться да напоминать Алене про время, мол, пора ехать. А она не могла все с подружками распрощаться. Все девчонки стояли друг к дружке и плакали, да так, что было слышно, как они всхлипывают. Николаша стоял в стороне и наблюдал за всем происходящим. У него хоть и некаменное сердце, душа тоже болит, но он не смеет даже подумать о слезах. И вот на горизонте появился Илюша. Девочки, увидя его, так и вскрикнули.

— Илья! – закричали все они, кроме Алены, которая и так была с краснючими глазами.

— Явился – не запылился! – проговорил Николаша.

— Действительно. Явился! Алена, прости, но... — но его перебило крепкое и в то же время резкое объятие. Алена всхлипывала. Илюша начал успокаивать ее. Все смотрели на это зрелище: и взрослые, и дети.

— Прости,- проговорила Алена с трудом. – Что ты хотел сказать?

Илюша посмотрел на нее и отдал книгу. Та снова расплакалась и обняла его. Тот последовал ее примеру. У обоих сердца так и бились, но как они бились, могли почувствовать только они. У обоих душа болела, оба не хотели расставаться, и это объятие для них многое значило, чем объятие с другими. Эх, как же трудно расставаться с любимыми, дорогими тебе людьми! Какое испытание на душе должен пройти человек, если так поступает?

Наконец отъезд. Отец Алены уже сел в кибитку и взял вожжи в свои руки. Мать также села. Илюша и Николаша, как два влюбленных парня в одну и ту же девчонку, отдали какие-то записки. Алена их поблагодарила, и кибитка тронулась. Постепенно они уменьшались и уменьшались в размерах, и так вышло, что и вовсе исчезли.

Мало-помалу и народ расходился. И вот Илюша один. Он это понимает, но зачем-то продолжает смотреть в сторону дороги, по которой несколько минут назад проехались сани. И тут пошел снег, и так медленно он шел, что можно было добежать до другой окраины города, пока те не приземлятся на Богом данную землю. Илюша оторвал свой взгляд от дороги и посмотрел наверх. “Затишье перед бурей”,- подумал он и взглянул на Аленкин дом. Тот уже казался страшным, старым и чуть ли не мертвым зданием, хотя после отъезда хозяев дом этот точно стал мертвым.

ГЛАВА 2

Тоскливый снег падал с небес на землю. Коснувшись её, он то хрустел (даже скрипел), то собирался в кучки и появлялись неглубокие и незначительные сугробы. Солнце уже скрылось, да и если б оно осталось в этот день, то явно было б лишним. Ветер тоже на время куда-то пропал. Ничего нет. Все скрылось: и радость, и вой ветра, и дневное светило. Лишь снег и печаль пребывали в деревне.

Они были и в душе Илюши. Оно и понятно — Алена же навсегда уехала из города N. Она не вернётся сюда, хотя в жизни всякое бывает и чудеса. Илюша же шёл весь задумчивый и «странный». Его взгляд был сосредоточен на землю. Что он видел в ней, известно только ему. Также он разговаривал с самим собой, вечно что-то бормоча. Из его рта вырывались клубки дыма. Возможно, он это осознавал, а, возможно, и вовсе не понимал, что вокруг него творится.

Откуда-то появились сани с гнедой кобылой. Они так мчались, что чуть не задавили Илюшу. Благо полозья резко остановились, и из них зазвучал басистый мужицкий голос, который звал Илью. А тот в свою очередь оцепенел от страха, а, совладав с ним, он посмотрел, кто находится в санях. А это был Степка, сын сенокосца. Он во всю свою морду улыбается, головой кивает и говорит:

— Илья, ты чо это в землю смотришь, а не на дорогу. Если б не я, а кто бы другой, ты бы уже лежал в сырой земле, оплаканный всеми нами и своим отцом!

— Да, да, точно, лежал бы,- сказал Илюша задумчиво. Улыбка со Степана сразу же стянулась, лицо сделалось серьезным и смотрело на сына портного с какой-то тревожностью.

— Так,- сказал Степка,- а ну полезай ко мне в сани, поможешь мне с хворостом, а по дороге все расскажешь, чо на душе у тебя лежит...

— Да не надо,- отмахнулся Илюшка.

— Полезай, я сказал. А то тебя опасно тут одного оставлять – задавят, не дай Бог, или ешшо чо похуже.

Илюшка постоял, постоял, да сел к Степану. Сидят да молчат, молчат да в разные стороны глядят: Степка прямо, Илюша вправо. Если сын сенокосца посиживал как-то хмуро, ожидая чего-то, то Илья крутил головой и в основном смотрел в сторону, будто и не хотел вовсе разговора никакого, будто старался что-то рассмотреть. Деревья двигались вместе

с парнишками, а на чьем-то дворе лаяла собака. Все двигается вокруг, живет, как ни в чем не бывало. Тихо сидящий Степка глядел в даль, но не так пристально, как его друг. Он думал, пытался понять, о чем так задумчиво глядит Илюша; он хотел сначала сам во всем разобраться, а то, быть может, сам все поняв, он бы знал, с чего начать расспрос. Но этого, увы, не было, и потому он просто молвил:— Вишь чо, погода-то прекрасна сегодня, а ты грустный сидишь тут. Над чем грустишь-то? Хоть рассказал бы.

Илюша лишь отмахнулся.

— Говори, а то побью тебя...

— Уверен? — спросил Илюша вызывающе. — Я тебя повалю, ты даже не заметишь этого...

— Обычно я слышу это от тех, кто в горючих слезах лежит у моих ног, — проговорил Степка с улыбкой.

— Да? А ну останавливайся, щас бороться будем!

Сани остановились. Оба парня вышли из них, и начало́ось... Илюша, как и говорил ныне, повалил Степку в сугроб, тот в свою очередь моментально встал на ноги и ослепил противника снегом, из-за чего снег сжёг его лицо. Пока сын портного протирал глаза, другой борец сбил его с ног. Оба в сугробе, у обоих за шиворотом снег, оба встали резко и начали «плясать» от холода. Только и слышатся возгласы, «Брррр» да «Во имя лешего!..» Подбежав к саням, Степка говорит:

— В баню, в баню надо!

Илюша ничего не сказал, но также поспешно сел в сани. Вожжи ударились, лошадь двинулась, а вместе с ней и ребята.

— А чо это ты сказал, что погода прекрасна сегодня? Как по мне, она отвратительна!

Степка промолчал. Обычно он так делает, когда хочет казаться умным и здраво рассуждающим человеком. Иным словом он хочет казаться мыслителем либо же философом. Смотря только вперёд, в его глазах нельзя было различить какие-то мысли, прочесть его, как книгу. Что-то мутное, не совсем ясное представление виднелось в них, но могло ли оно стать истиной, могло ли оно стать тем вопросом или же словом, которое люди так долгожданно ждут? Нет. В случае Степки все было не понятно, не однозначно. Он мог сказать так, что хоть потом старайся сгладить

все углы, но все будет бестолку. И вот Степка смотрел вперёд, а после вопроса начал смотреть в сторону между гнедой кобылой и Илюшей. Что-то он там пытался найти...

— Потому что это правда,- ответил он наконец.- Да, солнце спряталось, и скорее всего его уже долго не будет, но метели нет, ещё не так темно и кругом красота одна. А вместо того, чтобы ненавидеть это, ты бы сказал мне, что печалит тебя, — выговорил Степка, вовремя задав решающий вопрос.

Илюша вздохнул и хотел уже сказать, но его собеседник остановил его: «Давай сначала доедем до бани, а там ты уже мне и скажешь?»

Доехав до черного старого и неказистого хуторка, наши парни зашли в маленькую постройку, которую Степка называл «баней», как и вся его родня.

В семье Степана было всего семнадцать человек: отец, мать, восемь братьев и шесть сестёр. Из всех выживших детей остались лишь четыре брата и три сестры. Он, по счету, был восьмым ребёнком, а вернее пятым. Самый старший и, естественно, первый ребёнок был Иван, который ушёл из семьи в четырнадцатилетнем возрасте на богослужение в С*** монастырь. Остальные братья остались дома при отце, помогали ему и работали не покладая рук. Степка и брат его старший Егорка пахали, собирали урожай, Санек пас коров (в семье всего было две коровы), а Алеша либо рыбу ловил, либо у кузнеца Миколы работал.

Остальные братья и сестры умерли, причем все по-разному. К примеру, Николай умер от чахотки, когда Степке было четыре года. Он смутно помнил этот день. Ему всегда казалось, что тогда светило яркое летнее солнце, небо чистое, без всяких воздушных белых пылинок. Брат был завернут в белое сукно, погребён без гроба, так как тогда (это Степка точно помнил почему-то) семья была на мели. Алёша, второй старший брат, сидел мрачный; сестрицы плакали, братья грустно, словно их труды были напрасными, глядели на происходящее. По словам Егорки, Николай был непоседой, вечно убегал в лес и что-то там делал. Бывало, что он не на день, а на два или три пропадал. Когда же он возвращался обратно в хутор, то от отца ему очень сильно попадало. «Славный был малый,- произнёс отец. — Жаль, что мало пожил» И пусть вы, мой милый читатель, будете сейчас винить Степку за его чувства и мысли, но он единственный несильно горевал из-за смерти своего брата. Объяснить это можно тем, что он мало с ним проводил время, да и особо мало что помнил о нем.

Другое дело, что он сильно страдал из-за смерти остальных братьев и сестёр, особенно из-за смерти Максима и Светы.

Максим был старше Степки на год, и потому он лучше всех понимал его. Они часто вместе ходили на речку, пытались ловить раков, щук, окуней и муксуна, которого очень много водилось в реке. Иногда они брали лодку какого-нибудь рыбака и плавали по Оби, представляя, что они — казаки, преследующие разбойников. А когда им все же надоедало играть на речке, они ходили гулять в боре либо выходили в поле и наслаждались каждым моментом.

Однажды Максим спросил Степку:

Ты порой чувствуешь себя здесь лишним, будто твоё место вовсе не тут должно быть, словно ты предназначен для другого?

— Нет,- отвечает Степа,- ведь я знаю, что мое место здеся, что я, как и все наши братья и наш отец, должен быть здеся. Я привязан к этому месту. Мы все привязаны сюды.

— Ммм, — прозвучит от Максима, и ни слова больше.

Степка же смотрел на него вопрошающим взглядом, ведь он не совсем понимал смысл заданного братом вопроса. Тот обычно смотрел куда-то в сторону либо же на небо, рассуждая о чем-то. Потом, словно почувствовав взгляд родного человека, оживал, хохотал и, показывая своими пухлыми пальцами куда-то вверх, спрашивал Степу, на кого похоже облако.

Когда же случался дождь, то эти двое часто сидели дома, нигде не гуляли да отцу с чем-нибудь помогали. Вернее будет сказать, что в основном ему помогал Степка, а вот с Максимом не так все было просто. Частая ругань из-за мелочей превращала дом не в место, где тебе уютно, а в место, где нет покоя и становится сразу же противным и мерзким все вокруг. Очень часто сын перечил отцу, нередко было, что отец не слушал сына, и вот, итогом стало следующее.

Как-то вновь произошла ссора в семье. Из избы вылетел Максим, что-то там бормоча про себя; он весь трясся от злобы и негодования. Вслед ему побежали: мать, отец и Степка, которому велели быть дома. Отец приговаривал:

— Степан, живо вернись в избу, а не то я тебя... Эй, ты, куды собрался! А ну, вернулся живо!

— Не стану я возвращаться, старый чудак!

— Ты смеешь мне перечить ешшо! Чо, возмужал, да? Против батьки идёшь, змей тошший?

Отец Степки пытался ухватить Максима за плечо, но тот начал брыкаться, пытаясь убрать руку. Каким-то случайным, но роковым образом Максим ударил своего батю, из-за чего тот воскликнул яростно и подобрал топор, лежавший в трёх сажень от него, взмахнул и рубанул. Увернувшись от удара, Максим отошёл в сторону от зверя. Тут Крыжовник, пёс, верный только отцу и рычавший на остальных членов семьи, резко двинулся в сторону Максима и отгрыз ему левую руку.

Вопль, ужасающий, душераздирающий вопль витал в воздухе. Окровавленный кусок человеческого тела лежал на зеленой, ещё мокрой траве; разом все птицы замолкли. Ухватившись за руку, Максим продолжал кричать. Степан остановился. Вместе с ним остановились все остальные, кто выбежал из хаты, кроме отца, который завёл Крыжовника куда-то за дом.

После мальчишеского крика прозвучал потрясённый женский визг. Все отвлеклись на него. Это кричала Света, так как она увидела собственного брата, чья левая рука валялась на сырой земле, и отца, чьи глаза горели яростным пламенем, а руки крепко держали также озлобленную собаку. От увиденного она потеряла сознание и упала прямо на траву.

Все сразу же подбежали к ней. Степка бежал впереди всех, но вдруг остановился. Он оглянулся и увидел, что Максим отдаляется от них, углубляясь все дальше в лес. Сменив направление, он метнулся обратно за братом.

— Максииим, стооой!! Подожиии! – кричал Степа.

Максим продолжал отдаляться, игнорируя слова брата своего. Он упорно шёл, а позже даже побежал. Степан же начал оглядываться, пытаясь запомнить дорогу обратно домой, ведь затеси он не успевал делать, иль иначе придётся упустить брата, чтобы потом самому не потеряться.

Видя знакомые места, Степа вдруг неожиданно осознал, что Максим идёт в сторону утеса. «Зачем ему туда идти? — подумал Степан. — Нужно быстрее его догнать, а то почти упустил из виду»

Дойдя до утеса, Степан наблюдал такую картину. Все начинает замирать. Птицы, которые изредка подпевали своими голосками после оглушительного крика, вновь замолкли. Подул прохладный ветерок.

Ветки сосен, ели начали шуметь. Солнце же начало уже приближаться к горизонту. И при этом нет Максима. Ни одной души нет: ни человека, ни зверя. Только тишь нависла над всеми живыми. Поискав Максима и не найдя его, Степан сел на камень и начал зачем-то ждать брата, думая, что таким образом он появится из-под земли. Но того все не было. Не было и не будет его. Тишина закладывала уши уже где-то двадцать минут, а Степа все сидел и надеялся на брата. Но все это было безуспешно.

Вернувшись опечаленным домой, Степка посмотрел на часы. Уже доходило до девяти часов вечера. На скамье лежала Света. Остальные члены семьи нависали над ней. Степан же сел на пол и облокотился на косяк двери. Все для него было печальным: состояние сестры, бессмысленные поиски брата, хотя вряд ли их так можно назвать. Это выглядело забавным, что отец, который был слишком строгим, немного жестоким и не умеющим слушать никого, кроме себя, прямо сейчас лелеет Светой. Было смешным, что к одним он относился несправедливо, а других поощрял, хвалил, ласкал.

Свету все любили. По крайней мере потому что она была маленькой одиннадцатилетней девчушкой. Максим очень часто с ней играл, часто с ней делился едой, если её было мало. Степан также не отставал: дарил венки из полевых цветов, рассказывал всякие небылицы, сказки, когда ей было пять лет.

Начнёт свою историю он, которую всегда слышал от своей бабушки:

— Сказка про Ивана-царевича и чудище-медныйлоб. Слушай. В некотором царсве, в некотором государсве, именно в том, в котором мы живем, на чистом месте, на пустолесье все равно, как на бороне, жил-был царь. Был он раз на охоте и наехал на чудишшо, как гора. Походит на человека, а лоб медный. Что делать?

— Что делать? – спросила Света.

— А вот лежи и слушай, — проговорит Степка и продолжит свою сказку.

Бывало, что подтолкнёт одну подружку к одному из своих братьев и лежит, хохочет от того, что братья смущаются и не понимают, как им следует поступить. А однажды она со Степаном и Максимом ушла в лес и там кормила всякую живность: то к ней подлетит зарянка, то белочка подбежит и возьмёт свою долю еды. Ребята вместе рассматривали, наблюдали за ними, не дыша, чтобы не спугнуть ненароком. Солнце тогда очень ярко светило. Все зеленое, прекрасное. Цветы так пахнут,

дует легкий ветерок, но при всём при этом припекает немного.

Проходят вот так былые деньки. И теперь Света лежит без сознания; Максима до сих пор нет. Что делается, неясно: то ли продолжить поиски, то ли быть рядом с сестрой.

Тут Света соскочила. Своими кошачьими глазами она осматривалась.

— Где Максим? – сразу спросила она.

Степка пожал плечами. Светино лицо сразу же стало тревожным. Губы сжались, разжались и вновь сжались. Брови ближе к носу. А глазёнки-то ищут виноватого человека! Вон как рыщут, перебирают каждого. И всетаки быстро определили свой выбор.

— Ты! Это все из-за тебя! Это из-за тебя его с нами нет!

— Тише, тише! – выговаривал отец.

— Ну, полно, полно, Светик! – говорила мать.

Остальные смотрели, молча, не шелохнувшись.

— Если бы ты хотя бы на мгновение выслушивал нас, если бы ты… ты…умел слушать и понимать… говорила громко Света, задыхаясь от собственной злобы и горьких слез.

— В этом доме только мне да вашей маме разрешено друг друга перебивать, и то ей когда-как. Ни тебе, ни ему, ни кому-либо ешшо нет такого права. Если бы он не перечил… — молвил, гневаясь, отец.

— Если бы ты дал ему договорить, выслушал…

— В этом доме я хозяин!

— Ты даже сейчас перебиваешь, не даёшь договорить мне.

— Потому что я знаю, чо ты хочешь сказать мне. И повторяю: здеся я хозяин!

— Не сказать, а донести. Ты ни с кем не считаешься, не любишь, не уважаешь. Ты не понимаешь нас, и тебе глубоко плевать на нас…

— Не смей так говорить, — промолвил яростно отец.

Ты смеешь перебивать, кричать, вот и я смею, проговорила довольно серьезно и воинственно дочь.

— Ешшо одна! — возразил отец. — Я такого не потерплю. Вон, ввоон из моего домааа!

Последнее слово отец прокричал.

Все замерло. Все затихли. Все смотрели на Свету, ожидая от неё каких-то действий. Братья и другие сёстры смотрели с округлёнными глазами. Мать трепетала и крестила своё дитя. Степка все также сидел на полу, но глядел уже не на него, а на маленькое окно. Оно не было покрыто стеклом, зато было натянуто бычьим пузырем.

Отец же рассчитывал своими словами образумить дочь, чтоб она одумалась и перестала вытворять чертовщину в доме. Ведь где это было видано, чтоб «баба, да к тому же дочь, кричала и приказывала своему отцу». Но Светлана не остановилась, а лишь продолжила без страха, спокойным и совершенно равнодушным голосом:

— Полно. Твоя воля. Не стану перечить своему родителю, раз он ненавидит, когда им «властвуют» и пытаются донести слова. Уйду из дома.

Сказав это, Света встала и выбежала. Оставшиеся в доме стояли по своим местам. Потом, словно очнувшись, выскочили поочередно. В избе остались только отец да Степка. Сын посмотрел на отца. Тот стоял весь бурый: глаза серые, бессердечные, губы вытянуты, брови слегка согнуты.

— Не побежишь за ними? – спросил грустно, но осторожно Степка.

Отец буркнул в ответ.

— Тогда пойду тудой, посмотрю, как там все обстоит.

Отец промолчал, проигнорировал слова своегосына. И тот ушёл, пошёл вернее за остальными. «Не умеешь ты поддерживать нас», — подумал Степка, выйдя из хаты, и побежал остальным вдогонку. В доме же осталось только все мрачное.

Мокрая трава щекотала пятки и руки Степке. Тот нёсся как ураган, лишь бы успеть и догнать Светку. Было уже совсем поздно, но солнце оставалось на небе. Алые лучи красили синеватое небо, как кисть полотно художника. А под всем этим искусством на небе, таком космическом и нереальном небе, протекала широкая река. На ней, правда, оставались уже какие-то разводы. Чем-то река напоминала какую-нибудь незаконченную или плохо сделанную работу какого-то мастера, который не смог в первый раз зарисовать или выразить свои великолепные чувства.

Тут вдруг Степка остановился. На берегу все, кто выбежал из дома,

стояли неподвижно. Кто-то кричал: «Воротись!», на что им сразу же прилетало с реки: «Никогда». Мать же, пав на колени, плакала, приговаривая:

— Воротись, прошу тебя, Светка! Воротись! Сердце не выдержит, если ты уйдёшь!

Но та непоколебимо кричала, шипя от того, что ее голос уже не выдерживал выкидывать горькие и грохочущие слова. Она была в старой лодке, в которой один очень старый рыбак ловит рыбу, но засыпает, из-за чего домой возвращается без еды. Её (лодку) все время куда-то сильно качало: то влево, то вправо, то влево, то вправо... Сама же она шла по течению и была очень далеко от берега. Толпа, включая Степу, шла за лодкой, надеясь хоть как-нибудь вразумить свою сестренку.

Кто-то из толпы снова сказал, чтобы Света вернулась, ведь она не умела плавать. Степка же добавил, что они найдут Максима, что он жив и что все будет хорошо, ведь он осознавал, что тем, что она не умеет плавать, никак нельзя будет переубедить. Все остальные соглашались, качая головой.

Тут Света встала в лодке. Качнуло влево. Собравшись с силой, ибо выкрикивать вновь было не так легко, и высказала в последний раз, так как уже устала говорить одно и тоже:

— НИ-КОГ-ДА!

Высказавшись, она крутанулась вокруг себя, чтобы больше не смотреть на тот берег. В этот момент маленькое судно вновь качнулось, но уже сильнее предыдущих разов, и маленькая девочка упала в воду. Лодка перевернулась вместе с ней.

Несколько ребят прыгнули сразу же в воду спасать Светлану. Оставшиеся испугано смотрели на происходящее. Степан стоял со своей матерью и не мог никак пошевелиться. С одной стороны он понимал, что нужно идти за ней, спасать её, но при этом он стоял, словно какое-то старое дерево, наблюдая за происходящим.

Прошло уже несколько минут. Никто ещё не вышел из воды. Тут всплеск, и из реки показывается Егор. За ним вслед выходят Иван и Серёжа. Через ещё пару минут выходят ещё несколько ребят. И никто не смог спасти Свету. Никто, но двоих все же не было.

Уже все понимали, что бессмысленно надеяться на спасённую Свету. Она утонула, утонула и все. И никак уже не перепишешь эту историю,

не исправишь её. Вот так и заканчивается жизнь человека, внезапно, неожиданно. Не успеваешь даже спросить: «Кем будешь? Зачем пожаловал?»

Но мать Степана все не успокаивалась. Наивное женское сердце считало по-другому, считала, что если подергать за тонкие ниточки надежды, то Он явно смилуется и не заберёт у её ребёнка жизнь. Она крепко сжала руку, котораялежало на её плече. Крепко держалась за ниточку Надежды.

Вдруг на поверхности воды показались две головы. Одна неподвижно плавала на ней, другая дергалась, чтобы вода не попала в глаза. Долго и тяжело они плыли. Но все к тому времени радовались.

Братья прыгали, сестрёнки визжали от счастья. Мама семейства плакала горько, но по ее щекам текли слезы счастья. Даже Степка позволил себе немного всплакнуть и сказал про себя: «Нееееет, нашу Светку просто так не возьмёшь. Она умрет не таким образом. Ее смерть настигнет в другом месте»

Все молились и благословляли Создателя за радость.

Тут на берег вышли два тела. Одно кое-как шло, другое волочилось за другим. Оба кашляли, отхаркивались от попавшей воды и грязи в рот.

И это были оставшиеся два парня. Смех и радость мгновенно улетучились. Улыбки со всех сошлись.

— Г...где Светка? Где ваша сестра?? — спросила вопрошающе мать.

Оба брата посмотрели на неё грустно и помахали головой. Снова тишь резала уши. Снова все застыли. Никто не плакал, но почти все не понимали происходящее и почти все думали об одном и том же: почему же к ним так жесток Бог.

Прошла неделя-две, того и ещё одна, но так и не нашли ни Максима, ни Светы. После всех долгих поисков глава семейства решил поселиться в другой деревне, чтобы не вспоминать об умерших в тот алый и беспощадный день. Столько местобъездили, но почему-то именно в городке N они остались жить.

В комнате, довольно-таки уютной, сидели три человека: Илюша, Степка и Егорка, брат Степки. Пар так и валил от раскалённых камней. Положив ковш в маленькое ведро с водой, которое нагрелось в помещении, Степка принял такое положение, по которому можно было

понять: «Ну, брат, говори — слушаю!»

Илья рассказал немного:

Алена, подруга моя, которой я очень сильно дорожу, уехала в другой город. Вот и грустно...

Восьмиминутная тишина опять присутствовала в комнате. Егорка, который раньше всех пришёл в баню и уже грелся в ней, начал ерзать. Степан продолжал сидеть все в том же положении.

— Ты из-за этого расстроился? – спросил Степка, тяжело вздохнув.

— Ну да...

Все начали ждать, что скажет Степка. Егорке было просто интересно, что на этот случай скажет брат, так как не знал, какие нужны слова на данный момент, а Илюшка хотел услышать от сына сенокосца поддержку или совет какой-то. Но тот все молчал и молчал, лишь носом своим сопел да тяжело дышал. Когда же Илюша поддал воды, и в комнате стало ещё жарче, Степка резко соскочил, сказал: «Я так больше не могу» и вышел из парилки. Егорка проследовал за братом. Илюшкаже остался на месте.

— Зря ты его оставил там, — проговорил Степка Егорке, когда тот вышел из парилки. — Нельзя, чтобы человек оставался с грустью наедине. Она его разъедает изнутри, как какая-нибудь зараза.

— Можно. В парилке можно. Здеся он, по крайней мере, задумается об многом. А грустные мысли помогают нам. Не каждый день, ясь дело, но все же. К тому же баня лечит, а не убивает... — промолвил Егор и принялся размачивать веники.

— Квасу принёс сюды? – спросил Степка.

— Немного.

— Ну-с это лучше, нежели ничего.

— И то верно.

Тут из парилки вышел Илюша, весь мокрый и мутный.

— Оооо, пересидел ты там, братец, — Степка протянул ему кружку воды. Сиди теперь, остужайся.

— Я пока занесу веники в парилку, — выговорилнегромко Егорка и поставил таз с двумя вениками подле раскалённых камней.

Разговор вновь затянулся. Никто больше не молвил ни слова, ни звука

из своих уст. Все ждали, что же скажет Степан. Илюша думал, что он начнёт с того, что любовь довольно таки забавная, что она и мучает, и при этом придаёт тебе сил, и таким образом завяжется разговор. Егор думал, что его брат скажет: «Не бери в голову. Мало у нас девок в городке что ль?»

— У меня никогда не было подружки, чтобы я…ятосковал по ней. У меня всегда были братья да сестры, да некоторые друзья из соседних домов. Ну, ты их знаешь, местечко у нас тут маленькое, все тут друг друга знают. Но будь я тобою, я бы не отчаивался.

— Но…- проговорил Илюша.

— Да, — перебил Степка и посмотрел прямо в глаза своему собеседнику. — Да, она уехала в другой город, но она же не умерла. Поэтому уже все хорошо. Ты ей что-нибудь дарил на долгую память?

— Да.

— Вооот. Значица не забудет. Так что не печалься. Все образуется. К тому же, если я не ошибаюсь, то в этот город переезжает торговец Александр.

— Книготорговец? А он что там забыл? — задал вопрос удивленно Егор.

— Сам не вразумлю. Вроде из-за того, что тамнароду побольше, ну то есть на чем заработать есть. Ну-с, тце, передохнул?

— Угу, — ответил Илюшка, допивая еще одну кружку воды.

— Тогда пойдём-ка в парилку: париться да в снег, — сказал Степка немного бодрым голоском, взяв с собой квас. — Тьфу ты, парилка остыла что ль? Нучо, поддашь, Егорка, или я поддам.

— Давай ты.

— Давай, — облив камни водой и налив на них немного квасу, Степка проойкал до самой скамьи.

В нос сразу же ударил жгучий, но очень приятный запах. Все трое вдыхали полной грудью его, наслаждаясь каждой минутой в маленьком доме. И пусть и были грустные мысли, но они заглушались тем блаженством, который мог дать тебе новые силы, чтобы продолжать идти своей дорогой. Казалось, что все ничтожно, когда ты даже на пару минут находился в этой сладостной атмосфере, когда ты остановился, чтобы

посмотреть на все происходящее со стороны.

— Чур, я парюсь один, — проговорил Егорка.

— Нееееет, брат, нельзя. Париться один ты будешь, когда один в бане сидеть будешь, а в компании надо, чтобы кто-нибудь попарил.

— Да ты больно бьешь.

— Врешь, слабо я бью.

— Да ежели это и так, всы равно ты только взмахнёшь — уже жарко до невыносимости, а тут ешшо и удары твои.

— Да чо ты как баба...

Ещё долго братья спорили, но в итоге все равно попарились. Окунувшись в снег, они быстро бежали обратно в парилку и опять били друг друга вениками. И целый час проболтали о том, что нужно будет как-нибудь собраться и на последний день масленичной недели, которая будет совсем скоро, сыграть в мяч, пока одежда Ильи и Степана подсыхала. А когда высохла, оделись они и вышли из бани.

На улице уже было темно. Метель так и выла, и заметала все. Маленькие снежинки кусали за лицо. Парнишки же направлялись к саням.

Тут видит Илюшка, что в их сторону направляется какая-то темная фигура с фонарем. Подойдя ближе, он узнал в этой фигуре отца Степана и Егора, Потапа Михалыча.

— О, батька! Здаров. Кобылка наша в конюшне? — спросил Степка. В ответ он получил какое-то нехорошее бурканье от отца и ничего больше. Сын же это счёл, как «да».

«Странный какой-то Потап Михалыч, — думает Илюша.- Когда он был у моего отца, то говорил, что очень сильно любит своих детей, но при этом я сейчас наблюдаю совсем не то. Странно, может день не задался?»

Пока запрягали лошадь в сани, Степка проговорил:

— Мда, и так каждый день.

— И как же вы живете так?

— Когда с таким человеком живешь, хошь не хошь, а привыкаешь и не к такому.

На этом разговор и кончился. Сани тронулись. Парни поехали к дому Ильи.

Sedryk

Информация об авторе

Ни дня без строки. Литература - страшный недуг, от которого нет микстуры, кроме пера, чистого листа или хорошей книги.

Веер

Старой графине загадочный незнакомец дарит необыкновенный и волшебный веер, способный возвращать молодость своему владельцу. Но цена, которую придется заплатить за это будет ужасна…

1

Графиня Марион де Шанти была очень опечалена своим возрастом. Через два дня ей исполнится семьдесят пять.

Ах, как она грустила по молочной белизне кожи, как вздыхала, когда, глядя в зеркало, видела паутину морщин на лбу, возле глаз, вокруг высохших губ, которые так недавно ещё пленяли взоры ее бесчисленных кавалеров своим рубиновым цветом.

А эта шея! Сейчас она похожа на кусок сухого дерева.

А что случилось с грудью? Некогда налитая и упругая, она висела теперь сморщенными мешками, напоминая пару старых пустых кошельков.

Эти ноги, самые стройные в Лангедоке, с годами превратились в блёклые палки, опутанные узлами вен.

Ах, молодость! Сколько она дала и сколько теперь забирает с помощью воспоминаний. Как терзает сердце, которое не раз вспыхивало от страсти, наливая чистое лицо румянцем неги. Графиню покинули все, когда старость своей неумолимой рукой постучалась в храм ее прекрасного тела. Она уже никого не привлекала. Все эти молодые повесы, с лихо закрученными усами, теперь желали только ее денег. Бедный граф де Шанти! Как он был прав, когда говорил ей о неизбежных

страданиях, которые принесут годы. Как будут притворяться все эти юные франты, припадая к ее сморщенной руке, при этом внутри содрогаясь от отвращения.

Теперь граф лежит в фамильном склепе и слова его сбываются. Насколько была она легкомысленна в свои молодые годы, когда не помня себя от страсти пускалась во все тяжкие, не стесняясь своего доброго мужа. А он любил ее. Любил по-настоящему. Эта привязанность была болезненна. В его душе, попеременно, кипели ревность и обожание. Случались минуты, когда он готов был сомкнуть руки на шее своей жены, но взгляд ее больших черных глаз мгновенно подавлял всякий гнев и обманутый граф, в который раз, прощал ей очередную измену.

Марион сидела перед зеркалом, из которого на нее взирала ужасная старуха с плохими зубами и глубокими морщинами, напоминающие пересохшие поймы рек. Она снова вздохнула. Жизнь подходит к концу. Раньше ей казалось, что она всегда будет молодой. Старость представлялась графине какой-то необозримо далекой и несуществующей. Это было то, что случалось с другими; сама же она останется цветущей и юной особой навсегда. Но проза жизни была неумолима. Из зеркала смотрела старая развалина, у которой даже не осталось слез, чтобы пролить их по случаю безрадостного заката жизни. Все высыхало в этом теле. Даже душа.

Графиня схватила черепаховый гребень и с ненавистью швырнула его в зеркало. Стекло треснуло, добавив ее отражению дополнительные морщины.

В опочивальню, привлеченная шумом, вошла служанка и спросила госпожу, что стряслось. Графиня тяжело обернулась и уставилась на нее покрасневшими глазами. Это снова напомнило ей утраченную молодость.

Насколько же Катрин была свежа! В каждом движении ее кипела энергия. Жизненные соки питали молодое тело. Марион и подумать не могла, что когда-нибудь станет завидовать служанкам.

— Все хорошо, Катрин,- ответила графиня,- я уронила гребень.

— Я пришлю Люка, чтобы он принёс вам новое зеркало.

— Перед обедом я хочу прогуляться.

— Мне сопровождать вас?

— Поможешь мне спуститься в оранжерею. Пьер сказал, что сегодня

орхидея раскрыла свой бутон.

— Да. Это случилось рано утром. Ах, как она красива! В жизни своей не видела такого чуда.

Катрин несколько театрально поднесла руки к груди и закатила глаза.

— Через четверть часа придёшь одеть меня.

— Хорошо, госпожа.

Служанка поклонилась и вышла.

До обеда оставалось около получаса, когда графиня с помощью Катрин спустилась в оранжерею, чтобы взглянуть на распустившийся цветок орхидеи, который старый садовник ревностно лелеял на протяжении целого месяца. Орхидея была прелестна. Она тоже напомнила графине о молодости и красоте — этих двух неразлучных и коварных спутницах, которые на закате жизни так цинично отдают человека на растерзание безжалостной старости. Графиня, который уже раз за день, горестно вздохнула.

— Вам плохо, госпожа?

Упредительная Катрин была начеку.

— Ничего, милочка,- ответила Марион, грустно улыбаясь. — Я только восхитилась цветком. Поднимись наверх — пусть обед подадут позже, я хочу прогуляться по саду.

Графиня неспешными шагами покинула оранжерею.

День выдался солнечный и теплый. Дворцовый сад утопал в зелени деревьев. По бокам гравиевой дорожки, которым была обсыпана широкая аллея, росли кусты шиповника, сирени и жимолости. Птицы резвились в листьях ветвей, заходясь звонкими трелями.

«Одна лишь природа вечна»,- подумала графиня, усаживаясь на скамейку.

Она подняла голову вверх, туда, где между могучими кронами скользили лучи солнца, и ей стало легче. Отступило утреннее раздражение и внутри потеплело. Марион прикрыла глаза и не опуская головы, улыбнулась.

— Прошу прощения, ваша светлость.

Голос прозвучал неожиданно; графиня даже слегка вздрогнула.

Перед ней стоял незнакомец. Несмотря на теплую погоду одет он был в шерстяное трико и куртку с глухим капюшоном, скрывавший его лицо. Через плечо незнакомец перекинул небольшой короб, который обычно носят торговцы. Как он мог бесшумно появиться на алее засыпанной гравием, осталось загадкой.

— Что вам угодно? — несколько удивлённо спросила Марион.

— Жизнь слишком быстротечна, а к старости ещё и жестока.

Глаза незнакомца странно блеснули из глубины капюшона.

— Я не понимаю вас.

Графиня была в замешательстве. Кто впустил в замок этого человека?

— Не бойтесь меня, мадам. Я знаю о чем печалится ваше сердце. Знаю как вы плохо спите, почти ощущая холод могилы, в которую уже приготовились сойти. Как терзает вас память об ушедшей молодости и сколько вы выплакали слез.

— Да кто вы такой? — вскричала графиня, негодуя и одновременно досадуя на то, как точно незнакомец угадал состояние ее мятущейся души.

— Врач, возможно,- ответил тот, — но врач не совсем обычный.

— Вас кто-то пригласил в замок?

— Вы, мадам.

— Это неправда.

— Однако — это так. Ваше горькое отчаяние и безутешность заставили меня явиться к вам и положить конец всем страданиям.

— Каким образом?

Этот человек пугал и в то же время притягивал к себе, словно магнитом.

— Я же сказал, что я врач, а у каждого врача непременно найдется рецепт и лекарство, которое утишит боль. Но так как врач я необыкновенный, то и микстура моя будет не совсем обычная.

С этими словами незнакомец пошарил в коробе и достал оттуда продолговатый черный предмет. Потом щёлкнул пальцами, и в руке его раскрылся веер, украшенный причудливыми символами и монограммами.

Графиня смотрела как завороженная.

— Это и есть лекарство? — спросила она.

— И смею заметить — самое лучшее от того недуга каким страдаете вы.

— Как же оно лечит?

— Совсем просто: в определенный час вы обмахиваетесь им три раза и возвращаете себе пять лет жизни.

Графиня с интересом взглянула на веер, который незнакомец, будто нарочно, крутил перед самым ее носом.

— Потом, в определенное время машете ещё три раза и вот вам уже возвращены десять лет жизни.

— Значит пользоваться им можно сколько угодно?

Марион заволновалась.

— Не совсем, — ответил незнакомец и голос его приобрел некоторую торжественность, словно он собирался сказать нечто важное.- У этого волшебного веера, как и у всякого другого лекарства, есть некоторые ограничения. Побочные эффекты, так сказать. Данный предмет можно использовать до десяти раз, учитывая возраст владельца. После чего от веера надо будет избавиться.

— Если эта штука и вправду может делать такие чудеса, сколько же она должна стоить ? — спросила графиня.

— Ваша светлость, я не из тех врачей, что норовят поживиться за счёт пациента. Я всего лишь бедный гуманитарий, что поглядывает на деньги сквозь пальцы. Меня больше радует смех выздоровевшего, нежели звон монет в кошельке.

— Вы уступите мне его просто так?

— Он ваш, мадам,- ответил незнакомец и протянул веер графине.

Марион неуверенно взяла странный подарок.

— Теперь запоминайте: тринадцатого числа каждого месяца, ровно в полночь, вы можете сделать три взмаха. Через десять месяцев, когда сила веера иссякнет, вы должны будете бросить его в старый колодец, что находится в семи лье отсюда, возле мельницы старого Кристофа. Выполните в точности все, что я вам сказал, и вы сможете в полной мере насладиться вновь обретенной молодостью. Ни в коем случае никому не передавайте и не оставляйте у себя веер по истечении срока его службы.

И упаси вас бог воспользоваться им не в назначенный срок.

Графиня почти не слушала, что говорил ей незнакомец. Она была увлечена подарком. Но когда Марион на минуту отвлеклась, чтобы поблагодарить его, на аллее уже никого не было.

«Какой странный незнакомец. Но его подарок ещё удивительнее. Если этот веер в самом деле способен возвратить человеку молодость, он бесценен. Хотя есть условности. Он что-то говорил про колодец... Нет, про мельницу. Ах, право, я настолько увлеклась его подарком, что пропустила все рекомендации. Как там сказано: тринадцатого числа каждого месяца... В полночь сделать три взмаха...Десять раз — это предел...Избавиться от веера...Это я запомнила, вот только что насчёт мельницы и колодца? Не могу припомнить»,- графиня коснулась пальцами лба, пытаясь собраться мыслями.- «Проклятая старость! В голове уже ничего не держится. Колодец и мельница... Мельница и колодец... Хотя это может не так уж и важно. Я ведь запомнила самое главное.»

— Госпожа, вам пора обедать!

Голос Катрин, которая шла к ней по аллее, оборвал ее мысли.

Графиня встрепенулась и поспешила спрятать веер в рукав.

— Как вы бледны? — забескоилась служанка, помогая Марион подняться со скамейки, — И дрожите вся, будто осиновый лист. Когда мы поднимемся, я позову врача.

— Не надо, Катрин,- ответила графиня, опираясь на руку служанки.- Кто мне сейчас нужен меньше всего, так это врач.

Катрин не поняла смысла ее слов.

На обед подали грибной суп, запечёную индейку и холодный паштет из говядины. Графиня едва прикоснулась к еде, выпила бокал вина и удалилась в спальню, с просьбой не беспокоить ее.

В тишине Марион попыталась ещё раз собрать воедино все произошедшее с ней за сегодня и как следует поразмыслить. Странная встреча в саду никак не давала ей покоя. Кто же этот загадочный незнакомец? По ящику на его плече можно было предположить, что он коробейник. Но коробейники обычно не дарят своих товаров. Он уверил, что веер обладает волшебной силой. Неужели ведьмак или колдун? На ее памяти, с тех пор как она вышла замуж за графа Шанти и переехала в замок, такие никогда не появлялись в этих местах. Но без волшебства

здесь явно не обошлось. Сегодня двенадцатое. Завтра в полночь она проверит силу веера. Если незнакомец сказал правду, Марион вернёт себе молодость. Если же все случившееся окажется всего лишь жалкой мистификацией, что же, врата их фамильного склепа уже приоткрыты для нее.

Остаток вечера графиня провела в кресле возле зеркала, которое заменил слуга. Она внимательно разглядывала веер, борясь с искушением открыть его. Приходили мгновения, когда Марион начинала сомневаться в волшебной силе своего подарка.

«Ну, конечно,- думала она.- Обладай этот веер магическими свойствами, разве кто-то расстался бы с ним добровольно. Его обладатель непременно сам бы захотел вернуть себе молодые годы. Или продал его по самой высокой цене. Эта всего навсего просто злая шутка, и здесь не обошлось без вмешательства слуг. Они все знают, как я болезненно отношусь к своему возрасту».

Но проходили минуты, и графиня вдруг меняла свое мнение, и ее вера в магию подарка незнакомца снова становилась крепка. Она рисовала в памяти, какие возможности откроет перед ней неожиданное омоложение.

С этими противоречивыми мыслями графиня уснула прямо в кресле. Катрин не появилась, чтобы помочь ей раздеться, так как Марион приказала никому ее не беспокоить.

Ей снились приятные сны. Будто она, молодая и счастливая, едет в роскошном фиакре по Лангедоку. Рядом с ней сидит красивый молодой гвардеец и преданно, словно собачонка, смотрит на нее, ловя каждое движение. Проходящие люди оборачиваются вслед экипажу, чтобы ещё раз увидеть необыкновенную красоту его молодой хозяйки. Марион упивается этими мгновениями...

Графиня проснулась, когда за окнами замка уже стемнело. Время ужина прошло, но она в последнее время часто отказывалась от вечерней трапезы, видно поэтому Катрин не тревожила ее.

Открыв глаза, Марион первым делом взглянула на комод, где лежал сложенный веер. До испытания ещё больше суток! Но за годы своей долгой жизни она научилась быть терпеливой. Завтра в полночь ей выпадет случай вернуть себе утраченную молодость; либо же все рухнет и страшное дыхание смерти станет ближе к ней ещё на один день.

Завтра!

2

Весь следующий день прошел в томительном ожидании. Графиня от нетерпения не находила себе места. Нужно было чем-то занять себя, но когда чего-то очень сильно ждёшь, отвлечься на что-нибудь другое бывает весьма трудно. С утра она принялась было за вышивание, но иголка никак не хотела её слушаться и все норовила уколоть пальцы. Через четверть часа графиня бросила это занятие.

После завтрака, небольшая прогулка помогла сократить ей один час.

Вернувшись в замок, Марион заставила одну из своих старых служанок рассказывать ей разные занимательные истории, в чем последняя была большая мастерица. Подобное занятие позволило скоротать время до обеда.

Рисование заполнило нетерпеливое ожидание до пяти вечера.

После чая, Марион раскрыла книгу и читала до ужина.

На ужин подали тушеную говядину с овощами. Графиня проглотила несколько кусочков и выпила пару глотков вина. Потом она вернулась в спальню и уже не выходила оттуда до утра.

Проследуем же за ней в опочивальню и узнаем, что произошло с Марион в эту ночь.

Без четверти двенадцать, графиня стояла перед большим зеркалом. Она скинула с себя всю одежду, чтобы тщательно отследить процесс омоложения. Минуты тянулись медленно. Наконец часы стали бить полночь. Графиня открыла веер и три раза взмахнула им возле лица. Внезапно она почувствовала сильный холод. Под ногами задрожал пол, а стены спальни будто выгнулись и пошли волнами. Вся опочивальня закачалась. С комода попадали баночки с сурьмой, помадой, румянами и лекарством, а с кровати слетели подушки и одеяло. Не больше минуты комнату сотрясала неведомая сила. В это мгновение графиня от страха стояла ни жива, ни мертва. Когда все стихло, по ее телу пробежала чуть заметная дрожь, после чего по всем членам разлилось приятное тепло. Марион почувствовала, как в нее вливается сила. Она взглянула на себя в зеркало. Часть глубоких морщин на лице разгладилась. Шея стала несколько нежнее. Пока это были все изменения, но и их оказалось достаточно, чтобы убедиться в волшебных свойствах этого чудесного веера. Марион охватила радость. Она бережно сложила свой заветный

подарок и убрала его в ящик комода. После собрала упавшие предметы; вернула подушки с одеялом на кровать и с победным ликованием стала кружиться по комнате.

Незнакомец не обманул ее: веер сотворил чудо! В эту минуту она была так признательна провидению, что то ниспослало ей эту встречу. И неважно кем был таинственный незнакомец: добрым ангелом или самим дьяволом, он сделал ей самый заветный подарок в ее жизни. А это главное!

Накружившись, Марион задула свечи, бросилась на кровать и блаженно погрузилась в свой первый, за двадцать лет, счастливый сон. Ей снова снился красивый гвардеец, с которым на этот раз она плыла в лодке. В перламутровой воде резвились рыбки, и солнце играло на их серебряных чешуйках; над рекой кружились ласточки, рассеивая в воздухе свое громкое «чивирк»; и плыл в необъятную даль звук волшебной лютни, чьи струны нежно пощипывали трепетные пальцы молодой графини.

Но вот мелодия стихает, и прекрасный гвардеец пытается сорвать поцелуй с губ очаровательной Марион. Она не против. И в этот миг из спокойных речных вод вдруг поднимается безобразное чудовище. Огромное и страшное, оно в один миг опрокидывает лодку с влюблёнными и схватив обоих пытается их пожрать.

Марион проснулась. Приснившийся кошмар заставил ее пробудиться с отчаянным криком. В спальню тотчас же вбежала Катрин. Ее госпожа, с растрепанными волосами, вся в поту и испуганными глазами, сидела на подушках.

— Госпожа, госпожа! — с ужасом прокричала служанка и бросилась к кровати графини.

— Дурной сон,- успокоила ее Марион, — всего лишь дурной сон.

— Ох, вы так напугали меня! — Катрин сокрушенно помотала головой. Потом она более пристально вгляделась в свою хозяйку.

— Сегодня вы очень хорошо выглядите, госпожа,- заметила служанка несколько удивлённо.- Неужели дурные сны так на вас подействовали?

Графиня немного отошла от страшного сновидения и улыбнулась:

— Так оно и есть, милочка. Помоги мне одеться.

Весь день Марион была в хорошем настроении. Все обитатели дворца

заметили в ней эту перемену и не могли не признать, что за ночь графиня действительно слегка помолодела.

Так для Марион де Шанти судьба провернула вспять свое капризное колесо, предоставляя ей шанс вновь вернуть молодость. И графиня была благодарна ей.

* * *

Прошел ровно месяц.

Графиня ждала его с нетерпением. Теперь она уже не запиралась надолго в комнате. Физические силы подняли ее душевный настрой. Марион стала чаще гулять. Мир вокруг снова взял в свои руки палитру забытых красок. Постепенно возвращался аппетит.

Наступило тринадцатое число. Как и в прошедшем месяце, графиня уже с утра стала проявлять нетерпеливость. Но сейчас это ожидание полуночи было более размеренным. Она ведь убедилась, что веер и правда волшебный. Марион написала два письма своим сестрам в Бретань. Теперь их можно пригласить в гости. Пусть эти старые и вредные перечницы умрут от зависти, когда увидят здоровый румянец на ее щеках.

Меж тем приближалась полночь. Как и в прошлый раз, ближе к двенадцати, графиня сняла с себя одежду, достала из комода веер и встала перед зеркалом. Буквально через несколько минут она возвратит себе ещё пять лет жизни. Марион счастливо улыбнулась при этой мысли.

Начали бить часы. Графиня раскрыла веер и жеманно обмахнулась им три раза. Снова, как и месяц назад, задрожала комната, выгнулись стены, с комода попадали пузырьки, одеяло скользнуло на пол. Тело Марион содрогнулось и по нему побежало тепло. Она видела в зеркале, как наливается упругостью вся ее кожа, набухают дряблые груди, прячутся вены на ногах. Прямо на глазах выросли зубы, что она потеряла за десять лет. С них мгновенно спал жёлтый налет. Стали едва заметны безобразные узлы синих сухожилий на внешней стороне кистей ее рук. За считанные минуты, возвращеные десять лет существенно преобразили старое тело.

Это был подлинный восторг!

Теперь на графиню из зеркала смотрела не высохшая печальная

старуха, а радостная пожилая леди. Ещё пройдет каких-то восемь месяцев и в этой спальне будет хозяйничать молодая красавица.

Марион прибралась в комнате, спрятала веер, погасила свечи и легла в постель. Как ей было легко. Ушла ноющая боль в ногах, почти утих шум в голове, перестали слезиться глаза, на губах пропала сухость, а пальцы наконец оставил проклятый артрит.

С блаженной улыбкой на лице, графиня погрузилась в сон.

На сей раз ей не приснился красивый гвардеец. Вместо этого сновидение перенесло ее на песчаный морской берег. Стояла ясная погода. Море лежало тихое и кроткое. Его бирюзовый цвет успокаивал и манил окунуться. Графиня оказалась полностью обнажена. В третьем по счету сне, после встречи с удивительным незнакомцем, она снова была молода и прекрасна. Марион осторожно ступила за береговую кромку. Море оказалось теплым. Войдя по пояс, она вытянула руки и грациозно нырнула в приятную голубую гладь. Проплыв под водой небольшое расстояние, Марион собралась вынырнуть, но в ту же секунду что-то холодное и цепкое ухватило ее за обе лодыжки и потащило на глубину. От страха и нехватки воздуха, она стала судорожно извиваться, в попытке выбраться на поверхность. В какой-то миг ей это удалось. Хватило мгновения, чтобы увидеть, как разительно переменилась погода. Черные тучи закрыли небо, а море стало вздуваться грозными валами. Всю эту мрачную картину Марион охватила взглядом в несколько секунд, пока неведомая подводная сила не вцепилась в ее ноги ещё крепче и снова не утянула на дно. Наверху стонала буря, а под водой звенела тишь. Она смогла различить черты того, кто хотел ее утопить. Это было то же самое чудище из ее предыдущего сна. Забившись от ужаса и бессилия в лапах страшного зверя, Марион, как и тогда проснулась с громким криком.

Вбежавшая в комнату Катрин так и замерла возле кровати графини, когда увидела какие разительные перемены произошли во внешности ее госпожи. Марион же только загадочно улыбнулась на ее удивление. Служанка несколько раз поморгала для пущей убедительности, что это ей не мерещится.

— Госпожа! — воскликнула Катрин.- Неужели это и вправду дурные сны дарят вам такую молодость?

— Нет, я просто выпила волшебный эликсир! — захохотала графиня, не в силах удержаться при виде растерянного лица служанки.

Не дожидаясь, пока обескураженная Катрин подаст ей платье,

Марион легко выбралась из кровати и самостоятельно оделась, давая ей время придти в себя.

— Что же происходит, госпожа? — снова спросила служанка.

— А что происходит? — лукаво прищурилась графиня.

— Да ведь вы же помолодели лет на семь, а то и больше.

— В самую точку, милочка!- улыбнулась Марион.- Десять лет — с плеч долой!

— Да как же это возможно?

— Это не моя тайна,- притворно нахмурив брови, ответила графиня.

Больше Катрин не стала допытывать госпожу, понимая, что не получит прямого ответа.

— Прикажете подать завтрак?

— Непременно. Я чертовски голодна!

Да, в графине явно наблюдались серьезные перемены, что брали свое начало в тяжелейшей ипохондрии, а приводили к неудержимому восторгу. Снам, заканчивающимися кошмаром, она не придавала значения. Ей и в голову не приходило связывать их с чудесным веером, хотя страшное чудовище стало тревожить ее сновидения именно после появления этого волшебного подарка. Марион была ослеплена радостью снова испытать молодость и мысли ее не задерживались на подобной мелочи.

Графиня распорядилась подать завтрак в садовую беседку.

С утра светило солнце, обещая погожий день. В ветвях буков играл листьями теплый ветер. В небесах звонкий жаворонок заканчивал свою песню. Как давно Марион не замечала этой красоты. Старость высушила все ее чувства. Но теперь, когда выпал шанс вернуть молодость, когда волшебная сила возвратила ей обратно десять лет, все начало просыпаться в ее душе. Злость сменило добродушие, нелюдимость обернулась жаждой общения, а отчаяние — превратилось в надежду.

Графиня сидела в беседке и училась вновь наслаждаться жизнью. Когда она сполна вернёт себе свои годы, то распорядится ими уже не так легкомысленно. Сколько можно будет исправить ошибок. Какое это прекрасное сочетание: молодость и мудрость. У нее будет и то и другое.

Подали завтрак. Сегодня яйца пашот со шпинатом и круасаны с горячим кофе, были особенно хороши. Она съела почти шесть пирожных.

Аппетит возвращался к ней, как и молодость.

Сколько сразу возникло планов. Нужно будет непременно съездить в Париж. Там она уж постарается отомстить этому наглецу Мари-Лору дьяволу в обличии человека. Как отвратительно он таскался за каждой молоденькой юбкой, даже не пытаясь этого скрывать. А потом с невинным видом получал от нее денежную сумму, в обмен на близость. Сколько было ей тогда? Пятьдесят два-три? А этому красавцу-прощелыге едва исполнилось двадцать пять. Сейчас ему столько же, сколько было Марион в то время. У мужчин старость протекает иначе. А такие, как Мари-Лор, щедро одаренные от природы физической силой и красотой, вообще словно хорошее вино: стареют с изяществом.

Теперь то она станет разборчива в своих связях.

С такими мыслями завершилось утро.

Вернувшись в замок, Марион изъявила желание поиграть в кегли.

Слуги были в замешательстве от таких серьезных перемен их хозяйки. Все, даже самые скептичные, вынуждены были признать, что графиня действительно очень заметно помолодела. Никто не мог объяснить столь чудесное явление, отчего по дворцу поползли слухи один фантастичнее другого. Этого осторожного шепота по углам хватило на месяц.

Приближалось тринадцатое число.

3

Через месяц, вечером тринадцатого, графиня пила в столовой чай. Вчера пришло письмо, что ее сестры выезжают из Бретани. Недели через три они будут в замке.

Сегодня вернутся ещё пять лет утраченной молодости. Ей снова исполнится шестьдесят. Как же много, чтобы окончательно утереть нос этим старухам. Ну почему только раз в месяц возможно это удивительное чудо? А что если обмахнуться раньше срока? Нет. Незнакомец предупреждал, что нельзя. В конце концов, что может произойти такого страшного? Терять то ей все равно нечего. Хотя возвратившиеся десять лет кое-что да значат. Стоит ли рисковать ими ради мимолётного интереса? Здесь уж лучше журавль в небе. Надо потерпеть. Во всяком случае она будет выглядеть намного моложе сестер. Хотя они не виделись уже лет

двадцать. Беатрис сейчас, должно быть, шестьдесят, а Эжени — не меньше семидесяти. Они немало удивятся, когда увидят Марион такой же, как в последнюю их встречу. Нет, будем пользоваться веером по инструкции!

Ближе к полуночи, графиня снова скинула с себя одежду и ровно в двенадцать помахала веером.

Все повторилось как и раньше. Тело приобрело небольшую белизну, морщины практически исчезли, глаза получили здоровый блеск, а седые волосы заметно потемнели. Марион невольно улыбнулась, глядя в зеркало и сложив веер поцеловала его.

— Спасибо тебе,- прошептала она, благодаря то ли незнакомца, то ли его волшебный подарок.

И снова в эту ночь ей приснился странный сон.

Она очутилась в густом лесу. Под руку с красивым гвардейцем из прошлых снов они шли по тропинке, тянувшейся вдоль могучих сосен. С двух сторон лес стоял такой плотной стеной, что сквозь нее не было видно ни одного прогала. Солнце светило точно посередине. Его лучи касались только тропинки этой величественной галереи. Все это выглядело гротескно и пугающе.

Гвардеец держал Марион под руку и что-то шептал ей на ухо. Она опять была молода! Безумные слова ее спутника кружили голову. Графиня млела от них и от его прикосновения.

В то же время, каким-то шестым чувством, она ощущала всю неестевственность окружавшей их обстановки. Эти высокие неживые деревья, искусственный свет солнца, отсутствие теней на земле и абсолютную тишину, в которой не было слышно ни щебетания птиц, ни шелеста ветра.

Но все эти мысли тают, когда молодой человек касается губами ее губ. На миг, вместо сладостного поцелуя, Марион чувствует холодное мертвенное прикосновение, и в ту же минуту, ломая стволы высоких деревьев, на тропинке возникает все то же исполинское чудовище. Оно мгновенно хватает влюбленных и вновь собирается пожрать их.

На этот раз графине удалось сдержать свой ужас и проснуться без крика .

«Веер! Это веер навевает такие кошмары!»- догадалась Марион.

Она спустилась с кровати, подошла к зеркалу, налила в таз воды из

кувшина и омыла лицо.

«Как разгладилась кожа,- графиня потянула пальцами щеку,- ночью это было не так заметно.»

Неужели эта волшебная и полезная вещь способна рождать такие ужасные сны? Однако каждый месяц после процедуры к ней является это безобразное чудище. Хорошо, что только во сне, хотя и этого достаточно, чтобы утратить покой. Пусть на время, но насколько гадко чувствует она себя по утрам после этих видений. Надо бы побольше разузнать про веер. Но кто сможет объяснить ей его силу? Незнакомца, сделавшего подарок, вряд ли можно теперь найти, а кто как не он владеет тайной этой чудесной вещи. Я слышала, что в деревне, неподалёку, живёт старик. Ведун не ведун, но кое в чем силен. В прошлом году вылечил от оспы конюха. Служанки шептались однажды, будто он владеет магией. Нужно будет после завтрака хорошенько подумать. И не мешало бы расспросить Катрин про старика.

Графиня позвонила в колокольчик. Служанка незамедлила явиться. Она уже подметила, что каждый месяц, в ночь с тринадцатого на четырнадцатое, ее госпожа просыпается заметно помолодевшей. Вот и в это утро Катрин углядела в графине чудесную перемену. Держась изо всех сил, чтобы не выказать удивления, она помогла Марион одеться. Во время этой церемонии графиня внимательно наблюдала за служанкой в зеркало. Но Катрин, надо отдать ей должное, не обмолвилась даже словом о произошедшей во внешности госпожи перемене, чем слегка рассердила графиню.

— Катрин, милочка, — сказала Марион, когда утренний туалет был завершен.- Распорядись, чтобы завтрак принесли сюда и останься сама: я хочу поговорить с тобой.

Катрин поклонилась, вышла за дверь и через десять минут завтрак был доставлен в спальню.

— Присядь в кресло,- попросила Марион служанку, когда та поднесла серебряный столик с едой.

Катрин послушно уселась, изнывая от нетерпения. Она решила, что госпожа поведает ей секрет своего омоложения. Однако графиня, с минуту поколебавшись, завела совсем иной разговор.

— Катрин, детка, я здесь краем уха прослышала, будто в деревне живёт один искусный лекарь. Кто-то из прислуги даже назвал его колдуном. Ты

не знаешь о ком это идёт речь? — спросила она.

Служанка, несколько разочарованная темой для беседы, сделала вид будто пытается припомнить про кого спрашивает ее госпожа. Около минуты она то приподнимала взгляд к потолку, то опустив голову, закрывала глаза, пытаясь скрыть досаду от такого неинтересного разговора. Потом легонько хлопнула себя пальцами по голове и ответила:

— Так это, пожалуй, Аббо Молчун, если вы, госпожа, имеете в виду старого лекаря, который иногда приходит лечить слуг в замке.

— Да, наверно его. Это же он вылечил нашего конюха от оспы?

— И не только его. Он многих на ноги поставил. Года два назад поднялась у меня температура. Я уж думала все, с кровати не встану. Но наша кухарка Ортанс, на что тугодумная и неповоротливая баба, быстро догадалась послать мальчишку за стариком. Аббо пришел, когда мне сделалось совсем худо. Вынул из кармана какой-то мешочек, а Ортанс велел кипятку принести. Потом высыпал в кружку порошок, что-то пошептал неразборчивое и велел мне немедленно выпить. А у меня и сил то никаких нет. Тогда старик сказал Ортанс, чтобы голову мне приподняла. Кухарка схватила меня за затылок, да как рванет от подушки. Чуть дух из меня не вылетел. А старик кружку мне к губам сунул и страшным голосом говорит: «Пей!» А в кружке то крутой кипяток. Как мне его пить? А старик знай одно заладил: «Пей да пей!» Я губы разомкнула, а в кружке то и не кипяток вовсе, а такой чуть теплый отвар. Неприятный, правда, но пить можно. Выпила я все до капли. Старик меня за голову взял и нежно так уложил на подушку. А я чувствую, что легче мне становится. Температура спадать начала и в сон клонить стало. Успела я только заметить, как Ортанс сунула старику кусок копчёного окорока, да и провалилась в сон. А утром и болезнь исчезла.

— Ну, то, что он хороший лекарь, мне известно,- сказала графиня,- а правду ли говорят, будто старик настоящий колдун?

Катрин пожала плечами.

— Слыхала об этом, но сама не видела. Ортанс рассказывала, что иногда, ночью, из дома старика будто зеленый свет пробивается, а сам Аббо частенько ходит к мельнице старого Кристофа, где якобы нечистая сила обитает. Но полоумная кухарка ещё не то наплетет.

При упоминании о мельнице и имени Кристоф, Марион слегка вздрогнула. Незнакомец точно говорил про это, но как именно они

были связаны с веером: этого графиня не могла вспомнить. Увлеченная необыкновенным подарком, она попросту упустила почти все слова незнакомца.

— Что это за мельница такая? — спросила Марион, в надежде побольше разузнать об этом месте.

— Да недалеко отсюда, заброшенная мельница старого Кристофа,- ответила служанка, не замечая, как эта тема взволновала ее госпожу. — Сам то мельник умер уже лет сто как, но крестьяне поговаривают, что иногда покойник наведывается в свои владения и с позволения самого дьявола устраивает там страшные шабаши.

— И часто он навещает свою мельницу?

— Ну, что вы, госпожа! — улыбнулась Катрин.- Да сказки все это, которые годятся только для таких, как наша Ортанс или суеверный Базиль — печник. Право, не стоит серьезно относиться к таким россказням.

— А все же, мне уж больно интересно. Хочется побаловать себя сказками, а то ведь в нашем сером уголке от скуки можно высохнуть.

— Ну, здесь я вам не помощница,- сказала Катрин, убирая поднос от кровати,- вы лучше Ортанс попросите об этом рассказать. У нее на этот счёт много историй припасено.

— А как ты думаешь, она много знает про этого Аббо?

— Во всяком случае побольше, чем я,- ответила служанка, помогая графине с прической.- Да и в деревне она чаще бывает.

— Позовешь ее в сад, на скамейку.

— Хорошо, госпожа.

Через полчаса Марион сидела на садовой скамейке, наблюдая, как в воздухе мечутся разноцветные стрекозы.

«И почему мне вздумалось больше узнать о веере? Не все ли равно откуда он взялся и в чем его тайна. Главное, что он отлично справляется со своим делом, а остальное меня и касаться не должно. Мне бы только узнать, почему после каждого сеанса я вижу во сне этого безобразного монстра, тогда как, если разобраться, мои сновидения должны быть наполнены пёстрыми бабочками и ярким солнцем, ведь возвращение молодости это всегда счастье и радость.»

Так думала графиня, когда к ней подошла толстая Ортанс, в

засаленном переднике и серой от печной копоти косынке.

— Доброе утро, госпожа, — поздоровалась кухарка. Ее голос звучал как труба.

— Катрин сказала, что вы хотите со мной поговорить.

— Да, любезная, присядьте рядом.

— Уж лучше я постою, — смутилась Ортанс, — скамейка такая белая. А юбка то моя вся в саже.

— Ничего страшного, можешь присесть.

Кухарка неуклюже и с опаской села рядом с Марион. От нее шел резкий запах лука и чеснока, но графиня не стала обращать на это внимания и начала разговор:

— Я хотела порасспросить тебя про Аббо.

— Про Аббо Молчуна? — удивлённо воззрилась на нее Ортанс.

— Да, лекаря из деревни.

— А что именно?

— Ну, ходят слухи, будто он не только может лечить людей, а ещё и умеет колдовать.

— Вот уж правда, истина,- кухарка вдруг перешла на шепот, — колдун и есть.

— А почему ты так решила?

— Да как же иначе, если с ним всякие богомерзкие вещи происходят.

— Что же это?

— Иногда из его дома, ночью, зелёный свет пробивается, — сообщила Ортанс таинственным голосом и широко открывая глаза.

— А что это значит? — спросила графиня не менее загадочным голосом, подыгрывая суеверной служанке.

— Да как же! — воскликнула кухарка так громко, что с ближайших ветвей испуганно слетели птицы. — Только демоны способны излучать зелёный свет вокруг себя.

— Так он демон?

Служанка на мгновение поглядела на графиню взглядом, которым

учитель смотрит на бестолковую ученицу.

— Нет, сам Аббо не демон, — ответила Ортанс, растягивая слова, будто на самом деле вела урок, — он просто знается с нечистой силой. Она ему и помогает лечить людей.

— Мне всегда казалось, что нечистая сила только вредит людям, а исцеляют, напротив, добрые силы.

— Я говорю, то что знаю наверняка, — несколько раздражённо сказала Ортанс, — отчего взялось вообще это слово «врач»?

Марион пожала плечами.

— А взялось то оно всего навсего от слова «врать». А вранье, обман и заблуждение — это все от дьявола, прости Господи. Всем лекарям демоны помогают, точнее не скажешь.

Графиня слегка развеселилась от таких умозаключений необразованной кухарки.

— Ну а что ещё странного с ним происходит, кроме того, что он умеет излучать зелёный свет?

— Аббо часто ходит на мельницу старого Кристофа, — совсем уж зловеще прошептала служанка.

— К своему приятелю? — графиня изображала полное неведение.

— Ну, да, к приятелю, — иронично заметила Ортанс, — да только приятель этот лет сто, как помер, но временами все же поднимается из могилы, чтобы собрать нечисть и покуражиться над добрыми людьми.

— А зачем Аббо туда ходит?

— Известно зачем, чтобы сил дьявольских набраться. Да и золото от них получить.

Графиня пришла в замешательство от такой бессвязной и откровенной глупости. Потом кое-что вспомнила и спросила:

— Я что-то слышала про мельницу Кристофа. А нет ли там какого-нибудь колодца?

— А как же, есть,- ответила Ортанс, — здоровущий, выложенный из больших камней. Он старше Кристофа и до краёв напичкан злыми духами.

Марион, понимая, что дальнейшая беседа с кухаркой, может завести

ту в непроходимую чащу невозможных суеверий, попросила ее только об одном:

— Ортанс, голубушка, у меня к тебе будет дело: пригласи ко мне этого Аббо.

— Зачем, госпожа, вы заболели?

— Нет, но могу.

— Господи! — испуганно сказала кухарка и сочувственно взглянула на графиню.

— Хочу с ним посоветоваться.

— Хорошо, я сегодня же схожу в деревню и передам ему вашу просьбу. Но его надо чем-то задобрить, а то, боюсь, он не согласится.

— Не волнуйся, он получит от меня награду.

Ортанс тяжело поднялась со скамьи и, переваливаясь будто утка, из стороны в сторону, зашагала в замок, чтобы предупредить на кухне, что она собирается идти в деревню.

Продолжение следует...

Игорь Строков

Детектив Вивьен. Книга мефистьяров

1. Девушка со способностями

Детектив по магическим преступлениям Вивьен стоял над девушкой Алиной — не то свидетельницей убийства её подруг, не то подозреваемой. С этим Вивьен ещё не определился. Та сидела в кресле в милом домике, который можно было бы принять за таунхаус, не стой он посреди деревни в русской глубинке. Здесь он смотрелся чем-то чужеродным, зато внутри появлялось ощущение, что ты оказался чуть ближе к цивилизации.

— Где Вы были этой ночью? — спросил Вивьен.

Алина опустила глаза в пол и выдержала паузу.

— С подругами.

Вивьен видел, как она слегка дрожит, хоть и старается держать себя в руках. Лёгкое возмущение ауры и простой человеческий нервоз — нормальная картина, когда расспрашиваешь человека о гибели близких.

— Значит Вы знаете, что они погибли.

— Да.

— Как это произошло?

— Я не помню...

— Не помните, как видели смерть подруг? Это как?

— Не знаю... будто туман в голове...

— Вы пили?

— Немного.

— Все пили?

— Да.

— Что пили?

— Вино.

«Какие прекрасные односложные ответы. Мы так до утра провозимся», — подумал Вивьен.

— Вивьен, из тебя вышел бы отличный ведущий викторины в жанре «блиц», — ехидно прошептал незримый остальным человек слева. Для Вивьена же он выглядел как молодой темноволосый парень в чёрной рубашке.

— Пили немного, но в голове туман? — Вивьен проигнорировал шутку потустороннего спутника.

— Я даже не знаю... странно это как-то. Помню, как сидели. Вика книжку достала дурацкую, типа с магическими заклинаниями. Начали веселиться, свет погасили, свечу зажгли, читать стали по кругу. Потом туман, и всё. Я очнулась — а они мертвы.

На глаза Алины стали наворачиваться слёзы.

— И Вы решили, что лучшая идея — уйти с места происшествия?

— Я была растеряна. Вдруг полиция подумает, что это я? А я не хочу в тюрьму.

— И тем больше подозрений Вы на себя навлекли. Почему не позвонили Сергею?

— Я собиралась, просто... мне надо было прийти в себя.

— Прийти в себя? Алина Васильевна, перед Вами трупы Ваших подруг, а Вы просто уходите и оставляете их гнить?

— Мне было страшно! — Алина повысила тон. — Я не каждый день вижу мёртвых подруг! Я растерялась.

Вивьен присмотрелся ко внешнему виду Алины. Одета девушка просто и недорого, но привлекательно. Белая футболка подчёркивала фигуру Алины и вступала в приятный контраст с загаром. Джинсы дырявые и потёртые, причём, скорее всего, изначально они были целыми, но сейчас Алина сделала из этого, как говорится, «не баг, а фичу». Через дырку в джинсах проглядывала татуировка.

«Она следит за собой и старается выглядеть привлекательно. Но сейчас у неё волосы перепутаны и ни грамма косметики на лице», — мысленно отметил Вивьен.

— Ясно всё с Вами, — Вивьен вздохнул. — Вы знаете, что Вы маг?

— Маг?

— Маг. Ведьма. Волшебница. Не суть важно. Обычно магов обнаруживают ещё в детстве — таких мы называем раскрытыми магами. Заносят в реестр, отслеживают перемещения. В шестнадцать лет приходит дяденька магический полицейский и открывает молодому волшебнику магический мир — тогда маг становится инициированным, полноценной частью нашего общества. Но Вас мы упустили. Я, кстати, исправлю это, как только разберусь с делом. Так что скоро к Вам придут.

Алина растеряно посмотрела на Вивьена.

— Вы это серьёзно?

— Нет, это я такой анекдот вспомнил. Смешной, правда?

— Ну я замечала за собой некоторые особенности... странности даже.

— Какие?

— Бывает, посмотришь на какую-нибудь вещь, хочешь её взять, а она сама к тебе движется. Ну, чуть-чуть. С места сдвигается. Будто бы я телепат. Но чтобы прямо настоящий... маг? Типа как Гарри Поттер?

«Типа как Дэвид Копперфильд, блин. Что за сравнения? Так, надеюсь, она мысли не читает? А то некрасиво получится. Всё-таки нераскрытый маг, чёрт её знает, какие способности она ещё сама не осознаёт».

— И всё? Только вещи двигаются?

— А должно быть что-то ещё?

«Ненавижу все эти ликбезы, но что поделать».

Вивьен сел на стул напротив.

— Это телекинез, — стал объяснять он. — Базовая способность всех магов. Она, правда, обычно очень слабо проявляется. Но иногда она развивается сильнее и остаётся единственной способностью. Таких людей называют телекиньярами.

— И что, я... эм... телекиньяр?

— Сложно, судить, Алина. Твои магические способности невелики, — Вивьен наконец решил перейти на «ты».

— И как Вы это понимаете?

— Все маги вырабатывают магическую энергию. Она не знает границ, проходит через самые толстые стены. Но пока маг не применит её, он является центром её притяжения. Она сидит внутри тебя, но небольшая её часть периодически выходит за пределы твоего тела. Выходит — и тут же возвращается обратно. Так появляется свечение, своего рода аура. Свечение есть у всех, даже у самых слабых магов. Ты светишься еле-еле, а значит на мощную магию не способна... по крайней мере, без использования заклинаний. Так вот, энергия бывает тёмная, светлая и нейтральная. Тебе повезло, твоя энергия почти вся серого цвета.

— И Вы её видите?

— Я маг-сентьяр. Дело в том, что у нас нет своей энергии, но мы чувствительны к чужой. Мы способны буквально её видеть, использовать, а на небольших расстояниях даже притягивать к себе. Сентьяры — очень редкий вид магов. Нас обычно вербуют в качестве детективов, ведь мы буквально видим следы магических преступлений. И визуально определяем магов. С другой стороны, если рядом никто не применяет магию, мы бессильны.

— А мою внутреннюю энергию Вы использовать не можете?

— Пока она в тебе — нет. Собственную силу магического притяжения не преодолеть никому. Были слухи об энергетических вампирах, но это сказки. Зато когда ты колдуешь, энергия покидает твоё тело безвозвратно. Твоё тело очень быстро её компенсирует, вырабатывая новую. Можно сказать, если ты мощным заклинанием потратишь всю свою энергию, она восполнится за пару минут. У очень сильного мага — минут за десять. А использованная ещё пару суток будет висеть в воздухе, постепенно исчезая. Как это согласуется с законом сохранения энергии, правда, пока неизвестно.

— Так и что, Вы с шестнадцати лет магов-преступников ловите?

— Нет, с двадцати трёх. У сентьяров всё сложнее. Наши способности сложно оценить напрямую, так как они связаны немного с другими механизмами. Нам приставляют кураторов, те тайно следят за нами и различными способами подавляют способности. После восемнадцати обычно наступает момент, когда это подавление перестаёт действовать

— тогда-то мы и становимся полезными. К нам приходит дяденька полицейский, ну а дальше ты знаешь. В моём случае этот момент настал в двадцать три. У кого-то не настаёт и в сорок. В любом случае, к тридцати годам сентьяра инициируют, но если он так и не переборол подавление способностей, детективом ему не быть. Но хватит обо мне. Ну-ка, попробуй что-нибудь передвинуть.

— Что, сейчас?

— А ты предлагаешь мне до завтра подождать?

— Но я это не контролирую.

— Ты сказала, что вещи к тебе движутся, когда ты хочешь их взять. Разве это не контроль?

— Ну я попробую... ладно.

Алина пробежалась глазами по столу и остановила взгляд на полупустой чашке чая. Она раскрыла ладонь, и из неё поползли незримые серые нити энергии. Они обхватили чашку, протащили её по столу в сторону Алины примерно на сантиметр, после чего обмякли и отсоединились от руки своей хозяйки. Вивьен подумал, что ещё неизвестно, для кого этот процесс выглядит чудесней: для Алины, которой кажется, что чашка движется сама, или для Вивьена и прочих сентьяров, которые видят все эти ниточки и сгустки непостижимой для человека силы.

— Больше обычно не получается.

«Ну, сейчас устроим ей Дэвида Блейна. Хоть забавно будет, когда она шуганётся».

Вивьен протянул руку и сосредоточил взгляд на висящей в воздухе нити нейтральной энергии. Она двинулась к его ладони, растеклась по ней, и рука на миг резко вспыхнула голубым цветом с громким хлопком.

— Ой! — Алина подскочила на диване.

— Пироньярский фокус, — сказал Вивьен.

— Пи... пироньярский?

— Пироньяры — это маги, управляющие огнём.

— Но Вы же не пироньяр.

— Мы можем использовать любую магию, просто с неудобным ограничением в виде необходимой подпитки извне. Зато мы усиливаем

энергию.

— Это как?

— Не знаю. Просто количество энергии увеличивается по нашей воле. Что, опять же, несколько расходится с известными законами физики, но они и магию не подразумевают. Говорят, достаточно сильный сентьяр может разогнать энергию до десятикратного объёма. Я, наверное, могу до пятикратного примерно. Кстати, вся эта энергия после использования нами тут же растворяется. Но вопрос в том, что могла сделать ты. Ты читала заклинания вместе со всеми?

— Да. Но причём тут мой телекинез?

— Это была книга мефистьяров — так мы называем чёрных магов. И если ты читаешь заклинание, неважно, имеешь ли ты способность к этому типу магии. Заклинания направляют твою энергию в нужное русло. В данном случае — тёмную её часть. Если бы заклинания читал мефистьяр, эффект от них был бы мощнее при прочих равных, но даже если ты телекиньяр, можно натворить дел.

— Хотите сказать, я их убила?

— Я пока ничего не хочу сказать.

— Я сейчас придушу её, — вдруг сказал невидимый молодой человек слева от Вивьена.

— Кого ты там придушить хочешь, Абисс? — спросил он вслух.

— С кем Вы говорите? — растерялась Алина.

— Люцему, конечно, не девку же, — ответил Абисс Вивьену. — Она опять что-то хочет.

— С Вами всё в порядке? — спросила Алина.

— Подожди, — сказал Вивьен, — я говорю со своим чёртом.

— С Вашим чёртом?

«С моим чёртом. С чёртом. С моим. Господи, ненавижу все эти объяснялки».

— У каждого человека есть ангел и чёрт. Ну, ты, наверное, слышала: правое и левое плечо, все дела. Мы, сентьяры, способны видеть своих ангела и чёрта. Чужих, увы, не получается, они скрываются от нас, хотя такая способность очень помогла бы в нашей работе. Я могу выключать

восприятие тех или иных магических сущностей: энергии, чертей, ангелов, всяких существ. Мы называем это «выставить барьер». Только вот я так много имею дело с тёмной энергией, что мой чёрт ухитряется ей подпитываться, и преспокойно преодолевает барьер. У ангела такой возможности нет.

— Типа Ваш чёрт всасывает в себя тёмную энергию и становится сильнее, поэтому Вы не можете от него закрыться?

— Именно. Так что ангела я вижу, когда захочу сам, а чёрта — когда захочет он. Зато друг друга они видят постоянно. И когда моя ангелесса хочет со мной поговорить, ей приходится доставать Абисса, моего чёрта. А он очень раздражительный. Люцема!

«Зачем я крикнул её имя? Ах да, для театральности».

Вивьен убрал барьер, и перед ним появилась молодая девушка в воздушном белом платье с собранными в хвостик тёмными волосами. Крыльев, вопреки распространённому представлению, у ангела не имелось.

— Она слишком слабый маг! — выкрикнула заведённая Люцема. — Даже прочти она сильнейшее заклинание в мире — убьёт она им только если муху!

— Ты час назад говорила, что слабый маг в теории может устроить произошедшее.

— Но не настолько.

— А если на эмоциях?

— Я за века почти не встречала людей с такими сильными эмоциями.

— Ладно, возможно, ты и права, спасибо, я подумаю. Хотя не уверен в этом вопросе.

— В общем, если она читала закли...

— Спасибо, Люцема.

Вивьен выставил барьер, и Люцема исчезла на полуслове. Абисс, который не торопился исчезать, громогласно засмеялся.

— Какое заклинание ты читала? — спросил Вивьен.

— Не помню.

— Вспоминай. Если помутнение сознания вызвало заклинание, что-то

до эффекта должно остаться в памяти.

«Ну я так думаю. Всё-таки я в мефистьярской магии не эксперт».

— Да там же латынь! Или что это, я даже не знаю. Как бы я эту фигню запомнила?

— Откуда у Вики эта книга?

— Ей Данила Тарасов подарил.

— Это который у вас маг-пироньяр?

— Он маг? — на миг Алина задумалась. — Эй, стоп! Да это же всё он!

— С чего ты это взяла?

— Да он же сволочь последняя! Вот мы с Ксюшей его не любили, а он нас. Встречался с Леной, а потом, когда они расстались, всё крутился вокруг неё, убить грозился. Потом к Вике полез. Наверняка он специально эту книгу ей подарил! Заколдовал нас как-нибудь, с расчётом, чтобы я прочитала заклинание, или типа того. Ну, не знаю.

«Ну да, ну да, злодей совершенный. Но проверить его надо, конечно».

— Интересно, — сказал Вивьен. — Ладно, Алина, спасибо, ты свободна.

2. Неудачный день рождения

Подобные допросы для Вивьена были обыденным делом, но началось расследование куда экзотичнее и мрачнее. Часом ранее Вивьен курил сигарету и осматривался возле места преступления. Перед ним был старый одноэтажный деревянный домик у реки, вокруг – сплошной лес. Иными словами, далеко не самое уютное место для проведения девичника. Но для Вивьена это место становилось неуютным из-за несколько иной особенности: повсюду были следы тёмной энергии.

— Здесь точно применяли заклинание тёмной магии, — прошептал он и поправил свой чёрный пиджак, надетый поверх белой футболки и джинс. — Весьма сильное, причём.

— Идеальное место для самоубийства фанатиков, — послышалось слева. — Или ритуального убийства.

— Опять ты, Абисс, — несколько досадливо, но в целом безразлично

сказал Вивьен. — Пользуешься тем, что восприятие тебя я не могу отключить?

— Ты слишком много меня кормишь, — с улыбкой произнёс Абисс. — Но надо сказать, Люцема тоже не промах. Я насчитал уже четыре случая, когда она преодолела твой барьер.

— Три, — оспорил Абисса Вивьен. — Один раз я смог выставить барьер обратно. И знаешь, если честно, я бы лучше её послушал.

— Эту зануду? «Не убивай, Вивьен», «Начни улыбаться, Вивьен». Скучная дама.

Вивьен усмехнулся. В глубине души он очень хотел чаще слушать Люцему, вот только разум по большей части был на стороне Абисса.

— Я улыбаюсь.

— Только с помощью маски.

— Не только. Ты преувеличиваешь мою мрачность.

— Ну да, ещё когда язвишь.

— А что поделать? Работа такая.

На этих словах детектив бросил бычок на землю и поднял взгляд. Погода будто бы хотела поддержать нуарную атмосферу происходящего и поливала лицо Вивьена мелкой моросью из тяжёлого серого неба. Ещё раз оглядевшись, в этот раз он приметил мужчину лет тридцати пяти — тот фотографировал дом на мобильный. Одет он был хорошо, в не новые, но приличные фирменные вещи, со вкусом.

— Так, Абисс, сейчас не мешай, — попросил Вивьен и двинулся в сторону мужчины. Детектив сразу заметил, что ауры вокруг него не было, а значит, он человек, так что к инциденту отношения явно не имеет. Вот только магические расследования требовали отсутствия посторонних глаз.

Мужчина фотографировал усердно, с разных углов.

— Здравья желаю, — громко сказал Вивьен. — Вас здесь что-то интересует?

— А Вы из полиции? — спросил мужчина.

«Какой же дотошный, а. Пять секунд общаемся, а он уже меня бесит».

— Майор Думин, — представился Вивьен и показал фальшивую

«корочку». — Так что Вы здесь делаете?

— Деньги зарабатываю, — сказал мужчина и ещё раз сфотографировал дом. — Наша газета охотно денег заплатит за снимки такого происшествия. Ух, какой материал будет!

— За такие не заплатит, — ехидно прошипел Абисс. — Он горизонт заваливает.

— Так, а Вы-то откуда узнали про происшествие? Я так понимаю, СМИ ещё эту историю не осветили?

— Послушайте, товарищ майор, у нас в деревне с две сотни человек живёт, слухи разлетаются мгновенно. А СМИ наши под названием «Газета «Ласточка» осветят эту историю уже завтра, в очередном ежемесячном номере. И фотография там будет за моим авторством.

«Определённо, тщеславие — мой самый нелюбимый из грехов».

— Очень рад за Вас, гражданин, э-э...

— Леонид Котов, — фотограф протянул руку, и Вивьен её вяло пожал.

«Свали уже нахрен, мерзкий магл».

— Очень рад за Вас, гражданин Котов, но сейчас я попросил бы Вас покинуть место преступления.

— Да, конечно, товарищ майор. Извините.

Предприимчивый фотограф ушёл, и только он скрылся за деревьями, как Вивьен зашёл в дом. В старом аскетично обставленном деревянном жилище три мёртвых девушки лет восемнадцати на вид лежали в скорченных позах. В воздухе повсюду висели тёмные сгустки энергии, особенно много их было над девушками.

— Бабы вроде деревенские, а от городских и не отличишь, — сказал Абисс.

Две девушки были одеты в топики и шорты разного цвета, которые немного различались по фасону. Третья выделялась больше: на ней была чёрная кожаная одежда с металлическими шипами и цепи. На лицо она нанесла бледный тональный крем. Вся остальная косметика, включая помаду, была чёрной. Волосы её тоже были покрашены в чёрный, разве что синяя прядь выделялась на фоне всей этой черноты, да серебряное кольцо, которым была проколота губа.

— Позерша, — прокомментировал Абисс её внешний вид.

— Суицидом здесь и не пахнет, Абисс, — сказал Вивьен. Он сунул руку в один из энергетических «комьев», и тот стал вертеться: — Энергия тёмная, сгустки плотные, примерно до пяти-семи сантиметров в диаметре.

— Значит, магический импульс был сильным, — сказал Абисс.

— О, ты решил мне помочь в рассуждениях? Что-то новенькое. Да, даже слишком сильным. Это либо очень сильный маг, который плохо контролирует силы... — Вивьен задумался. — Либо неуравновешенный маг, который плохо контролирует эмоции.

— Либо маньяк, — добавил Абисс.

— Либо маньяк, — согласился Вивьен.

Детектив сел на корточки и стал осматривать тела жертв.

— Ну да, на суицид ничто не указывает. Ни порезов, ни следов удушья. Значит, убийца не вызывал у них помутнение рассудка, никак не контролировал, а убил напрямую.

— А иначе бы версия с маньяком выглядела весьма правдоподобной, — сказал Абисс.

— Её и так со счетов списывать не стоит, — Вивьен осматривал тела. — У всех обильные покраснения на коже. Либо они все были чем-то больны, либо это побочный эффект заклинания.

Магический детектив встал и внимательно осмотрелся. Его взгляд остановился на тоненькой чёрной книжке на столе.

— Я уж думал, не заметишь, — усмехнулся Абисс.

Вивьен взял книгу и стал листать.

— Заклинания чёрной магии. Cardiac prensionem, Miseriae... да их тут всего десять штук. Одно даже защитное, так что можно сказать, что девять. Кожные проявления могут вызвать три из них. Miseriae, Manibus de mortem, Victima.

— Я бы посмотрел, как ты с помощью Miseriae убьёшь трёх человек, — сказал Абисс.

— Это заклинание вызывает невыносимые физические страдания, — ответил Вивьен. — Смерть от болевого шока — это вполне возможно. Тем более, с такими бешеными выплесками энергии, как здесь.

— Возможно, но слишком сложно, — сказал Абисс. — Тогда исключай

вариант с эмоциями.

— Рано пока что-то исключать, все варианты равноценны. Интереснее другое: маг, скорее всего, был здесь. Иначе откуда книга?

— Одна из них была ведьмой, но не осознавала этого. Нашла книжку на полке, прочитала заклинание шутки ради, случайно убила подруг, и себя заодно, с таким-то выплеском энергии.

— Не знала, что ведьма, прочла заклинание в кругу — внимание — подруг, и получила такой сильный выплеск?

Вивьен внимательно присмотрелся к девушкам.

— Трупы ещё свежие. Если бы кто-то из них был магом, сохранилось бы остаточное свечение. Они все простые люди.

Вивьен уставился в пол и стал думать.

— Убийца был здесь. Кто-то из друзей? Или он был поодаль, а книгу подложил уже потом.

— Слушай, Люцема очень раздражает, — сказал Абисс. — Она из кожи вон лезет, хочет тебе что-то сказать. Убери уже барьер, а то я устал от её нытья.

Вивьен мысленно убрал барьер, и перед ним появилась ангелесса.

— Вивьен, если среди них была очень слабая волшебница, то энергия уже исчезла бы!

— Мне кажется, что мы уже обсудили слабость этих заклинаний и необходимость большого количества энергии.

— А если они очень сильно поссорились? — настаивала Люцема. — Или проблемы дома? Или всё вместе? Ты знаешь, как эмоциональны молодые девушки?

Вивьен вопросительно посмотрел на Абисса.

— Вряд ли, — Абисс хмыкнул. — Но мало ли. Чем мы, черти, не шутим? — Абисс улыбнулся идеально ровными жёлтыми зубами.

— Оставим эту версию как запасную, — сдался детектив. — Но пока предполагаем, что волшебниц среди них нет.

Вивьен достал из кармана нож и положил в руку одной из девушек. Ловко подцепил один из сгустков тёмной энергии.

— Как же я не люблю вами пользоваться, — со вздохом сказал Вивьен, глядя на энергию. — Всю душу мне уже выжгли. Но такова доля сентьяра.

Энергия растеклась по руке детектива, после чего вышла из неё в удвоенном количестве. Чёрное магическое облако закрутилось над жертвами. Покраснения на коже исчезли, на венах проступили кровоточащие порезы, кровь мгновенно стала растекаться и сворачиваться. Нож покрылся кровью всех трёх девушек, а незримые человеческому глазу отпечатки пальцев Вивьена превратились в отпечатки жертв.

— Сколько самоубийств в этом мире на самом деле было магическими убийствами, — вздохнул Вивьен. — Пошли, ребята, наведаемся к свидетелю.

Сергей Ерохин, крепкий полуседой мужчина лет пятидесяти на вид, в обществе магов носивший имя Серго, жил в солидном двухэтажном кирпичном доме. Мебель была не сказать, что совсем дорогая, но вполне приличная.

— Так Вы владеете обоими домами? — спросил Вивьен.

— Да, — ответил Серго. — У меня сын бизнесом в городе занялся, поднялся хорошо. Раньше я в той халупе жил, а сейчас он во какой дом мне отстроил. Переехал я сюда, а тот дом уже год в качестве сарая использую.

— Наиболее подходящее применение, — усмехнулся «вездесущий» Абисс. От Люцемы же Вивьен закрылся сразу, как только она перестала фонтанировать сколько бы то ни было адекватными идеями.

— И три молодые девушки спросили у Вас разрешения провести там девичник?

— Так точно. День рождения, на самом деле. Одна из них, Вика — дочь моего хорошего друга... была.

Ерохин тяжело вздохнул.

Вивьен обратил внимание на свечение Сергея. Чёрные, белые и серые лучи энергии выступали из его тела сантиметра на три.

«Этот мужик как гирлянда. Может и пятерых слабеньким заклинанием прихлопнуть».

— Вы обильно светитесь, — сказал Вивьен. — Это значит, Вы достаточно

сильный маг. Кто по типу?

— Телекиньяр.

— Ну я так и подумал. Хотите сказать, что Вы впустили трёх девиц в свой старый дом поразвлекаться там с мефистьярскими заклинаниями?

— Что? — Ерохин выпучил глаза на Вивьена.

— Книга с заклинаниями лежала там на столе, — Вивьен достал из сумки книгу и показал Сергею. — Ваша?

— Нет, я таким не увлекаюсь! Вы что? Да и вообще, они все обычные люди.

— Да, я заметил. Расскажете о девочках поподробней?

— Конечно, какие вопросы? Вика Емелина — дочь моего друга, она попросила меня дать им остаться в этом доме на ночь. Ей было семнадцать, она хорошая девочка, отличница. Несмотря на то, в какую компанию попала...

«Отличница и две плохие девочки веселятся в старом деревенском доме. Отличное название для видеоролика, кхм».

— Что, всё плохо?

— Да подружки у неё не очень. Именинница — Лена Остапова. Самая старшая из их компашки, ей восемнадцать исполнилось. Склочная девка, воровка и распутница. Встречалась с таким же отбитым на голову пацаном, Данилой Тарасовым. Он пироньяр, кстати.

— Молодой?

— Ровесник девочек. Уже инициированный.

Вивьен напрягся.

«Отбитый, по словам Серго, маг в пубертате, встречавшийся с ветренной покойной — это однозначно новый подозреваемый».

— И что, серьёзные отношения были? — спросил детектив.

— Да какой там! Неделю они встречались, пока она не изменила ему. Вроде, в городе у родни была. Он как-то прознал и бросил её.

«М-м, подростковые муки любви. Ничего необычного».

— Хорошо, а другая?

— Ксюша Сорокина, семнадцать лет. Её некоторые местные дурачки ведьмой считают, хотя она никак не проявляла себя магически. Ну такая девка, потусторонняя. Из города приехала. Носила всё чёрное, бледная девчонка, с пирсингом. Мрачная как смерть, истеричная донельзя, вены резала. Поговаривают, что она из этих... ну, как у них, городских, бывает... нетрадиционных. Мол, Алину Третьякову любит.

«Наверное, ещё и металл слушает. Музыка дьявола!»

— Алина Третьякова? А это кто такая?

— Четвёртая их подружка, одноклассница.

— Но в доме только три трупа.

— Вы правы. Вика, Ксюша и Лена.

— Алина была с ними?

— Я не знаю, не спрашивал.

— Она маг?

— Да нет, вроде бы. Я у нас из магов только Тарасова и знаю.

Вивьен на несколько секунд задумался.

«Два мага на двести человек? Вполне возможно. Нераскрытые маги в такой деревне? Тоже может быть. О новых магах обычно сообщают инициированные, но если их всего двое, и то, один из них отморозок — упустить других легко».

— Итак, Вы дали Вике ключи, разрешили им остаться на ночь.

— Да.

— А утром пошли в дом, где должны были спать три молодые девушки?

— Десять часов — это уже день. Я звонил Вике пять раз, никто трубку не брал. Они обещали до девяти утра уйти. Ну, я и решил проверить, всё ли с ними нормально. Наткнулся на... — голос Сергея задрожал. — Господи. На них наткнулся и сразу связался с вами.

«Вроде бы всё искренне».

— У Вас есть жильё в магическом измерении?

— Нет.

— Хорошо. Дадите адрес этой Третьяковой?

— Я не знаю её адрес, но у меня есть её номер телефона. Могу позвать Алину сюда.

— Если Вас не затруднит.

Ерохин позвонил Алине и пригласил на разговор. Он не сказал, что её ждёт детектив, так что когда девушка зашла в дом, она оказалась в некотором замешательстве.

Первое, на что обратил внимание Вивьен, только она оказалась на пороге — слабое свечение вокруг Третьяковой. А потом — на небогатую одежду, тем не менее, подобранную со вкусом, но при этом некоторую потрёпанность.

— Здравствуйте, Алина, как Вас по отчеству? — сказал Вивьен.

— Васильевна.

— Сергей, кажется, Вы ошиблись насчёт способностей Алины Васильевны. Но ничего, это бывает.

— Что происходит? — Алина растеряно забегала глазами по Вивьену и Сергею. — Какие ещё способности? Кто Вы?

— Детектив Вивьен Фетисов, но для обычных людей — майор Виктор Думин. Это так, для информации. Вы-то человек необычный.

— Для обычных людей? Необычный человек?

— Сергей, Вы не могли бы нас оставить?

— Да, конечно, — Ерохин отправился на второй этаж.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказал Вивьен своей собеседнице.

Алина робко прошла к креслу Сергея и села. Вивьен встал так, чтобы психологически доминировать над нераскрытой волшебницей, но не давить на неё. Начался допрос, плавно перешедший в брифинг по магии. Когда Вивьен закончил, Алина тут же распрощалась и спешно ушла, а детектив ещё некоторое время сидел в размышлениях.

— Серго! — крикнул он наконец.

Сергей спустился по лестнице.

— Она была в хороших отношениях с погибшими?

— Не то слово! Они все с детства дружат... дружили. Ну, кроме Сорокиной, та не так давно переехала к бабке с дедом из города. Но и с

ней они хорошо общались.

— Понятно, — Вивьен встал и пожал руку Сергею. — Спасибо за сотрудничество.

— Вы это, заходите там, звоните, если что.

«Прямо как в мультике».

— Безусловно. Знаете адрес Данилы Тарасова?

— Нет, но этого парня каждая собака в деревне знает.

— Прекрасно. Тогда я справлюсь, спасибо.

«Я же, блин, доктор Дулиттл».

Вивьен покинул дом Ерохина и отправился на поиски Данилы Тарасова — пироньяра, на которого все так косо смотрят.

3. Хулиган и служитель культа

Маги часто становятся преступниками. По сути, магов от людей отличает лишь наличие магической энергии и загадочных внутренних механизмов, позволяющих ей управлять. В случае сентьяров — только механизмов, зато усиленных.

Из всего, что на данный момент Вивьен знал о Даниле Тарасове, следовало, что этот парень был где-то на рубеже между трудным подростком и серьёзным преступником. Возможно, живи он в городе — уже набрал бы багаж серьёзных уголовных преступлений. А возможно, это просто импульсивный характер и стиль жизни, и со временем Данила остепенится. Если, конечно, не окажется в магической тюрьме. Или в человеческой.

Вивьен топтался через дорогу от полицейского участка, где, как ему сказали, Данила отбывал административный арест. Его посадили на трое суток, и, вот удача, закончиться они должны были сегодня.

Когда лысый молодой парень в кожанке и со шрамами на лице вышел из участка, Вивьен быстро пошёл ему на встречу. Хотя его больше выдало блеклое свечение с большой амплитудой — оно будто бушевало. А это типичная картина для пироньяров.

— Данила Тарасов?

— Чё те нужно, дядь? — Данила равнодушно продолжал идти.

— Вивьен Фетисов, магическая полиция.

Тарасов тут же остановился и выжидающе посмотрел на детектива.

— Грабишь людей с помощью магии огня? Жечь двери — это всё, конечно, креативно, но не боишься в следующий раз кого-нибудь так случайно убить?

Тарасов смерил Вивьена взглядом.

— Что, сентьяров уже с нравоучениями присылать стали? — спросил Данила.

«Посмотрим, как он запоёт, когда за ним придут за непреднамеренное убийство. Или намеренное».

— Да ты остряк, я смотрю.

— Дядь, не парь мозги уже. Чё хочешь?

— Пойдём отойдём, а то местечко не лучшее для разговора.

Вивьен отвёл Данилу в сторону деревьев и стал говорить максимально дружелюбно, но держась на расстоянии вытянутой руки, чтобы успеть схватить молодого бандита, если тот даст дёру.

— Ты что-нибудь слышал о таинственной гибели трёх девушек этой ночью?

По взгляду Данилы Вивьен заметил, что тот слегка напрягся, но пытался это скрыть.

— Да. Вика и её подруги погибли.

— Ты делаешь акцент на Вике.

— А чё, с этим какие-то проблемы?

— Я слышал, ты встречался с Леной Остаповой.

Данила шмыгнул носом и сплюнул.

— Плевать я на эту тварь хотел.

«Не хватает только на её могиле сплясать. У парня вообще, что ли, нет сочувствия и эмпатии?»

— Ты что-нибудь слышал о заклинании Servus?

— Нет, а должен был?

— Оно позволяет контролировать людей. У них мутнеет рассудок, и они полностью подчиняются колдующему.

— К чему Вы клоните?

— Ты подарил Виктории книгу с чёрной магией.

— Я же не дебил. Она не маг.

— Зато Алина Третьякова — маг.

Данила приподнял бровь.

— Да ладно?

«Кажется, он и правда удивлён».

— То есть твоя книга была просто подарком? И ты не контролировал Алину?

— Короче, я знаю, что мои слова для Вас — чушня и порожняк, отнекиваться смысла нет. Скажу так: Вику я любил, а Лену ненавидел не так сильно, как Вы рисуете, ясно? И даже если бы я хотел её грохнуть, убивать заодно и Вику я бы не стал. Я бы просто схватил эту мразь за волосы, отвёл бы в лес и сжёг бы к чертям.

«Жалко, людей нельзя сажать в тюрьму в качестве превентивной меры».

— И сразу попался бы нам, будучи единственным пироньяром в деревне.

— А я чё, похож на человека, который думает о последствиях?

Вивьен на миг ухмыльнулся и промолчал.

«Ты похож на кретина. О последствиях он не думает, отморозок».

— Ещё вопросы, детектив?

— Нет, ты свободен. Спасибо.

Данила напоследок харкнул, шмыгнул носом и ушёл уверенной походкой. Сейчас, когда Вивьен наконец смог удачно закрыться от Абисса, ему меньше всего хотелось убирать барьер, но ему была нужна помощь. По бокам от Вивьена появились чёрт и ангел.

— Консилиум. Врёт, не врёт?

— Кажется, он и правда её очень любил, — сказала Люцема. — Не

хочет выглядеть слабым, потому и скрывает свою скорбь.

«Люцема — романтик».

— Либо очень неумело эту скорбь изображает, — парировал Абисс. — Хватай пацана, а следователь разберётся.

«Абисс — прагматик».

— Мы так не работаем, — ответил Вивьен.

— И что будешь делать? — спросила Люцема.

— С утра ничего не ел, — ответил Вивьен.

— Что, пойдёшь в магическое измерение?

— Искать энергию — скорее всего, тёмную — чтобы создать портал до нашей убогой столовой? Нет, спасибо. Слишком большая цена за суп и овсянку. А больше поблизости там ничего приличного нет. До Ерохина за энергией идти далеко, помру с голоду по пути. Видел здесь кафешку.

В маленьком на две трети пустом заведении пахло шашлыком и пивом — слово «кафешка» подходило слабо. Вивьен заказал тарелку шашлыка (ну как устоять перед этим запахом?) и бокал безалкогольного пива.

— Выпил бы нормального, — Абисс ухмылялся на стуле слева от Вивьена.

— Я на работе, — беззвучно ответил губами детектив.

У Вивьена зазвонил телефон — на экране высветилось имя «Лёха» и довольное ухмыляющееся лицо с излишками веса и щетины. Вивьен отключил звук.

— Чёрт, опять мне придётся актёрскую игру включать.

— Да ладно, у тебя неплохо получается изображать нормального. Давай, возьми трубку. Мне нравится, когда ты с ним общаешься. Из-за этого тебе приходится носить маску, — Абисс хитро улыбнулся.

— Сволочь ты, — прошептал Вивьен.

— Я чёрт, мне положено.

Вивьен взял трубку и невольно изобразил фальшивую улыбку.

— Бро, йоу, как сам? — весело сказал он. — Да я потихоньку, работаю вот, да. Да, нормуль, у станка, как всегда. Ага. Пересечься? Чувак, давай попозже, мож завтра. Да, дел по горло, братан. Окей, на созвоне. Давай,

удачки, приобнял!

Вивьен положил трубку и тут же помрачнел. Глотнул пива и посмотрел на довольного Абисса.

— Чему радуешься?

— Тому, что твоя двойная жизнь доставляет тебе столько дискомфорта.

— Если ты так радуешься моим поражениям, зачем ты иногда помогаешь мне?

— Я делаю то, что мне интересно. Это и отличает меня от Люцемы. Кстати, как ты себя чувствуешь от всепроникающей тьмы? Всегда было интересно, как происходят эти изменения. Вот ты беззаботный весельчак, но от взаимодействия с тёмной энергией постепенно мрачнеешь. Тебе нужно изобразить былое поведение — что ты в этот момент чувствуешь?

— Глупо я себя чувствую, — прошептал Вивьен и сделал ещё один глоток. — Просто меня всё бесит. И если мы с тобой сейчас продолжим общаться, меня примут за психа. Вот тогда я буду очень глупо себя чувствовать.

Сентьяр невольно окинул помещение взглядом — дело привычки — и заметил на другом конце зала уже знакомого фотографа Леонида Котова, который что-то печатал на ноутбуке. Тот будто почувствовал взгляд Вивьена, и их глаза встретились. Котов улыбнулся и приветственно поднял руку. Вивьен — не большой любитель общаться с магами, а вот к разговорам с обычными людьми относился спокойней. А тут детектива подстегнуло ещё и любопытство, и он прямо с тарелкой и кружкой направился к столику Леонида.

— Здравствуйте ещё раз, — сказал Вивьен и сел напротив. — Не возражаете?

— Конечно, — ответил Леонид и уставился в ноутбук.

— Говорите, статья будет в завтрашнем номере?

— Именно так.

— То есть кто-то из журналистов газеты уже успел заинтересоваться этим материалом до того, как Вы отправились фотографировать место преступления?

— Да. Я.

— Я думал, Вы фотограф.

— У нас не такое большое издание, чтобы держать в штате фотографов. Сами всё делаем, — Котов фальшиво вздохнул.

«Как будто денег просит прям».

— И что, пишете сейчас статью?

— Да. Надо управиться в час. К вечеру газета будет уже в типографии — особый случай, знаете ли. Так что всё делаем в последний момент.

— И какова Ваша версия?

— Сложно судить, меня же внутри не было, я только дом фотографировал. Сунуться туда не решился, а то потом проблем не оберёшься. Ну, я брал интервью у владельца дома — говорит, что самоубийство. Однако вариант, что он убил девочек, я тоже не отвергаю. В нашем деле, как и в Вашем, надо оставаться беспристрастным.

— Что верно, то верно. Про обе версии пишете?

— Ну, ещё про третью. У нас тут народ набожный и не очень прогрессивный, всюду демонов всяких приписывают. Надо и для них же что-то написать, так что по третьей версии их принесли в жертву сатанисты.

— Сатанисты? У Вас всерьёз в такое верят?

«И правильно делают. У мефистьяров каких только тараканов не бывает».

— Ну, смотря кто. Я — нет. Бабки — да. А кто газеты выписывает?

— Не молодёжь точно, если у них здесь есть Интернет.

— Вот именно. Так что, увы, призвание искать правду — это одно, а желание поесть — другое. Вон, когда у нас тут целая семья сгорела, все сатанистов стали винить. И «левого» нашли.

— Сгорела семья? А можно поподробней?

— Конечно, только как это Вам поможет? — Леонид закрыл ноутбук. — В том году сгорел дом со всеми его жителями. Не помню фамилию семьи, уж извините. Говорят, сатанист их сжёг. Есть у нас такой странный мужик, Олег Емелин.

— Емелин? Он не родственник Виктории Емелиной?

— Какой Виктории?

— Это одна из жертв. Вы не знаете?

— Нет, я не знаю имён жертв. И о Виктории впервые слышу. Но я и не лез особо никогда в личную жизнь Емелина. Может, и родня, а может, нет.

— Хорошо, продолжайте.

— Ну так вот. Странный он мужик. В чёрном всё время, ходил на какие-то собрания с такими же странными людьми. В общем, в сатанисты его записали. Ну и в сожжении того дома местные бабки Емелина обвинили. Говорят, зелёный дым над домом стоял.

— Зелёный дым? — сказал вдруг Абисс. — Это интересно.

— Спасибо, очень занимательная история, — Вивьен подскочил и тут же вышел из кафе.

Он быстро шёл в сторону старого дома Серго — туда, где ещё должна была остаться магическая энергия. Конечно, он мог бы воспользоваться магией Ерохина, но тот злосчастный дом был намного ближе, да и сам Ерохин стремительно терял доверие детектива. Абисс шёл слева от Вивьена и не отставал, а когда детектив убрал барьер, появилась и Люцема.

— Мне нужны ваши потусторонние мозги. Особенно твои, Люцема.

— Всегда готова помочь, Вивьен.

— Это я знаю. Почему Ерохин не сказал про этого Емелина?

— Потому что не знал, — ответила Люцема.

— Ерохин говорил, что Вика Емелина — дочь его друга.

— Они могут быть однофамильцами.

— Маловероятно, с таким-то населением. Да даже если и так — о нём слухи ходят. Что-то, да должен знать.

— Да не маг он, дьяволе, — сказал Абисс. — Эти старые маразматички кого угодно окрестят хоть сатанистом, хоть наркоманом.

— Возможно, — ответил Вивьен. — Но, как показывает практика, слухи обычно не на пустом месте появляются. Возможно, у нас есть мефистьяр. И Ерохин, скорее всего, с ним дружит.

— Думаешь, они в сговоре? — спросила Люцема.

— Предполагаю. И телекиньяры порой присоединяются к мефистьярским культам.

На месте преступления уже всё было оцеплено. Стояли полицейские машины, двери были открыты. Слышалась чья-то речь. На улице энергия уже успела исчезнуть, так что Вивьен протянул руку в сторону дома, и прямо из стены поползла струйка тёмной энергии. Она пропитала руку Вивьена, а после вышла из пальцев в удвоенном количестве и растянулась в круг два метра диаметром.

«Абракадабра, алаказам! Так, или Алаказам — это уже покемон?»

Круг потемнел, и перед Вивьеном открылась плоская чёрная бездна, пронзившая воздух посреди деревни. Он сделал шаг внутрь, и через мгновение она схлопнулась, не оставив ни следа ни от себя, ни от Вивьена, ни от его вечных спутников.

В доме номер четырнадцать по улице Мерцающих Тайн, что в городе Волшеграде, стоял одинокий дверной косяк прямо в стене, без проёма. Внутри него, как и снаружи, были поклеены узорчатые обои, и обычный человек подумал бы, что владелец этого дома не в себе. Но в магическом измерении не всё так просто: в проёме вместо стены появилась чёрная бездна, и детектив Вивьен, только что находившийся где-то в русской глубинке, сделал из неё шаг, прежде чем она закрылась.

Это частное одноэтажное жилое здание использовалось Вивьеном как офис. Детективы-сентьяры работают на Магическое Правительство, но их так мало, и они настолько ценятся, что получают в распоряжение вот такие личные рабочие пространства. Технически, они могут в них жить — здесь есть и санузел, и спальня, и кухня — но Вивьен предпочитал свою старую человеческую квартиру, даже в холодильнике у него хранились только контейнеры с едой из дома и пара газировок. А вот работать приходилось здесь, поэтому и портал в виде дверного косяка он расположил в кабинете. Обставлен офис был аскетично: большой деревянный стол со стопкой бумаг, средней свежести компьютером, принтером и старым стационарным телефоном да пара шкафов. Вивьен сел в недорогое офисное кресло и включил компьютер.

— Думаешь, твой мефистьяр отсутствует в базах? — спросил Абисс.

— Всё возможно. Девчонка-то тоже не раскрылась. В этой деревне мало магов, некому сообщать о появлении новых.

Компьютер загрузился, и Вивьен залез в базу данных по магам. В

деревне числились телекиньяр Сергей (Серго) Ерохин, пироньяр Данила (Дайн) Тарасов и мефистьяр Олег (Ольен) Емелин.

— Нет, он в базе, — Вивьен задумчиво вздохнул. — Ольен Емелин.

— И что ты тогда сидишь? — спросил Абисс. — У тебя теперь есть его адрес.

Вивьен молча встал и подошёл к порталу. Он прикоснулся рукой к косяку, и заточённая в артефакте магическая энергия, запрограммированная заклинанием телепортации, подчинилась его мысли и создала портал прямо к дому чёрного мага. Это был старый двухэтажный дом с небольшой грядкой на скромной территории. Вивьен постучал в дверь. Открыл мужчина лет пятидесяти: его глаза были красными и отдалёнными, а вокруг светилась тёмная энергия, слегка разбавленная нейтральной.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Добрый день. Олег Емелин?

— А Вы кто?

— Детектив Вивьен Фетисов, расследую магическое преступление. Разрешите?

Олег смерил Вивьена взглядом и на миг завис.

— Да. Конечно, да.

Олег вошёл в дом, Вивьен — вслед за ним. Жильё было обставлено старомодно, по-советски. Вивьен подметил, что магической энергии вокруг нет.

«Даже консервативные маги нет-нет, да используют свои способности в быту. Взять что-нибудь из другого конца комнаты с помощью телепатии, например — лень никто не отменял. Но этот, кажется, не обращается к ней вообще».

— Абисс, как тебе? Чистота.

— Не пользуется магией в быту? — с удивлением спросил Абисс. — Впервые такое вижу.

«Либо он делает это так редко, что она успевает раствориться».

— Абисс — это Ваш чёрт? — спросил Емелин.

— Да.

— Слава Мефистофелю, я своего не слышу. А то бы совсем с ума сошёл.

Емелин плюхнулся на диван.

— Нормальные люди говорят «Слава Богу», — сказал Вивьен. — Но Вы не совсем нормальный человек, правда?

— Абсолютно нормальный мефистьяр.

— Не все мефистьяры служат Мефистофелю.

— Детектив Вивьен, Вам же не надо объяснять, от какого слова произошло слово «мефистьяр»?

— Давайте не будем играть в лингвистику, Ольен. Средневековые инквизиторы жгли телекиньярш на кострах. И подобные предубеждения царили не только среди людей, но и среди магов. Люди боялись магов, а маги — мефистьяров, отсюда и слово. Внутри Вас просто много тёмной энергии, вот и всё.

— Я всегда был хреновым человеком.

— И это объясняется Вашей тёмной энергией. Знаете, на какие собрания ходят нормальные мефистьяры? Не на сатанинские шабаши, а на курсы управления гневом. На собрания анонимных алкоголиков, потому что давят свои тёмные позывы и депрессию водкой. Я контактирую с тёмной энергией регулярно, но изо всех сил стараюсь остаться человеком.

— И носите для этого маску.

«Так. Разговор пошёл куда-то не туда. Но... это он сейчас просто предположение озвучил? Или откуда он это вообще взял?»

— Как Вы это поняли?

— По Вашим глазам. Маска — артефакт занимательный, пытался её носить. Тянет наружу всё твоё светлое естество. Вот только она его забирает. Навсегда. И чем дольше Вы носите эту маску, тем хуже становитесь. Она сожрала меня окончательно. И Вас сожрёт.

«Какой проницательный дядька, читает мой внутренний мир по глазам».

— Я здесь не для того, чтобы говорить о себе. Сейчас я без маски, и вежливой улыбки Вы от меня не дождётесь. Вас обвиняют в сожжении целой семьи.

— Да, это так. Я виновен.

— Вы это признаёте? Вот так легко?

— Да. Я не горжусь содеянным.

— Почему же не сдались раньше?

— Потому что не хочу в тюрьму.

— И что же Вами руководило, раз Вы раскаиваетесь?

— Вера. Мефистофель — наше спасение. Он жесток, но справедлив. И он должен нами править. Но... но я по-прежнему человек. Моя эмпатия — моя слабость.

«И яств морских искушать, и...»

— Вы запутались, Ольен.

— Возможно, это так. Я вообще всю жизнь православным был. Молился, в церковь ходил. Знаете, что ваш Бог сделал в ответ?

«Чей «наш»-то?»

— Почему мой? Я в большей степени агностик.

— Неважно. Плевать Бог хотел на мои молитвы. У меня лучший друг погиб в аварии. Отец умер в сорок один, мать — в тридцать восемь. А два года назад младший брат погиб на больничной койке. В муках. Ему было сорок два, он прожил всего на год больше отца. Я молился, ой как молился. Но Богу было плевать. И тогда я понял: я мефистьяр, неугодное Господу мерзкое скопление тьмы, — всё лицо Олега напряглось, брови нахмурились, изо рта летела слюна. — Бог ненавидит меня, иначе не сделал бы мефистьяром! А раз так, то мне ничего не осталось, кроме как пойти к Мефистофелю.

«Кажется, он сейчас заплачет. А это уже значит, что он лучше, чем думает сам».

— Я соболезную Вашим утратам, но это не повод сходить с ума.

— Я не сошёл с ума, детектив, я прозрел, — Емелин успокоился, его голос стал твёрдым. — Я пришёл к церкви Мефистофеля, обрёл братьев. Нашёл ответы. Год с лишним набирался смелости совершить первую жертву. К семье Третьяковых лично ничего не испытывал, я их даже не знал толком. Потому и выбрал их. Как-то уж много знакомых и друзей за жизнь завёл, а с этими не сложилось.

«Третьяковы... Алина Третьякова...»

— Стоп, Третьяковых?

— Да, а что?

— Да так... продолжайте.

— Да что продолжать?

— Как Вы убили их?

— Donum-Pulvis. Это традиционная связка при мефистьярском жертвоприношении. Donum — обряд ритуального убийства. Pulvis — ритуальное сожжение трупов вместе с их имуществом. Мне правда очень погано от содеянного. Честно, даже самому хочется в тюрьму... уже. Особенно теперь, когда Вики нет...

— Как раз хотел это с Вами обсудить. Имеете ли Вы отношение ко вчерашнему инциденту в доме Сергея Ерохина?

— Там была моя дочь!

— И что?

— Я мефистьяр, но не скотина! Я бы никогда не навредил Вике... так, — на глаза Ольена навернулись слёзы. — Я даже думал, что это Серго. Мы с ним в последнее время были в ссоре...

«Он сказал «так»? То есть иными способами он ей всё-таки вредил. Ну да, с его-то эмоциональностью. Эй, интересная книжечка».

— Ольен, у Вас на столе лежит «Бытие Жака Фуртье».

Олег покосился на чёрную книгу на столе.

— Откуда она? — спросил Олег и выпучил глаза. — Это не моё.

«Ну да, ну да, библиотекарь подкинул».

— Жак Фуртье — легендарный мефистьяр, который принёс в жертву своего сына. Что самое интересное, эта книга на две трети состоит из оправданий его жуткого поступка. Автор его даже хвалит, мол, нет лучше жертвы, чем собственный ребёнок. Пытались успокоить совесть?

— Клянусь, это не моё.

— Чьё же тогда?

Олег на секунду задумался, и вдруг выпучил глаза, будто от внезапного

осознания чего-то ужасного.

— Тарасов, — сказал он. — Тарасов, мелкая скотина. Дайн заходил этим утром, соболезновал мне. Я его даже чаем поил. А он, видимо, подкинул книгу, хотел свалить всё на меня. Это он убил мою дочь. Я прикончу эту мразь!

Ольен вскочил с дивана.

— Сядьте, Ольен. Я выясню правду, и обещаю Вам, что убийца Вики сядет в тюрьму.

Олег выдохнул и сел на диван.

— Я попрошу Вас воспользоваться магией, — сказал Вивьен.

Емелин вздохнул, опустил глаза и потянулся к пачке сигарет и зажигалке, которые лежали на шкафу. Из руки вышла серая струя нейтральной энергии. Она обволокла сигареты с зажигалкой и доставила их прямиком в руку мефистьяра. Он закурил, а магическая энергия покинула тело Олега. Вивьен подхватил энергию одним пальцем, разделил её на две части и пропустил половину через своё тело. Уже через долю секунды из руки детектива вышел поток энергии и сплёлся в полупрозрачный кокон вокруг мефистьяра.

— Спасибо за сотрудничество, Ольен. Скоро за Вами придут.

Вивьен встал и подхватил со стола книгу о знаменитом мефистьяре, положил её в сумку. Детектив впитал оставшуюся энергию и создал портал в свой офис. Уже через минуту он диктовал адрес Емелина по старому стационарному телефону.

— Он в коконе. В ритуальном убийстве сознаётся и раскаивается. Спасибо, лейтенант, всего доброго.

Вивьен положил трубку. За окном уже было темно. Стоило лечь спать, но перед глазами детектива всё стоял отчаянный Емелин. Где-то полчаса он сидел в кресле и смотрел в окно на город магов, который спит ещё меньше, чем Москва, закрывшись удачным барьером от Абисса. Потом детектив наконец встал.

«Никогда этого не делал, но вдруг получится?»

Вивьен сосредоточился на барьере и мысленно оттолкнул от себя Абисса. Когда Вивьен выставлял барьер, он всегда закрывался от потусторонних существ как таковых, воспринимая Абисса и Люцему как

нечто единое. Теперь же он мысленно разделил их, полностью закрылся от чёрта и дал появиться ангелу.

— Вивьен! — воскликнула Люцема. — Ты что, открыл барьер для одной меня?

— Закрылся от одного Абисса. Мне нужен психолог.

— Психолог?

— Этот мефистьяр... он, вроде, и ужасные вещи делает, но как бы и рефлексирует... так сильно, что я ему позавидовал. Он ведь прав, Люцема. Маска меня выжигает. Как и тёмная энергия, с которой я контактирую. Последние пару лет я — это не я совсем. Я ведь сволочь. Не меньшая, чем Емелин. Да, я не жгу людей, но... — Вивьен замолчал.

— Ты не сволочь, Вивьен. Ты делаешь этот мир лучше и жертвуешь ради этого своей душой. Психикой, если тебе так угодно. Это называется «героизм». А маска... не носи её, вот и всё.

— Легко сказать. Люцема, Виктора Фетисова из Москвы давно нет. Он умирал, долго умирал, и уже минимум год как мёртв. Остался только сентьяр Вивьен, вот только мои близкие этого не знают.

— Откройся им.

— Ты знаешь, что тогда будет им по закону Магического Мира.

— Ничего плохого.

— Ничего хорошего.

— Просто их жизнь изменится.

— Навсегда. Я не стану решать такие вещи за них. А иначе никак не открыться.

— Тогда у меня нет правильного ответа, Вивьен. Артефакта, который сделает тебя лучше, я не знаю. А от того, который делает тебя хуже, ты волен отказаться.

Вивьен издал грустный смешок.

— И от работы сентьяра ты волен отказаться, — внезапно добавила Люцема.

— Ты серьёзно?

— А что не так?

— Я посвятил ей всего себя.

— Вивьен, ты был весёлым и добрым парнем. Ты рот раскрыл от восторга, когда впервые увидел магию, а когда узнал, что можешь с помощью своих способностей помогать людям, даже раздумывать не стал. Но к чему это тебя привело? Ты мизантроп. Помнишь Артуа Венедиктова?

— Да, тот ещё алкоголик.

— Один из старейших сентьяров-детективов. А ведь ему всего шестьдесят.

— Выглядит на все восемьдесят.

— Вечная депрессия, три попытки суицида. Ты так хочешь закончить?

— Я не могу жить иначе, Люцема.

— Тогда я не могу тебе помочь, Вивьен. Прости.

С этими словами Люцема испарилась в воздухе, а Вивьен ещё с минуту смотрел в ту точку, где она только что стояла.

«Бросить работу? Я детектив уже пять лет. К чёрту. Я не оставлю то, что стало главным делом моей жизни. Но и новым Артуа не стану. Нужно найти третий путь».

Вивьен отправился спать, но заснуть смог только через два часа. В голове гуляли мысли, и чтобы отвлечься от нового прилива депрессии, он лежал и думал о деле.

«Что-то не сходится. У меня несколько рабочих версий, и все они друг другу противоречат. Это нормально, только вот все они не стыкуются. Тарасов не мог подставить сразу двоих, это бессмысленно. Подставлял ли он кого-то вообще?»

4. Дружба и вражда

Когда Вивьен ещё не знал о своих способностях, он, как и многие, мечтал о волшебной таблетке, снимающей сонливость. Ну или о возможности взбодриться по щелчку пальцев. Увы, маги научились лечить, убивать, гипнотизировать и превращать в животных, но желание спать так и не побороли. Так что в семь часов следующего дня Вивьен наслаждался магией утреннего кофе.

— Вы, сентьяры, научились взаимодействовать с потусторонними существами, но так и не объяснили всем этим мефистьярским фанатикам, что мы сами агностики, — Абисс неспешно гулял по кабинету.

— Обычные люди всегда строили религиозные теории с кучей подробностей, а потом резали друг другу глотки за эти самые подробности, — ответил Вивьен. — Когда их мир переворачивается, когда они открывают в себе магов, а их знания о мире оказываются мусором, они почему-то не становятся более скептичными ко всему. Да, я нахожу это странным.

— А ты-то, Вивьен? Ты веришь в Бога, Сатану?

— Ну, я предпочитаю думать, что они есть. Должно же быть у всего этого какое-то объяснение. Но даже если ангелы с чертями не знают, как всё устроено, то уж я и подавно. А мефистьяры... ну, им тяжело. Я их по-человечески понимаю. Говорят, от переизбытка тёмной энергии и некоторые сентьяры трогались умом.

На миг все замолчали.

— Вчера ты интересный фокус выкинул, — сказал Абисс. — Что-то новое.

— Да. И выкину его ещё раз, если потребуется.

— Смотри, сам не тронься умом. Я вчера говорить не мог, но всё слышал, ты знаешь.

— Мне кажется, ты такому повороту событий будешь только рад.

— Я? Не-е-ет. Ещё чего не хватало мне, ходить за полудурком до самой его смерти. Ты мне нужен адекватным.

— И озлобленным.

— Да, и озлобленным.

Вивьен бросил взгляд на часы.

— Ну всё, пора, — сказал он.

— Куда собрался? — спросил Абисс.

— К Джиану. Лучший эксперт по мефистьярам в отделе.

— Даже лучшим детективам бывает нужна помощь, да?

Вивьен встал из-за стола и надел пиджак.

— Именно это и отличает лучших: нам не надо ничего никому доказывать. И мы знаем, когда и к кому стоит обратиться за помощью.

Джиан Сущёв работал следователем по делам мефистьяров. Работы у следователей было не так много, самыми сложными делами занимались сентьяры. Иногда приходилось проводить после них допросы, но в основном они расследовали лёгкие дела или те, на которые сентьяров не хватало. Зато следователи были узкоспециализированными профессионалами, и отсутствие способностей сентьяров компенсировали обширными знаниями по своему направлению. Так что детективы периодически приходили к ним на консультацию.

Сейчас у Джиана, как и большую часть времени, не было работы, и он бесцельно сидел в телефоне перед выключенным компьютером на участке магической полиции.

— Работа кипит? — спросил Вивьен и сел напротив.

— Как всегда, — Джиан отложил телефон и протянул детективу руку. — Какими судьбами к нам?

Вивьен достал из сумки две книги и бросил их на стол.

— Как тебе чтиво?

Джиан пролистал «Бытие Жака Фуртье».

— Интересное, — сказал Джиан. — Три раза перечитывал.

— Мефистьяр-мефистофелепоклонник сжёг целую семью, в преступлении сознался. Подозревается в ритуальном убийстве собственной дочери. У него совесть сильно обострённая, мог он этой книжкой себя успокаивать?

— Книжка популярная. Попса, я бы даже сказал. В принципе, да, но среди мефистьяров, служащих разным сатанинским культам, есть работы и поинтересней. Лирис Томпсон, например, целую инструкцию по жертвоприношениям своих детей написал.

«Так и представляю эту инструкцию: нагрейте костёр до ста восьмидесяти градусов по Цельсию. Аккуратно выложите сорок килограмм человечины. Добавьте заклинаний на латыни по вкусу... тьфу, мерзость».

— Такого не видел. Так к чему ты клонишь?

— Откуда книга?

— У него на столе лежала.

— Но у тебя есть сомнения, имеет ли он отношение к убийству дочери.

— Он считает, что книгу подкинул парень, по которому я уже работаю.

— Мефистьяр?

— Пироньяр.

— Если это так, то неудивительно, что твой парень выбрал эту книгу, она ведь очень известная. В то же время у твоего мефистьяра могла бы быть библиотека поощутимей. Я ничего не утверждаю. Не исключено, что он действительно успокаивал себя этой книгой. Но...

— Я понял, скорее всего, были бы и другие книги. Не видел у него книжного шкафа, но возьму на заметку.

— Ты особо и не осматривал дом, — сказал Абисс.

— Посмотри вторую книгу, — попросил Вивьен Джиана.

Следователь стал неспешно листать тонкую книгу заклинаний.

— Негусто. Развлекалово для начинающих.

— Убийц?

— В том числе. Заклинания очень топорные, убивают мучительно. Мало кто захочет на такое смотреть. Зато слабенькие маги могут ими, например, животное какое-нибудь прикончить. В общем, этими заклинаниями пользуются только новички, слабаки и маньяки.

— Этой книгой пользовался слабый маг-телекиньяр. Она была на месте преступления. Я подумал, что Miseriae, Manibus de mortem или Victima могли...

— Так-так-так, стоп. Как выглядели жертвы?

— Да обычно... без видимых повреждений. Разве что покраснения на коже.

— Что ж, помимо красных пятен Miseriae вызвал бы рвоту, Manibus de mortem — язвы, а Victima — желтоватый оттенок кожи. А чем пользовался твой мефистьяр?

— Donum и Pulvis.

Джиан ухмыльнулся и откинулся на спинке кресла.

— Классика, — сказал он. — Что ж, Donum как раз вызывает покраснения. Вот только раз ты их увидел, надо полагать, тела не сожжены.

— Да, Pulvis здесь точно не применяли. Я подумал, что он мог пожалеть тело своей дочери, оно же будет обугленным после Pulvis, изуродованным.

— Возможно. Но чего уж на полпути останавливаться? А телекиньяр насколько слабый?

— Второго уровня.

— В принципе, ему Donum тоже по зубам. С трудом, но по зубам. Новички его не используют, потому что оно и относительно требовательно к энергии, и сложно правильно его колдовать, можно случайно кого-нибудь другого убить. Или себя. Заклинание не самое изящное, контролируется тяжело. Но, тем не менее, это возможно.

— Тёмной энергии там было много.

— Что ж, сильные негативные эмоции могли спровоцировать достаточно мощный выплеск.

— Негатив, говоришь? Вот тебе и «убьёт только муху», Люцема... Третьяковы против Емелиных...

— Твой ангел решил, что она может только муху убить? Зря. Человека — вполне. Злоба, Donum, мощный выплеск — и пожалуйста, труп.

— А троих?

— Троих? Ну даже не знаю, какая тут злоба должна быть. Наверное, та, которую один усатый немец в сороковых испытывал к роду еврейскому. Возможно, но маловероятно.

— Тогда я в тупике. Слушай, подожди. Что может вызвать провал в памяти у слабого мага при колдовстве тёмной магии?

— Провал в памяти? Ох, — тяжело вздохнул Джиан. — Ну знаешь, тёмная магия — штука такая, со слабым магом всякое может произойти. Тем более, как я понимаю, мы о телекиньяре говорим?

— Именно.

— У некоторых кровь из носа идёт, кто-то насморком отделается. Был случай, слабый маг от одного мощного заклинания в судорогах бился. Тёмную магию вообще стоит использовать только мефистьярам, мощным магам, ну и сентьярам всяким. Опасная вещь. Я не знаю ничего про случаи

провалов в памяти, но это вполне возможно.

— Всё равно, конечно, плохо клеится это всё. Ладно, спасибо, — Вивьен встал и пожал Джиану руку. — Пойду ещё кое-куда наведаюсь.

Ерохин открыл Вивьену дверь и вздохнул.

— Здравствуйте, — пробубнил он. — Только что полиции показания давал. Человеческой.

— Ничего, дадите и мне, не развалитесь. Позвольте, я пройду? — на этих словах детектив аккуратно затолкал Сергея в собственный дом. Тот не стал сопротивляться.

— Что-то случилось?

— Почему Вы умолчали о Емелине?

— Что именно?

— Не стройте из себя дурака. Вы не сказали, что он мефистьяр.

— Вы и не спрашивали, Вивьен.

— У меня хорошая память, Серго. Вы сказали, что из магов знаете только Тарасова.

Ерохин глубоко вдохнул и сглотнул.

— Почему это так важно?

— Вы скрывали ритуального убийцу.

— Он мой друг. Хоть у нас и не лучшие отношения сейчас, но...

— Он сжёг семью Третьяковых.

— Да.

— Это мотив для Алины, Вы же понимаете?

— А что, она в курсе, что это Ольен сделал?

— Не знаю, но она же дружила с Викой. Думаете, она не могла проболтаться?

Глаза Сергея стали совсем потерянными.

— Я... я не хотел...

— Все вы ничего не хотите. Вы теперь сообщник, выходит.

— Нет! Простите, детектив, я сглупил.

«Так, надо менять тактику. Иначе я ничего не добьюсь».

— Серго, Вы сильно сэкономите мне время, если скажете, где живёт Алина.

— Я же говорил, что не знаю. И ещё... Полиция тоже спрашивала про неё. Они сказали, что она исчезла из дома, и никто из соседей её не видел с вечера.

«Так-так-так, вот это поворот».

— А где живёт Тарасов, знаете? — спросил детектив.

Данила жил в десяти минутах ходьбы от Сергея, и Вивьен решил немедля отправиться к нему.

— Ты не задержал его за сокрытие преступления, — сказал Абисс. — Странный ты.

— Он подозреваемый. Посмотрим, что Серго будет делать.

— Думаешь, он убил девчонок?

— Маг сильный. Друг мефистьяра. Всё возможно. Дом был его. Емелин мог попросить его принести жертву. Это объяснило бы смену почерка.

— А исчезновение Третьяковой?

— Пока рассматриваем версию, что она прочитала защитное заклинание и выжила. Возможно, это просто счастливое совпадение. Что ж, тогда Ерохин мог её добить.

Тарасов жил в деревянном одноэтажном домике. Вивьен постучал в ветхую дверь. Внутри стали копошиться. Под дверью мяукнул кот — Вивьен задумчиво на него уставился. Раздался смех Абисса.

— А-ха-ха! Что, уже думаешь, что убийца — фамильяр?

— А? Не, я на своей волне. Слишком много противоречивых деталей. Я что-то упускаю из виду. Что-то, что должно всё расставить по местам.

Дверь открыла женщина лет сорока — не сказать, что она выглядела прожжённой алкоголичкой, но сейчас была слегка пьяна, и явно не по особому поводу. В целом, симпатичная женщина. Лицо красивое, слегка в теле, но не критично. Одежда заношенная, местами рваная, но не безвкусная.

«Наверняка постоянно тусуется на местной сельской дискотеке».

— О-о, мамаша, — сказал Абисс. — Наслаждайся, Вивьен.

— Здрасьте, — сказала женщина. — А Вы кто?

— Майор Думин, — Вивьен показал фальшивые документы. — Могу я поговорить с Данилой Тарасовым?

— Ой, а Вы такой симпатичный, товарищ майор, — женщина усмехнулась. — Что мой опять натворил?

«Она со всеми так заигрывает?»

— Пока ничего. Но мне нужно у него кое-что выяснить. Позволите?

— Прошу, — Тарасова отшатнулась от двери и жестом пригласила Вивьена внутрь. Потом махнула рукой на одну из трёх дверей: — Он там.

«Как она спокойно относится к вещам, из-за которых другие матери истерили бы. Видимо, визиты полиции у них — обычное дело».

Вивьен постучал в комнату Данилы и вошёл. Тот валялся на кровати и курил сигарету.

— О, здрасьте, детектив, — сказал он. — Что-то ещё хотели?

— Я должен ещё раз спросить: ты причастен к произошедшему?

— Я должен ещё раз ответить: нет.

— Ты заходил вчера к Олегу Емелину.

— Да, и что? Его дочь там погибла! И я испытывал к ней... ну, типа, чувства.

«Типа».

— И Ольен говорит, что ты типа подбросил ему типа эту типа книгу, — Вивьен достал «Бытие Жака Фуртье» из сумки.

— Что это за говно?

«Вынужден согласиться. Хотя думаю, он все книги так называет».

— Книга.

— Фу. Книги — это не по моей части.

— Да я уж вижу. Тем не менее, здесь написано, что убивать своих детей во славу Мефистофеля — хорошо. И Ольен считает, что эту книгу положил у него дома ты. Ты, кстати, и Вике подарил книгу.

«Убийца-книжник, который только прикидывается быдлом. Вот так

заголовочек был бы».

— Я подарил ей эту книгу, потому что у неё батя — мефистьяр, думал, ей это типа интересно будет. Э, стоп, я догнал. Типа я их кончил и подставил Викиного батька? Да вы охренели что ли? Я любил Вику, говорю же.

— Как и Лену Остапову?

— Она мне нравилась, да. Одно другому не мешает, чё. Вы думаете, что я ей мстил, или чё? Я бы не стал убивать её ценой жизни Вики, я уже говорил.

— Цена жизни Ксении Сорокиной тебя не смущает?

— Вы цепляетесь к словам. Сорокина, кстати, часто о суициде говорила. И выглядела как... не знаю, мефистьярка какая-то. Может, она так красиво выпилиться решила?

— Интересная теория, — ответил Вивьен. — Подумаю на досуге. Если вдруг выяснится, что обычные люди умеют пользоваться магией.

— Э, сыщик, твоя ангелесса опять на мозги мне капает, — сказал Абисс. — Просит, чтобы ты барьер убрал.

Вивьен не ответил, просто убрал барьер. Всё-таки ему было дискомфортно общаться с потусторонними существами при подозреваемых.

— Сорокина могла быть сентьяром! — завопила тут же Люцема. — Третьякова выступила донором энергии, а Сорокина прочитала Donum! Тогда всё сходится, Вивьен, сам подумай. Третьякова хотела отомстить Емелиной, а Сорокина — умереть. И пропажу Третьяковой это объясняет. Ты с ней поговорил, она поняла, что на крючке, и свалила.

— А вот это интересная версия. Спасибо, Люцема.

— Вы с кем говорите, эй? — спросил Тарасов. Затушил сигарету и тут же закурил новую.

— Только что-то в ней меня смущает, — Вивьен был в своих мыслях и не обратил внимания на вопрос Тарасова. По старой привычке в момент глубокого раздумья он стал озираться по сторонам, пока не остановил взгляд на газете на столе у Данилы.

— Что, газеты читаешь? — спросил Вивьен.

— Не, я косяк из неё собрался крутить.

«И кажется, это не шутка».

— Я почитаю, если ты не против, — утвердительно сказал Вивьен и, не дожидаясь ответа, взял газету в руки.

Как он и ожидал, на первой полосе свежего выпуска был материал Леонида Котова о вчерашнем происшествии. Журналист хорошо постарался, и взял небольшое интервью у родителей всех погибших: у Анны Сорокиной, Фёдора Остапова и Олега Емелина. Вивьен стал читать абзац с Емелиным.

— Эй, Абисс, Люцема. Смотрите, как он на Емелина давит. Сначала спрашивает его, не убил ли он свою дочь. Потом припоминает слухи о жертвоприношении, которые не слухи. Спрашивает, не сатанист ли он. Ещё раз уточняет, не принёс ли он дочь в жертву.

— Он будто сам в это верит, — сказала Люцема.

— Интересно. Так, ну мы почти не сомневаемся, что Третьякова причастна к убийству, да? Эй, Тарасов. Где Третьякова живёт, знаешь?

— Ка-эшна. Ща скажу, пишите.

— Говори, я запомню.

Данила назвал адрес Алины, и Вивьен тут же направился к ней. «Опять куришь, скотина?!» — кричала мать Тарасова позади.

Ловкость рук впечатляет куда больше, чем магия. Много ли ума надо, чтобы воспользоваться врождённым даром, который сродни движению или дыханию? А чтобы взломать дверь отмычкой?

Вивьен распахнул дверь маленького дома Алины Третьяковой — пожалуй, самого маленького в деревне. Дома, который смогла позволить себе молодая сирота, чей родной дом сгорел вместе с близкими.

— Интересно, где она сама была, когда горел её дом? — риторически спросил Вивьен. — Наверняка Емелина отвлекала её у себя в гостях, пока отец делал своё грязное дело. Или Ерохин. Или все вместе.

В доме был полный хаос, будто хозяйка собиралась в панике: вещи вываливались из полупустого шкафа, на полу валялись книги и осколки разбитого стакана.

— Кажется, здесь стадо слонов пробежало, — сказал Абисс.

Вивьен прошёлся по комнате и осмотрелся. Его взгляд упал на фотографию в рамочке.

— Интересное фото, — сказал он. — Абисс, смотри. На нём наша Алина целуется с журналистом Котовым.

5. Убийца

Найти жилище человека, который постоянно ходит по деревне с камерой и заводит со всеми разговоры, оказалось проще простого. Дом был красивый, кирпичный, в три высоких этажа. Вивьен отметил, что впервые за это расследование нажимает на звонок, а не стучит в дверь. У Ерохина тоже был хороший дом, но почему-то без звонка. Котов открыл дверь не сразу.

— О, товарищ майор. Вы что-то хотели?

— Разрешите пройти, Леонид, э-э...

— Витальевич.

— Витальевич, — согласился Вивьен.

Журналист слегка замялся.

— По какому поводу?

— Надо поговорить.

— Ну-у хорошо, проходите.

Котов сделал несколько шагов назад, и Вивьен вошёл в дом. В углу стояли дорожные сумки, и Леонид явно был ещё в процессе сбора вещей.

— Куда собираетесь? — спросил Вивьен.

— В отпуск. В Сочи. А что?

— Да ничего. Патриотичненько. Ваша девушка тоже туда улетела?

— В смысле?

— Леонид Витальевич, а Вы давно узнали об исчезновении Олега Емелина?

— А с чего Вы уверены, что я о нём знаю?

— Неважно. Вы же знаете.

— Вообще, да, утром слух пошёл.

— Для журналиста хорошо всё знать. А для человека, который не верит в магию, давить на Емелина было слишком. Хотя не верите ли Вы? Девушка-то Ваша, Алина Третьякова — ведьма. Что-то о магии Вы точно знаете, Леонид.

Котов слегка засмеялся.

— Вы... Вы... несёте чушь, товарищ майор.

— Присядьте, — сказал Вивьен и слегка подтолкнул Леонида на диван, тот поддался и сел. — Вы узнали, что у Вики Емелиной есть мефистьярская книга заклинаний. От молодой дочери мефистьяра, в принципе, можно это ожидать. Тогда Вы и решили отомстить за свою девушку. Мы в своих расследованиях ищем мефистьяров, телекиньяров, пироньяров, даже фамильяров... а вот о сентьярах забываем. Они и так редкость, а уж необнаруженные — это вообще история уникальная. Алина прочла защитное заклинание, а Вы использовали её энергию для заклинания Donum. Сидели где-нибудь за стеной с книжкой заклинаний в руках. Погибли все, кроме Вашей девушки, на которой была защита. Ну а когда Вы пришли к Емелину брать это чувственное интервью, подкинули ему «Бытие Жака Фуртье», после чего натравили на него меня.

Котов ухмыльнулся и посмотрел Вивьену в глаза.

— Я завёл отношения с ней, чтобы сделать это.

— Что?

— Когда я был ещё ребёнком, мою мать убил детектив-сентьяр. Она просто попала под его замес с каким-то бандитом. У меня, так уж вышло, оба родителя — маги. Папа сказал, что того сентьяра никак не наказали. То есть вообще. Родители думали, что я родился обычным человеком. Но со временем я стал замечать за собой способности сентьяра. Я боялся, что меня возьмут в ряды этой прогнившей системы, заставят ловить преступников и будут гладить по головке, даже если кто-то умрёт. Мне противны сентьяры, противна вся система Магического Мира. Я отучился на журфаке и свалил в деревню, туда, где меня никто не найдёт.

— Но тут появился Емелин?

Котов кивнул.

— Мерзкий мефистьяр, сам дьявол во плоти. Бил свою дочь, ходил в секту... я желал ему смерти. Когда он убил Третьяковых, я понял, что это мой звёздный час. Ваше убогое правосудие было бессильно, а я мог

сделать всё правильно. Убить его было бы милосердием, а вы и вовсе посадили бы его на несколько лет да выпустили бы. Нет, он должен был страдать. Потерять дочь так же, как Алина потеряла своих близких. Эта сука ещё и гуляла с Алиной в ту ночь, чтобы спасти её вместо того, чтобы спасти её близких. Просто помогала своему ублюдочному папаше. Он ведь знал, что они подруги. Но сжёг именно Третьяковых. Видимо, побоялся жечь своих друзей, и между своими страданиями и страданиями дочери эта тварь выбрала второе. В общем, я стал сближаться с Алиной, чтобы она мне помогла.

— Ты видишь себя героем, да?

— Конечно! Я хотел уничтожить его, лишить самого дорогого, окончательно повернуть против него всю деревню, которая и так начала на него косо смотреть. Но тут начинается ваше долбанное расследование. В прошлый раз ничего, а тут нате. Об ублюдке Ерохине я не подумал, не сообразил, что уж в этой-то ситуации он вызовет детектива. Тогда я решил, что посадить Емелина при всём остальном будет ещё интересней. А в остальном Вы правы... детектив Вивьен.

Котов злобно улыбнулся.

«Маньяк. Всё-таки маньяк».

— Зря ты решил так поздно бежать.

— Я должен был закончить. Иначе всё было бы зря.

— А почему Pulvis не колдовал?

— Будете смеяться, но я его банально не смог найти. Такой безупречный план, и такая маленькая оплошность.

— Да уж, это точно. А подружка-то твоя — та ещё актриса.

— Да, этого у неё не занимать. Она вот мне на первое апреля устроила...

— Так, тихо, тихо. Я понимаю, что ты давно с сентьярами не общался, но по душам базарить я с тобой не буду, понял? Мне одно интересно теперь: какого хрена ты сначала фотографом представился? Это ведь такой идиотский косяк, что я даже не заметил. Как ни парадоксально.

— Растерялся я. Стою, фотографирую — портал открывается, сентьяр выходит. Стрёмно мне было, вот и выдал первое, что в голову пришло. Искать-то меня стало бы сложнее с неправильной информацией.

— Да, эти десять минут, которые я бы потратил на поиски фотографа Леонида Котова вместо журналиста Леонида Котова, были бы очень критичны.

— Я и не говорю, что я гений преступного мира. Так что будем делать, детектив? Магической энергии рядом нет. Как вязать-то будешь?

— Да по старинке, — сказал Вивьен и достал из-под пиджака пистолет. — Как обычные люди. Котов Леонид Витальевич, Вы арестованы.

Из сумки Вивьен достал наручники и приковал сентьяра-убийцу к батарее.

— Жестоко, но что поделать, — сказал Вивьен. — Работа такая. Не скучай.

— Эй, детектив. Среди ваших магических имён есть имя Лео?

— Есть. Но тебе оно не подойдёт, слишком красивое, — ответил Вивьен и вышел из дома преступника.

Единственное, что огорчало детектива в этом деле — отсутствие поблизости энергии, которая сильно упростила бы путешествие в офис. Так что ему пришлось идти за нейтральной энергией к Серго.

— Я не сдам Вас как соучастника, — сказал ему Вивьен. — Просто потому, что понимаю Вас.

«И потому что хочу быть лучше».

— Спасибо, детектив Вивьен, — ответил Ерохин.

— Но помните, что если вдруг Вы вновь совершите ошибку, даже меньшую, я вспомню всё.

— Я понимаю. Спасибо ещё раз. Если что-то будет нужно — не знаю, ну вдруг — обязательно обращайтесь.

После этих слов Сергей взял с помощью телекинеза свою чашку чая, а Вивьен из высвободившейся энергии создал портал в свой офис.

— Да, представьте себе, сентьяр. Ждёт Вас, выезжайте. Ему ещё везёт, что на дворе не зима и пока не топят. Его сообщница — Алина Третьякова, отчества не узнал, мой косяк. Её местонахождение пока неизвестно, но она не опасна. Да, хорошо. Удачи, лейтенант.

Вивьен положил трубку рабочего телефона и откинулся в кресле. Разжал кулак — в нём осталась капелька энергии Серго. Достал из

пиджака шариковую ручку.

— Я видел, ты захватил её дома у этого журналиста-сентьяра, — сказал Абисс. — Что, взаимодействие с тёмной энергией пробудило в тебе клептомана?

Вивьен улыбнулся — по-настоящему, впервые за долгое время.

— Магия эмоций, — сказал он. — Баловался ей в начале своей карьеры детектива.

— Да, я помню. Я в этой жизни всё помню. Что, скука по старым временам пробрала?

Вивьен ничего не ответил. Он пропустил через себя остатки энергии, которую взял у Ерохина, после чего сжал ручку Котова. Энергия охватила ручку — предмет, который чаще, чем кто-либо другой, держал Леонид Котов. Предмет, который хранил память о его эмоциях.

— Что чувствуешь? — спросил Абисс.

Вивьен сидел как вкопанный. Его глаза смотрели в никуда, на них стало проступать отчаяние. По щеке покатилась слеза.

— Боль, — сказал Вивьен. — Хочется выйти в окно.

— Эй, эй, а ну-ка брось, ты мне ещё живой нужен!

Вивьен уже рыдал. Он сидел неподвижно, только дрожь охватила всё тело. Эмоции, что держал в себе Котов, Вивьену оказались не по зубам и стали выходить. Детектив отпустил ручку, и та упала на пол, а наваждение прошло. Фетисов стал глубоко дышать.

— Ну и жесть, — сказал он. — Как он с этим живёт?

— Твой парень придумал, как дать выход этим эмоциям, — сказал Абисс. — Он маньяк. Хотя думаю, что ему это подсказал чёрт.

— Нет, ему точно место за решёткой, — Вивьен усмехнулся. — И ведь он просто жил. Не пропитывался постоянно тёмной энергией, а тьма всё равно его сожрала.

Вивьен вздохнул и посмотрел в окно.

— Пойду-ка домой, — сказал он. — Не знаю, что на меня вчера нашло. Не люблю здесь ночевать. Да и вообще, люблю дома находиться.

Вивьен создал портал в дверном косяке, и через миг был уже в своей уютной двухкомнатной квартире на западе Москвы. Работа сентьяра

хорошо оплачивается, и он вполне мог бы поселиться в центре, но Вивьен испытывал некоторую сентиментальность в отношении мест и вещей, так что он купил хорошую «двушку» в родном районе через дорогу от родных. Робот-пылесос как раз возвращался на базу, а портал Вивьен удачно создал около кофе-машины, которая стояла прямо у компьютера. Он вставил капсулу и нажал кнопку «Американо». В этот момент зажужжал мобильный телефон: появилась сеть, и тут же дошло сообщение, которое до этого терпеливо ждало своего часа.

«Здоров, брат! Как сам? Го встретимся?» — гласило сообщение.

«Давай, почему нет?» — ответил Вивьен и достал из ящика стола мягкую прозрачную ткань.

— Опять маску таскать собрался? — спросил Абисс.

— А что поделать? Должен же Лёха узнавать своего друга. Рассказать-то ему о моей второй жизни нельзя.

— Давай-давай, я же только за. Чем меньше в тебе света, тем лучше я делаю свою работу.

Вивьен посмеялся в ответ и надел на лицо ткань, которая через секунду растворилась в его коже.

Михаил и Екатерина Теверовские

Я знаю, где она

Единственное, что любит в своей жизни Дейв Шойз – свою подругу со школьной скамьи Шерон Лайрон. И вот в один день происходит чудо – когда из-за признания в своих чувствах он уже думает, что потерял её навсегда, Шерон приходит к нему и говорит, что хочет быть только с ним. Что это? Реальность или сон? И где правда, а где ложь? Её бывший парень Джейк Рэннел начинает расследование, изо всех сил стараясь найти свою пропавшую возлюбленную. Он знает, что она не могла бросить его. Где же она на самом деле?

Сознание своего несовершенства приближает к совершенству.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Пролог

«Где она? Где же она?» — этот вопрос отчаянно пульсировал в моем сознании, срываясь на крик в моем сердце. Я пытался бежать, еле переставляя свои непослушные, подкашивающиеся ноги. Последняя надежда, что я ошибаюсь, ещё теплилась где-то глубоко, и лишь она помогала мне сделать ещё один шаг, а после него ещё один, и ещё, и ещё... Раскаленный тяжелый воздух давил на мои легкие, дышать становилось всё сложнее и сложнее, усиливающийся ветер терзал мою кожу. В изнеможении я налетел на дерево. «Я уже близко» — ударом мелькнула мысль у меня в голове. Я поднял глаза на темнеющее небо, которое заволокло черными кружевами облаков. Несколько капель упало на меня и на землю. Деревья вокруг шумели все громче, раскачиваясь всё сильнее и сильнее. Я нащупал рукоять револьвера в кармане. Мертвый холод железа придал мне немного сил, и я неимоверным усилием продолжил свой путь. Я чувствовал, что с каждой минутой, каждой секундой я все ближе и ближе, и страх того, что меня ждет, пожирал мою душу все

сильнее. Сухие ветки хлестали по рукам, шее, лицу, но я продолжал упорно двигаться вперед. Дальше и дальше.

Наконец, я вылетел на небольшую поляну, на которую сквозь тучи ещё падали последние лучи солнца, освещая её в наступающем мраке. Темные стволы деревьев окружали её плотным кольцом, а почти ровно в центре одиноко лежал плоский, почти гладкий камень. Её любимое место. Я упал на землю рядом с ним, опершись об него спиной.

-Я знаю, где она, — тихо прошептал я.

Последние дни связались в единое целое, я как будто пережил каждый из них ещё раз, вспомнил все мельчайшие подробности — в одно мгновение. Самое ужасное было то, что я знал, что мне делать дальше. Но с другой стороны, только теперь я сам был творцом своей судьбы.

За четыре дня до...

-Опять спите на рабочем месте, мистер Дейв?

Я моментально проснулся, дернувшись так сильно, что чуть не разбил коленку о край своего монолитного стола. Ведь тут больше никто не мог заорать таким ворчливо-визгливым голосом мне прямо на ухо, да ещё с этой дурацкой приставкой «мистер», кроме, как моя стервозная начальница. Ей уже давно перевалило за шестьдесят. Чтобы продолжать чувствовать себя молодой и сильной, она кружила по всему офису, когда ей заблагорассудится, и, выискивая нарушителей, выпивала всю их кровь и последние силы. Хотя, возможно, она была такой с детства, вечно недовольной и невозможно гадкой. Нуу... или это могла быть Шерон, которую, на своё счастье, я и увидел прямо рядом с собой, когда мое зрение всё же сфокусировалось после непродолжительного сна и довольно-таки болезненного удара.

-Боже, Шерон, я подумал, что это сама валькирия снизошла до меня, — потирая коленку, я посмотрел на часы и увидел самую прекрасное число на свете – 18.00, шесть часов вечера – время освобождения всех рабов нашего офиса от непрекращаемого гнета, который должен был продолжиться завтра и послезавтра, ну и после послезавтра, конечно же.

Ответом мне был её заливистый смех, к которому я привык уже с самого детства. Она всегда, когда смеялась искренне, прикладывала руку ко рту и игриво отворачивалась, а её кристально зеленые глаза непременно переливались веселыми искорками. До чего же мило она

выглядела в такие моменты. И чертовски привлекательно, надо заметить.

-Давай собирайся, и пойдем уже, мне ещё осталось дописать пару отчётов к завтрашнему дню, а ещё тебя подвезти надо, — улыбаясь, сказала она и провела рукой по волосам, приводя в порядок растрепавшиеся слегка золотистые белые волосы.

Я распихал пачку нужных бумаг по своему портфелю и послушно поплёлся за ней. Хотя у меня были и права, и старенькая полуразвалившаяся машина, но водил я редко – мне почему-то совершенно это не нравилось, никак не тянуло сесть за руль. Только в крайних случаях. К тому же Шерон часто подвозила меня: нам было по пути на работу. И в школу, где мы дружили почти с первого класса. Я — простой пацан-неудачник, и она — лучшая девочка класса, да, уверен, и школы.

-Если хочешь, могу немного помочь, я сейчас свеж и готов к работе.

Она резко повернулась и, игриво оценив меня взглядом, запричитала:

-Ой, я была бы вам так благодарна, так благодарна, вы просто не представляете, это было бы просто прекрасно, даже сказала бы, просто великолепно!

-Да прекрати ты, не заставляй меня пожалеть о своем предложении.

-Ну, тогда по рукам. У тебя или у меня?

-У меня, конечно же, — вздохнув, ответил я.

Мне вдруг стало как-то грустно. Как будто весь мир вокруг потерял краски и стал тусклым и невзрачным. Такое в последнее время происходило со мной всё чаще и чаще. При этом бывали моменты, когда я не понимал, с чего бы это. Вот прекрасное настроение, все отлично, и вдруг, как по щелчку, всё меркнет. Но сейчас я знал от чего. Если мы хотели пообщаться, отдохнуть или помочь друг другу с работой, то собирались исключительно у меня. Был период, когда Шерон отчаянно звала меня к себе, но после моих категорических отказов она, наконец, сдалась. А всё, потому что она почти сразу после выпуска из школы начала встречаться с парнем по имени Джейк. Джейк Рэннел. Его я узнал в седьмом классе, но это знакомство было далеко не приятным. Я сказал бы даже, что меня тянуло блевать, когда я вспоминал дни после этого знаменательного события моей жизни.

А дело в том, что я никогда не был «крутым» парнем в школе. А вот Джейк был. И когда он переехал в наш небольшой городок со своим

отцом, то начал закреплять своё превосходство над всеми, и еще почему-то именно надо мной. Не знаю причину такой его жестокости в детстве. Возможно, это передалось ему от отца – вечно хмурого, уже старика в свои тридцать лет, с ледяным пронизывающим взглядом. Ходили слухи, что его жена, мать Джейка, ушла от него из-за вечных скандалов и следующих за ними побоев. Не знаю, правда это или нет, но Джейк нередко приходил в школу с разбитым лицом. И при этом, когда учителя пытались хоть как-то достучаться до его отца, думая, что эти отметки оставлены улицей, он как-то слишком равнодушно отвечал им: «Мужчина должен сам решать свои проблемы». Хотя, имея в виду и зная агрессивность Джейка, возможно было полагать, что это заслуженная плата за его поведение в среде ещё более мерзких подростков, чем он сам. Мне было плевать на его жизнь и проблемы. А вот ему до меня почему-то было дело. В школе я был с самого первого года, но никогда особенно не выделялся, а вот Джейка полюбили все сразу. Все кроме Шерон. Как же судьба иногда смеётся над нами.

Вообще это очень интересная вещь – симпатия окружающих к тебе. Неважно, ребенок ты, подросток или взрослый, красивый или страшный, хотя с первым параметром конечно проще, если ты нравишься людям, ты можешь делать всё что угодно – хоть быть самым последним мерзавцем на свете с отвратительными банальными шутками, над которыми, тем не менее, будут смеяться все. Если же нет, то даже твоё самое простое, ничем не примечательное действие будет восприниматься как нечто жалкое. Оглянитесь вокруг, и вы поймете, что это действительно так. Харизма – интересная штука. Хотя мне не до конца понятен этот аспект человеческой психологии. Вернее даже сказать – вообще непонятен. Я привык стараться смотреть на людей вокруг не пустыми глазами. И не следовать слепо за создаваемыми ими образами.

И вот, в последний год обучения он предложил Шерон встречаться. Он и раньше явно проявлял к ней симпатию, и любыми способами пытался привлечь её внимание. Он мог схватить почти любую девушку в школе за задницу, и она засмеялась бы, игриво строя ему глазки. Почти любую, но точно не Шерон. И всё же она почему-то начала встречаться с ним. Как? Почему? Для меня это непостижимая тайна. Как и сама Шерон.

Конечно, надо признать, что Джейк сильно изменился с тех пор. Он отучился в юридическом колледже, потом в полицейской академии и теперь работал в отделении полиции детективом. Неплохая карьера для плохиша из школы. К тому же, пару раз, когда я пересекался с ним, в

том числе и в их доме — пока не перестал вообще появляться там — он пытался завести со мной разговор, обменяться хотя бы парой фраз. В них всегда чувствовалось небольшая толика сожаления за прошлые годы, появлялось ощущение, что он пытается загладить свою вину, помириться что ли. Но он никогда, ни разу не извинился открыто и не заводил речи о школьной поре. Черная часть его души, охватывающая его гордость, скорее всего, никогда не позволят ему так поступить. Но, тем не менее, каждый раз, когда я видел его – перед глазами сразу же проносилось какое-либо событие из прошлого. И я не мог смотреть на его хоть и уже добрую, но всё равно сохранявшую черты той мерзкой жесткой ухмылочки улыбку. И я не мог понять, что же Шерон нашла в нём тогда и что видит до сих пор.

Так я плелся понуро за ней до самой стоянки, увлеченный целиком и полностью своими безрадостными мыслями. Им сопутствовала череда серых, уже немного облупившихся стен офиса, противный желтоватый свет люминесцентных ламп, спешившие домой коллеги, чьи лица я уже не различал, погрузившись глубоко в себя. «Пока, Джули! Пока, Рон!» — радостно прощалась с попадавшимися на пути Шерон, непременно помахивая каждому рукой на прощание. Я лишь уныло вторил за ней мрачным голосом: «Пока, увидимся завтра. Пока. До свидания. Хорошего вечера.»

-Опять скачки настроения? – Я даже не заметил, как сел на переднее место её красной машины Audi 100, которую она просто обожала, и, слегка повернувшись к ней, я увидел её внимательный озабоченный взгляд, посредством которого она пыталась прочесть то, о чём я думаю сквозь мои помутневшие глаза.

-Нет, просто слегка устал, — безжизненным голосом ответил я.

-Ты ещё посещаешь её?

-Старушку Джил? Нуу, я заходил на той неделе... — Шерон ужасно пугала моя непрекращающаяся депрессия. По крайней мере, она решила, что у меня депрессия. Я же считаю, что это просто здравый взгляд на мир вокруг. На всё то, что происходит в нём. И именно Шерон заставила записаться меня к нашему местному психологу. Она представляла собой милую старушку, способную лишь на то, чтобы выслушать твои проблемы и беды, с неизмеримо сочувственным взглядом, заварить тебе чаю и с полным уверенности голосом заявить, что всё будет в порядке, всё уладится, нужно только время. «Всё проходит. И это пройдёт» —

было выгравировано на кольце царя Соломона. Эти слова и то больше успокаивают меня, чем посещение старушки Джил.

-Дейв, я же тебя просила. Твой разрыв с Ларой на тебе очень сильно сказывается.

Я отвернулся к окну, лишь бы не видеть её заботливого расстроенного взгляда. И чтобы она не смогла прочесть мои мысли. Я остановил свой взгляд на вывеске кафе, располагавшегося напротив нашего офиса с другой стороны стоянки. «С нами веселей обеды». Дешёвый слоган отвратительной дешёвой забегаловки. Шерон даже представить себе не могла, насколько мне было ни тепло, ни холодно от этих, хорошо уже что закончившихся, «отношений» с Ларой. Нет, Лара хорошая, милая девушка. Но она – не мой человек. Бывает, что появляется новый знакомый и, казалось бы, ты ничего не знаешь о нём, а он о тебе. Столько тем для разговора, столько всего неизведанного и интересного, о чем хочется поделиться, непременно было в вашей жизни. Найти что-то общее. Но нет. Вы будете стоять друг напротив друга, старательно отводя глаза и стараясь придумать хотя бы что-то, лишь бы не молчать. Но вы будете оба молчать. Это ужасно неприятная ситуация. И это странно, ведь ты умеешь разговаривать с людьми. И твой недособеседник умеет. Есть же такие друзья, знакомые, близкие, которых знаешь всю свою жизнь, и всё равно с ними всегда есть что обсудить, о чём поговорить, что вспомнить. Для меня такой человек Шерон. «Родство душ – странное явление. Оно легко сводит людей помимо их сознания и воли». Но не Лара. Поэтому когда мы расстались, я скорее вздохнул с облегчением, чем провалился в пучину мрачной депрессии. Я и встречаться с ней начал только потому, что больше не мог оставаться один. Становилось страшно.

-Дейв, ну прошу тебя, не замыкайся так. Это меня ужасно пугает, словно ты «щёлк», и выключаешься! – до меня, наконец, донесся голос Шерон. Она была в полушаге от того, чтобы расплакаться. Я прекрасно знал всё оттенки её голоса.

-Прости меня. Правда. Я неправ. Я постараюсь найти время, чтобы заглянуть к ней.

Шерон недоверчиво окинула меня взглядом, после чего наконец-то завела машину, и, после того как двигатель, щёлкая, наконец, заработал, и машина адски завибрировала, мы тронулись. Она вела молча, слегка нахмурив свои изгибистые брови и что-то обдумывая, слегка закусив нижнюю губу. Но это продолжалось недолго, от силы пары минут. Это я

мог провалиться в себя на час или на целый вечер.

-Ладно, в конце концов, ты уже взрослый мальчик, и внутри, надеюсь хотя бы только один, а не двадцать четыре личности, как в несчастном Миллигане, — посмеиваясь, вдруг заявила она, и её лицо вмиг прояснилось, — хотя может вас там и много, и вам там весело, наверное, это даже лучше.

-Шерон! – обиженно воскликнул я, но её хорошее настроение передалось и мне, словно луч света пробился сквозь непроходимую лесную чащу. Я искренне улыбнулся.

Вечерело. Хотя было ещё светло, и яркое солнце висело высоко надо нами, первые дуновения вечернего ветра приятно ощупывали моё лицо, когда мы шли по лужайке к крыльцу моего дома. Небольшая лужайка, гараж и двухэтажный с небольшим чердаком, слегка облупившийся, но, тем не менее, весьма и весьма презентабельный снаружи, мой дом встречали меня с распростертыми объятьями. А вместе со мной и Шерон. Мне даже кажется, что дом всегда слега улыбается крыльцом, когда видит, кого я привёл к нему в гости. Мой дом. Милый дом.

Я провернул ключ в замке и, открыв дверь, хотел уже шагнуть внутрь, когда Шерон возмущенно воскликнула:

-Мистер Дейв, будьте же джентльменом! Где же ваши манеры!

Я сделал шаг в сторону и, согнув спину в три погибели, точь-в-точь как швейцар распахнул перед ней дверь и жестом руки пригласил войти её в мою обитель.

-Во-о-т, совсем другое дело! – сказала она и, сделав реверанс, выронила из папки несколько листочков.

Смеясь, она принялась собирать их. Я не остался стоять в стороне и начал помогать ей. Потянувшись к последнему лежащему листку, я чуть не столкнулся с ней лоб в лоб. Наши взгляды встретились. Меня вдруг начало жечь непреодолимое желание поцеловать её губы, шею, глаза, которые были буквально в паре сантиметров от моих. Повисла неловкая пауза длиной в пару секунд. Но неловкой она была только лишь для меня.

-Благодарю вас, месье! – смеясь, она выхватила у меня листки и побежала в гостиную. Мне ничего не оставалось, как понуро последовать за ней.

Ближайший час мы провели, раскапывая в тоннах букв нужные слова

и цифры. Не могу сказать, что мне совершенно не нравилась та работа, которой мы занимались – бумаги, отчёты, числа, но иногда мне казалось, что лучше бы я пристрелился, чем опять взялся за эту рутину. Не всегда было понятно, кому всё это надо, кто будет их читать и перепроверять? Зачем мы стараемся? Но понемногу стопка бумаг уменьшалась, как и наши силы, и, наконец, подошла к концу.

-Фу-х! Всё-таки доделывать работу дома – это ужасное занятие, — завалившись на диване, констатировала Шерон.

-Пиво или газировку? – повиснув на дверце холодильника, спросил я.

-А вино есть?

-Есть.

-Тогда тащи всё! — радостно воскликнула она и вскочила с диванчика.

Я достал по паре холодных банок и откопал из глубины темную бутылку сладкого белого. Немного отдохнуть и привести в порядок расшатавшиеся нервы, не помешает в конце же концов. С этими припасами и парой бутербродов, мы вышли на небольшой балкончик, примыкавший к обратной стороне второго этажа моей крепости. Шерон, потянувшись, легла прямо на пол, слегка поджав ноги и облокотившись о невысокую стенку балкона. Поставив съестное рядышком, я присоединился к ней. Было немного тесновато, мы полулежали друг напротив друга. Наши коленки робко соприкасались.

Вокруг висела пьянящая тишина, дополняемая приятным стрёкотом и далекими звуками машин. Небо было прекрасно чёрное, окутанное чёрнеющими облаками, которые в совокупности с немного душным воздухом, возвещали о возможной ночной грозе. Немногочисленная россыпь звёзд проглядывала сквозь них, а запах приближающегося дождя вперемешку с запахом свежескошенной пару часов назад моим стариком соседом травы дополняли воцарившуюся идиллию. Но более всего меня радовало то, что Шерон была здесь. Рядом со мной. Мы медленно потягивали вино прямо из горлышка и обсуждали, наверное, все-все темы, которые возможно и невозможно было придумать.

-Слушай, а как тебе вообще Зоя? – сделав очередной глоток и хитро покосившись на меня, вдруг спросила Шерон.

В ответ я удивленно посмотрел на неё и пожал плечами.

-Ну, Зоя, которая в твоём отделе ещё работает. Ваши места через

пару столов, — не унималась она.

-А что Зоя? – перехватив бутылку, я сделал большой глоток.

-Да ладно тебе, только совершенно слепой не увидит, как она не равнодушна к тебе. Ходит всегда вокруг тебя, всегда пытается поговорить с тобой при встрече.

Я усмехнулся:

-Ты её-то видела? Фигурка ещё ничего возможно, но эти кроличьи зубы и вздёрнутый носик. А ещё неловкая стрекотня без умолка будет похлеще твоих заковыристых вопросиков.

-Э-э-э, — она, играючи, слегка ударила меня по плечу, — ты обидел сразу двух девушек. Это вообще-то непростительно.

Я растерянно улыбнулся и сделал ещё глоток. Я чувствовал, как усталость и алкоголь уже слегка помутили моё сознание. Окружающие вещи слегка покачивались, а Шерон, на которой я пытался сосредоточить взгляд, приобрела расплывчатые контуры. Всё-таки я не умею пить.

-Но она же милая. И достаточно-таки симпатичная, — после недолгой паузы продолжила она. — К тому же, тебе надо найти кого-нибудь. Не можешь ты оставаться одиноким до самой старости.

Что-то начало вскипать во мне. Гнев, ярость, недовольство. И вместе с тем что-то совершенно иное, но, тем не менее, ещё более жгучее. Прожигающее сердце насквозь, стискивающее его с неизмеримой силой и разрывающее в клочья одновременно.

-Помнишь вечер того дня, когда мы закончили школу? Мы лежали в самом центре твоей любимой полянки, на том плоском камне и, вглядываясь в синеву неба, мечтали о нашем будущем? Что будем делать дальше, кем мы станем? – мой язык слегка заплетался, Шерон удивленно смотрела на меня, слегка приподняв бровь. Она явно не понимала, к чему я клоню, но я уже распалился и говорил безостановочно, глубоко быстро вдыхая, не давая ей вставить ни слова. — Тот день был прекрасен. Но я, как впрочем и всегда, допустил ошибку... Вернее упустил очень важный момент... Вернее сказать, опять не сделал того, что должен был сделать уже давным-давно.

Едва договорив, я отчаянно наклонился к ней, не в силах более отвергать желание поцеловать её. Но как только она поняла, что я хочу сделать, она оттолкнула меня и вскочила, смотря растерянно и с болью.

-Боже, Дейв... — на её глазах проступили слёзы, — я не думала... Мне очень жаль.

После чего она буквально спорхнула по лестнице к входной двери, и я услышал, как она хлопнула ей, выбегая на улицу. Моё сердце было готово одновременно взорваться и сжималось так сильно, что мне тяжело было вздохнуть. Я не мог пошевелиться. Вялой рукой я взялся за бутылку и осушил её в раз до самого дна, после чего быстрым движением смахнул наворачивающиеся слёзы. Я потерял её. Моё сознание окутывалось дымкой, и я почувствовал, что проваливаюсь куда-то глубоко во мрак.

За три дня до...

Будильник истошно разрывался на части. Я с трудом разомкнул глаза. Было такое ощущение, что мои веки весят килограмм по сто. Каждое. Ещё и голова раскалывалась так, что казалось ещё немного и я упаду в обморок, продолжив тем самым свой тяжёлый сон, полный боли и мрака. Наконец, невероятным усилием воли я заставил себя нажать на заветную кнопку выключения до сих пор орущего будильника, чуть не своротив его. Четверг. Семь часов утра. А значит, скоро Шерон должна заехать за мной.

-Чёрт, — я моментально вскочил с кровати, но сразу же упал на неё обратно, схватившись руками за голову. Я вспомнил весь тот бред, что наколобродил прошлым вечером.

Но тут же ещё одна мысль ударила меня в голову, а затем ещё и ещё. Первая: «Что я делаю в кровати?», вторая: «Как я добрался до неё?» и, чёрт возьми, какого хрена я в одном белье, да ещё и в ужасно мокром? Ещё и весь в какой-то земле, песке и грязи. Мои руки горели, пальцы и ладони были исцарапаны и кровоточили. Несколько ногтей были сломаны. Я ничего не мог понять, а новые и новые странности проскальзывали в моём сознании. Я постарался доподлинно восстановить события вечера, но понял, что помню хоть что-то только до момента моей невероятной глупости и последующего за ней ухода Шерон. А дальше всё как будто просто вырезали.

-Ничего себе, ты сумел проснуться, — услышал я до боли знакомый голос.

-Шерон? – я резко открыл глаза и увидел её.

Она стояла в дверном проёме и слегка улыбалась, смотря на меня.

Мне сделалось невыносимо больно и стыдно. Я не знал, что делать и что говорить. Мне не хотелось напоминать ей о вчерашнем, но мне безумно было интересно, что же вчера произошло.

-Я... как я оказался в кровати?

-Ночью я обнаружила тебя на лужайке, прямо около крыльца. Кажется, ты немного переборщил с выпивкой. Не могла же я оставить тебя там, была гроза, и шёл дождь. — Невозмутимо ответила она.

Я отвернулся от Шерон и начал тереть лицо ладонями, стараясь скрыть подступившую к моему лицу краску. Боже, как же мне было стыдно. Тихими лёгкими шажками она подошла ко мне и взяла мои руки в свои ладони.

-Дейв, ничего страшного не произошло, расслабься. Всё в порядке.

Она неотрывно смотрела прямо в мои глаза, лицо её было сосредоточенно. Я уже было открыл рот, чтобы возможно опять всё испортить, но она, улыбнувшись, вскочила и, подмигнув мне, выпорхнула из комнаты. Моя голова раскалывалась, а всё происходившее не укладывалось у меня в сознании. Неужели она так рано заехала за мной, решив вычеркнуть вчерашний вечер, и обнаружила меня в хлам пьяным, валяющимся в грязи у двери? Как же я жалок... Но, тем не менее, я чувствовал, как маленький росток счастья разрастается у меня в груди. Удивительное двоякое чувство.

-Дейв, ты там долго ещё? – совершенно как ни в чём не бывало, позвала меня Шерон.

Я начал медленно сползать с кровати, как вдруг что-то тяжелое ударилось об пол. Я бросился к этому предмету. Это был мой револьвер. Неужели я подумывал о самоубийстве и был готов претворить его в жизнь, или вернее, в смерть? Чёрт возьми, нужно немедленно спрятать эту хреновину обратно в сейф. Шерон точно не должна его увидеть. Я вскочил на ноги и, буквально вылетев из комнаты, начал как можно тише красться к лестнице на второй этаж. Я никогда не любил физическое насилие. Это конечно предоставляло мне некоторые неудобства, но я никак не мог себя пересилить. А вдруг я убью человека, ударив его? Что мне тогда делать, как жить? Как перестать видеть его лицо, искажённое в предсмертном дыхании ужасом или ещё хуже смехом? Как посмотреть в глаза его матери и отца и признаться им, в том, что это сделал именно я? Что это я лишил их ребёнка, их дитя величайшей ценности на свете, дарованной ему ими, – жизни? Верно я мыслю или

нет – но таким был я. Тонкокожий сопляк. Каждый человек, особенно в детстве или в подростковом возрасте хочет быть похожим на какого-либо кумира из книги или фильма. Во всём старается подражать ему. И мне хотелось быть мушкетёром и сражаться бок о бок с Д'Артаньяном или же бороздить моря под командованием капитана Блада. Но скорее всего, если бы я попал в какое-либо приключение, я был бы тем самым сто пятидесятым персонажем, который отсиживается дома, или же его нужно вечно спасать. Если, конечно, он не умер ещё от разрыва сердца только в предвкушении этого приключения. Я приобрёл револьвер, как только мне исполнилось восемнадцать. Мне казалось, что с ним я буду чувствовать себя увереннее. Но через буквально два дня положил его в сейф и больше никогда не доставал. Как я, будучи пьяным, вспомнил код, если и сейчас едва его помню? Я молился всем известным и неизвестным мне Богам о том, что я не наделал глупостей в том припадке безрассудного безумия.

Наконец, после четырнадцати ступенек, достигнув своей цели и подобрав код со второго раза, я вздохнул с облегчением. И уже готов был идти искать Шерон, как легкий скрип половиц в полумраке заставил меня вздрогнуть. Лёгкий ветерок обдал мои щиколотки, и холод распространился по всему моему телу. Мне показалось, что краешком глаза я вижу расплывчатый силуэт. Моё сердце было готово выскочить из груди, так сильно и быстро оно билось.

-Эй, куда ты пропал? – голос Шерон вырвался откуда-то из глубины дома, снимая с меня паническое оцепенение. Я почувствовал, что всё вокруг меня поплыло.

Я резко обернулся. Комната была пуста. Похоже, что моё воображение разыгралось от переизбытка алкоголя, усталости и напряжения. Оглядевшись внимательно вокруг себя, я поспешил вниз, к Шерон.

Она ждала меня за столом на кухне, вяло потыкивая вилкой овсяную кашу – я не был обладателем широкого гастрономического рациона. Её волосы были слегка растрепаны, но, тем не менее, она выглядела потрясающе. Как и всегда. Я осторожно сел на стул, напротив неё. Меня также ждала наспех приготовленная овсянка. Не зная, куда деть свой взгляд, я окинул и так знакомую мне кухню. Стол, три стула, холодильник, пара шкафов, раковина, плита вкупе с отвратительными желто-голубыми обоями. И настенные часы. Остановившись на них, я был крайне удивлён, увидев время, которые они показывали – без семи минут восемь часов утра. Прошло пятьдесят минут? Но... как?

-О чём ты думаешь? – я даже слегка дёрнулся от неожиданности. Я едва не забыл про Шерон.

-А где Джейк, он не в обиде, что ты столько времени потратила на меня вчера и сегодня? Ты вроде говорила, что вы договорились провести вчера ночью что-то вроде романтического ужина, — я не хотел напоминать ей о случившемся. Поговорить о Джейке – я решил, что это лучшая тема, которую можно придумать.

-Он опять не пришёл, — она слегка нахмурилась, и было видно, что ей грустно говорить об этом. — Позвонил с работы и сказал, что дел невпроворот. Что придёт не раньше трёх ночи.

Я ещё сильнее сжался. Вот чего я сейчас точно не хотел – это ещё больше расстраивать её.

-Знаешь, у нас всё как-то в последнее время не ладилось, — продолжила она. — Мне кажется, что он хочет как можно меньше меня видеть.

-Но он же хотел романтический вечер утроить, разве не?

-Это была моя идея, — она отвернула голову и длинные волосы закрыли её лицо от моих глаз. Но я знал, что она плачет. Я чувствовал это.

-Шерон, — я протянул руку и легонько взял её в свою ладонь, — я уверен, что ничего страшного не происходит. Возможно, ты себя накручиваешь, но в любом случае всё будет хорошо, поверь мне.

-Я... я не хочу пока что его видеть. Можно я поживу немного у тебя?

-Да, конечно, без проблем, — это был мой шанс загладить свою оплошность. — Конечно, мой дом – твой дом.

-Дейв, я так рада, что ты у меня есть, — она, наконец, посмотрела на меня и улыбнулась.

Сколько раз я мечтал о таком моменте. Представлял себе, как она разрывает с Джейком, и тогда-то наступает мой шанс. Я костерю его, на чём свет стоит, а потом говорю ей, что она – самое дорогое на свете, что я бы никогда не позволил себе расстроить её или бросить. Что всегда буду с ней. И что люблю её. И вот теперь, когда этот момент наступил, я ничего не мог сделать. С моей стороны было бы просто ужасно поступать так, как я представлял себе после вчерашнего вечера. Или же я опять упускал свой шанс, как и призрачную надежду, которой никогда не было суждено претвориться в жизнь.

-И да, Дейв. Я не хочу, чтобы он знал, что я у тебя. Я не хочу с ним разговаривать сейчас, не хочу слушать его оправдания. Мне надо будет всё обдумать. Вообще лучше никому не говори, он всех знает. И его все знают – кто-нибудь ему обязательно доложит. Прошу тебя, пусть это будет нашей маленькой тайной.

И тогда я ответил единственно так, как мог. Как обязан был ответить.

-Хорошо, Шерон. Если ты так хочешь.

Хотя я не пришёл ещё до конца в себя, но я поспешно начал собираться на работу. Это не заняло у меня много времени. Дольше я просидел на диванчике в гостиной, не зная, спрашивать ли Шерон, о том, что она будет делать дальше или не стоит. Но, всё же я решил, что лучше было бы задать ей этот вопрос. Я нашёл её на том самом балкончике. Она стояла, уперев руки о край стенок и мечтательно смотря в простиравшийся к горизонту лес. Утренний воздух был особенно свеж после ночной грозы. Природа просыпалась, вновь оживая – неторопливо и невероятно очаровательно. Мы простояли так пару минут. Молча. Устремив свои взгляды в разросшиеся огненные кроны деревьев.

-Шерон, ты сегодня останешься здесь? – кашлянув, наконец осмелился сказать я.

-Да, думаю, так будет лучше, — она как-то странно посмотрела на меня и повторила. — Мне нужно всё обдумать.

У меня оставалось не более получаса, чтобы успеть добраться до работы. Впервые в этом месяце, выходя на работу утром, я направился в свой небольшой гараж. Старый фордик 1979 года устало ждал меня. Мне всегда казалось, что он как будто смотрит на меня несколько осуждающе, за то, что я запер его в этой клетке и очень редко выгуливаю его. Я удивился тому, насколько грязный был салон моего автомобиля – везде песок и комки земли. Двигатель, немного побурчав на меня, завёлся и я, наконец, выехал. Я не знал, чего хочу больше – быть сегодня на работе или оставаться дома. Почему-то меня пугало и то, и то возможное времяпрепровождение.

Джейк

Небольшой кабинет в полицейском участке освещала тусклая лампа,

слегка потрескивающая и заливавшая комнату сероватым светом. За двумя столами, стоявшими друг напротив друга, сидели двое мужчин. Они были просто зеркальными противоположностями друг другу. Бен Росли – сорока девяти лет, слегка полноватый, неряшливо как одетый, так и выбритый, с округлыми чертами лица и острым ястребиным носом нервно покуривал сигару, вальяжно развалившись на стуле. Он был ужасно недоволен, что его коллега-начальник вызвал его в такую рань, семь часов утра, на рабочее место – в отдел расследований. Кончиками пальцев он перестукивал по столу, опустив глаза. Вторым мужчиной был Джейк Рэннел. Молодой талант, из детективов, двадцати четырёх лет — ему пророчили скорое приглашение в города покрупнее, где бы его умения видеть детали и буквально чувствовать правду нашли бы истинное применение. Вид у него был усталый, обычно идеально приложенные чёрные, как смоль волосы, слегка выбивалась и короткая щетина обрамляла его лицо. Своими ярко карими глазами он смотрел чуть повыше плеча Бена, погрузившись глубоко в свои мысли. Всем видом он выражал спокойствие и уверенность, но в глубине души он был ужасно взволнован, но это можно было прочитать только по его слегка дёргающейся от напряжения скуле.

-Я не понимаю, чего ты так взвёлся, Джейк, — наконец полушепотом произнёс Бен и сделал последнюю затяжку. После чего потушил окурок и, посмотрев прямо в глаза напарнику, продолжил. — Может она на работе осталась на ночь или я не знаю, решила немного отдохнуть от тебя. А ты убиваешься тут сидишь, да ещё всех вокруг на уши поставить хочешь.

Джейк резко повернул голову и холодным взглядом ответил Бену. От чего тот слегка поёжился и отвёл глаза.

-Мы сегодня же дадим заявление о ней, как о пропавшей. И никакие три дня никто ждать не будет – я сам об этом позабочусь, — с раздражением ответил Джейк.

Он знал, и что самое страшное для него – чувствовал, что что-то не так. Они договорились утроить небольшой романтический вечер в десять часов. Он был дома с девяти, а Шерон не вернулась ни к десяти, ни к одиннадцати. Всю ночь Джейк обмерял кухню широкими шагами – впервые он оказался в ситуации, когда не знал что делать – весь городок спал, кроме разных притонов, в которых Шерон никак не могла оказаться. Кажется впервые в жизни, он по-настоящему растерялся. Проснувшись после трёхчасового сна от изнеможения, Джейк сначала поехал в офис, где работала Шерон, но все окна были темны, а двери наглухо закрыты.

После чего, проверив ещё раз, не вернулась ли она домой, он направился в свой кабинет в участке, откуда уже позвонил Бену и вызвал его без двадцать шесть часов утра. Явился тот только в семь.

Он названивал на работу Шерон каждые пятнадцать минут, надеясь, что кто-нибудь, наконец, возьмёт чёртову трубку. Тогда была бы призрачная надежда, что Шерон просто уснула за бумагами. Но Джейк понимал, что это невозможно. Потому-то ему и было так тяжело.

Неожиданно, после серии продолжительных гудков, он услышал щелчок в трубке и официальный надменный голос какой-то женщины после него.

-Офис Мейрона, чем могу помочь.

-Меня зовут Джейк Рэннел, я детектив. У меня к вам один вопрос.

-Я слушаю вас.

-Шерон Лайрон в данный момент на рабочем месте?

-Тут никого нет. Что-то случилось? – тон женщины совершенно изменился. В нём слышалось некоторое удивление и отдалённое беспокойство.

-Кажется... кажется она пропала, — буквально на выдохе ответил Джейк. Он чувствовал, как его горло сжимается в невидимых тисках.

-Боже мой...

-Мне придётся побеспокоить вас и ваше начальство. Буквально пара вопросов, надеюсь, вы будете не против.

-Я отвечу на любые ваши вопросы. Я встречу вас у главного входа.

-Благодарю вас, — Джейк положил трубку. Его пальцы слегка дрожали.

-Поехали. Наконец-то я могу хоть что-то сделать.

Бен покачал головой, но ему ничего не оставалось, как последовать за уже выскочившим из кабинета напарником.

Джейк гнал как только мог, так что Бен, выходя из машины, был слегка бледен и его немного шатало. У входа их ждала представительная грузная женщина. С соколиным хищным лицом. «Валькирия» — Джейк вспомнил, как Шерон рассказывала ему о своей начальнице, которая была неимоверно дотошна. По одному лишь внешнему виду этой женщины он мог согласиться с таким прозвищем.

-Валерия Вилсон, прошу за мной, — строго сказала женщина. Весь её вид говорил о том, что она чувствует себя максимально уверенно, и, что бы ни произошло, здесь будут играть по её правилам.

-Чтобы мы не теряли времени, мне нужен человек, пришедший раньше всех и вышедший позже всех вчера. И главный в офисе, — у Джейка не было времени гадать кто есть кто. Нужно было находить концы ниточек, ведущих к разгадке местонахождения Шерон, как можно быстрее.

-В таком случае вам повезло. Перед вами человек, сочетающий все три персоны, названные вами, — через плечо гордо ответила Валерия Вилсон.

Наконец, она завела их в достаточно просторный кабинет, по которому можно было не раздумывая сказать, что человек, обладающий им максимально ответственен, пунктуален и необычайно серьёзен. Весь интерьер был идеально подобран, все вещи лежали на нужных местах. Ни одна деталь не выбивалась из общей картины. Дубовый стол, кожаное кресло за ним и ещё два кресла, обитых мягкой тканью, перед ним, широкий объёмный шкаф, скрывающий сотни папок и бумаг. Всё было выполнено в единой цветовой гамме тёмного дерева, даже паркет, будучи чуть светлее, идеально дополнял интерьер.

-Итак, вы хотели задать мне пару вопросов, и я непременно отвечу на них, — сверкнув глазами из-под очков, — только если они не будут угрожать репутации моей компании, моих сотрудников и моей.

Это высказывание было в некоторой роли комично, учитывая, что Мейрон был городок небольшой, а этот офис, носящий его имя, был ещё меньше. И ещё менее кому известен. Но Джейку было далеко не до смеха. Ему не понравилось, что Вилсон пытается диктовать правила, даже такие, которые не слишком помешают расследованию. Но сейчас у него не было времени на споры и препирательства.

-Гарантирую, что вам не о чем беспокоиться. И это ваше законное право. Но также прошу вас помнить, что сокрытие информации, а ещё хуже – передача заведомо ложной следствию – это уголовное преступление.

-У нас не так много времени, так что давайте начнём.

-Конечно. В какое время Шерон Лайрон покинула офис вчера, двадцать шестого сентября?

-Шесть часов вечера, между десятью и пятнадцатью минутами.

-Она покинула офис одна или с кем-то?

-Шерон обычно подвозит сотрудника моей фирмы, Дейва Шойза. Он её близкий друг, насколько мне известно.

Бен записывал каждое слово в небольшой рабочий блокнотик. За что Джейк и ценил его – так за то, что он всегда успевал всё записать слово в слово, ничего не пропустить. И он всегда подчёркивал важные слова или фразы, либо если они были таковыми по его мнению или же говоривший их явно юлил или любым иным способом выдавал себя, что он лжёт. И в этот раз Джейк заметил краем глаза, как Бен обвёл имя лучшего друга Шерон. Первая зацепка для дальнейшего расследования.

-Были признаки ссоры между ними, или же какого-то недовольства, агрессии? – после минутной паузы, продолжил Джейк.

-Нет. Всё абсолютно как обычно. Повторюсь, они являются лучшими друзьями.

-Как вы бы могли охарактеризовать Дейва? С позиции агрессии.

-За три года работы в моей компании за ним не замечено ни одного всплеска агрессии или анти социального проявления. Не думаю, что он бы мог причинить мисс Лайрон какой-либо вред.

-На чём они покинули офис?

-На машине Шерон. Красного цвета, если не ошибаюсь – какая-то модель то ли Audi, то ли BMW – к сожалению, я не сильна в марках автомобилей.

-Были ли какие-либо у Шерон ссоры с коллегами?

-Абсолютно никаких.

-Возможна ли зависть с их стороны?

-Не могу ответить на ваш вопрос, так как не знаю. Конечно, женщины могут позавидовать ей за необычайную красоту и активность, но никаких проблем, насколько я знаю, она никому не доставляла. Никаких жалоб со стороны коллег или же со стороны Шерон ни на кого не было.

-Хорошо. Благодарю вас за информацию. Но у меня будет ещё одна просьба.

-Я слушаю.

-Как я помню, у вас рабочий день начинается в девять часов. И сегодня

как раз у вас не выходные?

-Именно, — чуть озадаченно, но те не менее также уверенно ответила Валерия Вилсон.

-Не могли бы мы ещё задержаться у вас в кабинете? Чтобы поговорить здесь с мистером Дейвом? – Бен посмотрел на Джейка и поддержал его лёгким кивком.

-Да, конечно. Я позову его к вам, как только он придёт. А пока что мне нужно проследить за пунктуальностью моих сотрудников. Прошу меня извинить.

-Конечно, ещё раз благодарю вас.

Джейк позволил себе немного расслабиться и развалился на стуле покомфортнее. Его шея немного затекла после этого небольшого нелёгкого допроса. С Валерией Вилсон было очень тяжело разговаривать. Джейк чувствовал себя первоклашкой, внимательно смотрящим в глаза суровой учительнице и боящийся сделать что-нибудь не так.

-Я могу закурить? – Бен уже держал в руке портсигар.

-Ни в коем случае, — ответила Вилсон, глянув своим самым грозным ястребиным взглядом на помощника детектива, и немедленно вышла из кабинета.

-Валькирия, чёрт возьми, — недовольно проворчал Бен, поёжившись и убирая портсигар в карман висящего на спинке стула пальто.

Джейк слегка улыбнулся краешком рта, вспомнив, как совершенно также её называла Шерон.

Дейв

-Мистер Шойз, проследуйте в мой кабинет, пожалуйста, — едва я переступил порог офиса, как этот ужасный знакомый голос моей начальницы буквально сбил меня с толку.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я представить себе не мог, в чём я провинился. Но увольнение в данный момент было бы не самым приятным поворотом событий для меня. Поэтому я буквально молился, чтобы меня загрузили дополнительной работой или попросили работать на выходных. Чёрт возьми, что-то в последнее время всё идёт как-то

странно и наперекосяк.

Ещё больше я был удивлён, когда открыв дверь кабинета, обнаружил там Джейка Рэннел и ещё одного, незнакомого мне мужчину. Один мне не нравился почти с самого детства, другой – с первого взгляда. В глубине души я начал осознавать, о чём будет разговор. Но также я помнил просьбу Шерон. Я должен её выполнить, я пообещал ей. Лучше бы меня уволили.

-Здравствуй, Дейв, — Джейк встал со стула и протянул мне руку. Я пожал её, — это Бен Росли, мой коллега.

Я посмотрел на Бена угрюмым взглядом, после чего опустил глаза в пол и так и продолжал стоять, не зная, что делать дальше. Мне было одновременно и жалко Джейка, ведь судя по его неидеальному виду, он сильно переживал, но с другой стороны это был мой шанс отомстить ему. В конце концов, он заслужил небольшой нервотрёпки.

-Присаживайся на стул, — Джейк указал на тот самый стул, который освободил.

Сам же он встал, упершись о стену и скрестив руки на груди.

-Вчера вечером, двадцать шестого сентября, после шести часов вечера, вы выходили из офиса вместе с Шерон Лайрон, всё верно?

-Д-да, — во рту у меня пересохло и мне было ужасно сложно отвечать ему. Ещё и скрип ручки — этот Росли действовал мне на нервы. Такое ощущение, что он специально усиленно выводил каждый символ, как бы терроризируя меня. Ещё и его ежесекундные поглядывания на меня вкупе с неотрывным холодным взглядом Джейка просто сводили меня с ума. Как же я был зол. Я слегка погрузился в себя. Мне стало абсолютно всё равно, что происходит вокруг. Мне только хотелось побыстрее выйти отсюда.

-Дейв, нам важно знать всё, что было связано с Шерон вчера.

-Что-то произошло? – как можно невозмутимее, всё также продолжая рассматривать паркет, спросил я. Голос Джейка как будто доносился издалека.

-Прости Дейв, но сначала мы бы хотели услышать твою версию вчерашнего дня. Это очень важно, поверь мне.

Они играли со мной в свои детективные игры. Я прекрасно понимал, почему и что происходит. Скорее всего, после рабочего дня все видели, что мы уехали с Шерон. А значит я – единственная зацепка Джейка. И,

чёрт возьми, как же мне хотелось рассказать ему правду, что с Шерон всё в порядке, и что она не хочет его больше видеть. Посмотреть в его растерянное от таких слов лицо. Но я не мог.

-Вчера Шерон подвезла меня до дома, потом мы пару часов разгребали её завал по работе. Ну и потом она уехала домой. Всё, — после паузы ответил я.

-В каком примерно часу, Дейв?

-Примерно в полдевятого, минут десять плюс-минус.

Я поднял на Джейка глаза и успел зацепить последний миг его короткого кивка своему коллеге. Я почувствовал, как холодок пробежал у меня по спине. Словно подсудимый на древнеегипетском суде, совершаемый их богами после смерти. Мне было безумно интересно, сохранили ли мои весы равновесие. Или же Джейк со своим помощником прочитали меня словно открытую книгу. Что же меня ожидало?

-Дейв. Я обязан сказать тебе... Шерон пропала, — почти шёпотом сказал мне Джейк. Он с грустью посмотрел на меня, после чего опустил глаза. Но я успел заметить в них странный блеск.

-Я... Я уверен, с неё всё в п-порядке, — громко заявил я. В этот момент мне очень, очень сильно хотелось признаться.

-Я тоже на это надеюсь. Ладно, Дейв, мы больше не задерживаем тебя. Дай мне знать, если вспомнишь или узнаешь что-либо.

Я вышел из кабинета, немного пошатываясь. Джейк не оставит всё просто так. Он будет искать её, поставит весь город на уши. До каких размеров разрастётся вся эта история мне даже представить жутко. Надеюсь, Шерон знает, чего хочет и что делает. Но мне было попросту страшно.

Весь день превратился в сущий ад для меня. Впрочем, судя по всему, это был лишь следующий уровень ада в моей жизни. Слухи в нашем офисе-деревне расползались с неимоверной быстротой. Наверное, каждый работающий со мной в компании, в независимости от того, знакомы ли, да даже видел ли я его хоть раз, посчитал своим долгом с горестно-убитым видом посочувствовать мне, дружески похлопать по плечу или посмотреть на меня таким взглядом, будто я смертельно больной, и жить мне осталось от силы пара минут. Маскарад уродов. Как легко люди, находящиеся в том или ином коллективе превращаются в стадо. Им всем совершенно плевать на Шерон, на меня. Абсолютно. Но

если сама начальница – Валерия Вилсон, подошла ко мне и высказала свои соболезнования и поддержку, то всем надо, словно паломникам, следовать её примеру. Мерзко и отвратительно. Меня тянуло блевать при всём этом многообразии человеческой тупости.

Надо сказать, также, что «валькирия» предложила мне отправиться домой, возможно, даже взять отпуск, чтобы привести себя и свои мысли в порядок. Но я решил мягко отказаться, сославшись на то, что уверен, что с Шерон всё в полном порядке. Она лишь едва заметно покачала головой и наконец оставила меня в покое. Но я почему-то боялся вернуться домой. Шерон меня пугала. Не знаю почему. Но всё было как-то чрезвычайно необычно и странно.

-Мне очень жаль, что Шерон пропала. Правда. Она очень хорошая. Была...

Я поднял голову и недоумённо посмотрел на говорившую. Это была Зоя Олан. Кажется, заблудившись в своих мыслях, я задремал.

-Я надеюсь, что она найдётся. Живая и здоровая, — стеснённым движением руки она поправила соскользнувшую прядь волос.

Я вспомнил слова Шерон о том, что она, кажется, неравнодушна ко мне. Хоть Зоя мне совершенно никак не нравилась, но я почувствовал некоторое смущение. Сложно говорить с человеком, осознавая его чувства к тебе и при этом не разделяя их.

-Я знаю, что с ней всё в полном порядке, — упорствуя, ответил я и отвернулся.

Она постояла ещё пару минут. Я чувствовал на себе её сочувствующий взгляд.

-Я тоже на это надеюсь, — мягко сказала она, и после я услышал звук её удаляющихся шагов.

Мне стало совсем хреново. Я больше не мог сидеть здесь и терпеть. Я резко встал, схватил свой пиджак и направился на стоянку, к своей машине. Проходя по коридорам, я чувствовал на себе эти бесконечные сочувственные взгляды. Идиоты. В голове стучала лишь одна мысль – им наплевать на нас. Они просто играют свои роли. Для себя. Для окружающих. Если бы с Шерон действительно что-нибудь случилось, они также ходили бы со скорбными лицами передо мною, а потом щебетали бы за углом о моде или смеялись бы над пошлыми шутками. Как же я ненавидел это двуличие, эту низость и подлость. Ведомые на поводу,

они даже не представляли, сколь они жалки. Мне нужно было как можно быстрее покинуть офис. Но возвращаться домой я ещё не хотел. Мне нужно было собраться с мыслями и немного передохнуть.

Подойдя к машине, я уже хотел сесть в неё, как на глаза мне попалась броская вывеска кафе. Раз уж в последнее время творится не пойми что, почему бы мне не посетить это ужасное место? Я открыл тяжёлую дверь, с уже достаточно сильно облупившейся белой краской и шагнул внутрь. Хотя на улице было светло, но внутри было немного темнее, как будто краски вокруг потеряли насыщенность. Такой эффект давали мутные, слегка грязноватые окна, такие что окружающие пейзажи кафе теряли свои контуры и цвет. А дешёвые тусклые лампы никак не могли заменить солнечные лучи. Обитые искусственной кожей диваны никак не сочетались с пластмассовыми стульями. Расставленные вокруг покрашенных деревянных столов они создавали такой хаос, что хотелось как можно быстрее бежать отсюда подальше, лишь бы не видеть это буйство безвкусицы. Шерон иногда любила выпить здесь кофе. Она говорила, что здесь очень хорошие милые официантки и спокойная тихая атмосфера.

-Что будете заказывать? – ко мне, наконец, подошла девушка, которой на вид было лет шестнадцать. Я бы совершенно не удивился, если бы вечером услышал точно такую же фразу от неё в каком-нибудь затхлом притоне, в которые если тебе даже уже есть восемнадцать — трижды подумаешь, стоит ли в него идти. Как же всё мерзко утроено. Кто-то может и в тридцать, сорок лет целыми днями заниматься чем душе угодно, пока не сдохнет в ближайшей канаве, а кому-то нужно вкалывать с самого детства. Те кто говорят, что мир прекрасен просто никогда не были на месте тех, кто плюнул бы им за такую фразу в лицо, будь у них такая возможность.

-Чашечку кофе и тост с маслом, — она записала мой заказ в блокнотике и, поблагодарив за заказ, унеслась куда-то вглубь кафе.

К моему огромному удивлению, это заведение явно не горевало по клиентам. Люди сновали туда сюда, несколько раз я даже видел знакомые лица, но я сразу же отворачивался, не желая быть узнанным. Просто удивительно. Есть же сотни мест, где еда и сервис лучше. Но некоторым хватает и тех объедков, которые им подкинут здесь.

-Слыхал, Шерон говорят, пропала, — услышал я пропитый голос за соседним столиком, отделённым от меня листом тончайшей фанеры.

-Не та ли, с которой ты не прочь был поразвлечься?

-Да я со всеми, у кого хоть немного милое личико и нет лишнего между ног готов поразвлечься. Ты же меня знаешь, Джонни.

Ответом ему был смех. Человека три-четыре. Пропитые, прокуренные ублюдочные отбросы общества. Я чувствовал, как моё лицо наливается кровью. В висках начало стучать от злости.

-Ну, хорошо, пропала она, к чему ты это?

-Да к тому, что слыхал я, что это друган её, дрыщеватый такой, не от мира сего укокошил. Они типа со школы ещё дружили, а теперь вот так вот.

-Откуда ты такой бред выуживаешь. Может на трассе кто платить не захотел лишнюю двадцатку. Все эти ангелочки на самом деле те ещё шлюхи.

-Да говорю тебе, его сегодня в офисе допрашивал детективчик наш. Говорят, что он ещё её бойфренд типа был. А это думаю не с проста, ой как не с проста.

-Бред, — заявил самый басовитый голос, и раздался удар кулака по столу, — полный бред! Ахинея. Этот со школы руку в кулак согнуть не мог. Какое ему убийство. Просто след ищут. А вы как старые бабки расселись и перемалываете всякий мусор здесь.

-Да всё что угодно может быть. Не по тем у тебя слюнки текут, Френк.

-Верно Джони говорит. Она бы тебе никогда не дала, так что не ищи её даже.

Опять гогот, похожий на лай подстреленных дворняг. Я вскочил, не в силах больше слышать такое. Компания разом посмотрела на меня и у двух из них, чьи лица мне были немного знакомы, отвисла челюсть на полуслове. Официантка уже несла мой заказ. Но я был не в силах там оставаться. Она остановилась около меня и с испуганным взглядом смотрела попеременно то на меня, то на сидящих, застывших в безмолвной тишине. Я положил на поднос несколько купюр, покрывавших мой заказ с достаточно большим плюсом, после чего уже хотел выйти, как голос сзади остановил меня.

-Эй, стой, — судя по голосу, это был Френк, — ты же дружбан тот, которого подозревают, не?

Я обернулся и оказался с ним лицом к лицу. Я молча утупился в пол. Мои кулаки были с силой сжаты, так, что ногти врезались в ладони.

-Разве не? Так что, расскажешь нам, что тебе известно? – как же изменился его голос. С залихватского бравого на уверенный, но пропитанный таким интересом, что даже его глаза блистели от возможности услышать небывалую сенсацию. Ещё один бич ублюдков. Они обожают сенсации.

Я слегка отвёл локоть и ударил ему кулаком в район щеки. Он потерял равновесие и упал в продолжении направления удара. Я буквально вылетел из кафе и, прыгнув в машину и увидев лишь выбегающих дружков этого урода, умчался подальше от этого поганого места. Моя рука ужасно болела, казалось, что я сломал себе кость. Но ехать в больницу мне не хотелось. Я просто мчался вперёд, не видя ни того, что впереди, ни того, что сзади. Я ударил человека впервые. Именно кулаком, прямым ударом в лицо. Но я не чувствовал раскаяния. Эта мразь заслуживала и похуже. Меняйся или сдохни – эта мысль пульсировала у меня в голове. Надеюсь, я начал меняться.

Джейк

-Что скажешь, шеф? – Дейв только вышел из кабинета, как Бен развалился на своём стуле, закинул ногу на ногу и теперь, покручивая в руке сильно желанный портсигар, смотрел вопросительно на меня.

Джейк оставался всё в той же позе – со скрещенными руками и несколько секунд размышлял.

-Я бы не стал отметать вариант, что он как-то причастен к её исчезновению. Он всегда ведёт себя странно, особенно если я в поле его зрения. Но сегодня он был особенно взвинчен. И мне не понравился его взгляд.

-А я бы сказал, что если что и случилось, — Бен, кряхтя, встал со стула, — то он тут ни при чём. Если он и относится как-то к Шерон, то в районе от «друг навсегда» — до «влюбленный навсегда». А в смеси с тем, что он ни на что не способный бесхребетный ангелочек, то можно смело вычёркивать его из списка.

-Пока подождём с этим.

Джейк с Беном вышли из кабинета и пристально оглядели офис.

-Есть ещё предложения? – спросил Бен. Ему явно уже охота было покурить, так как в его пальцах прослеживалась едва заметная судорога, да и портсигар он убирать никак не собирался.

-Пока нет. Но не думаю, что без зацепок мы сможем добиться чего-либо. У нас нет тела, а значит нужно в десять раз больше усилий, чтобы закрыть расследование.

Джейк прекрасно понимал, что кого бы они ни спросили из коллег Шерон, всё, что они услышат – вздохи и ахи. Не потому что кто-то будет что-то скрывать или строить из себя актёра драмы, нет. Пропажа даже не слишком хорошо знакомого человека – это удар для любого с нормальной психикой. Вот был человек и раз – его больше нет. Такое представить себе ужасно сложно, а пережить – невероятно страшно. Поэтому Джейк решил повременить с опросом коллег. У него была более перспективная идея. Но была и одна очень важная проблема. Детективы были ограничены в своих возможностях, так как ими ещё не было получено разрешение от шефа полиции на проведение расследования. Джейку оставалось только надеяться, что он поддержит его. Потому что в ином случае ему придётся действовать на грани с законом. Но в чём Джейк был точно уверен – он не отступится.

Через час Джейк и Бен стояли в кабинете Билла Трая. Его можно было охарактеризовать, как «хорошего» полицейского. Он не выделялся ничем особенным, но, тем не менее, все его уважали и любили не только в участке, но и вне него. Несколько грузный, с покрытым сединой затылком, Билл Трай, в свои шестьдесят два, всё равно оставался активным и справедливым, каким он старался быть на протяжении всей своей карьеры. На полке его кабинета стояли три фотографии: на первой была запечатлена его свадьба – на ней он стоял, обнимая свою красавицу жену и широко улыбаясь. Под смокингом угадывались крепкие мышцы и стройная фигура. На второй – Билл с женой и их тремя, тогда ещё маленькими детьми школьного возраста. Всё также улыбающиеся, но уже слегка подбитые семейной жизнью. И на последней, поставленной на полку буквально в начале этого года – опять же счастливая брачная чета, уже сильно постаревшая, но в окружении человек двадцати, не меньше родни. Счастливая семья. Вполне возможно, что если бы Билл был более «пробивной», стремился бы к росту карьеры, то непременно достиг бы недосягаемых высот. Но он был тем, кем был – стариком Биллом, блюстителем порядка в маленьком городке.

Бен стоял чуть поодаль от Джейка, всем видом показывая, что он ни в чём не замешан и примет любое решение Билла Трая как должное. Было видно, что он слегка нервничал. Джейк же оставался невозмутимым.

-Джейк, будем честны, — начал Билл, — сегодня ты поступил не совсем по протоколу. Я прекрасно понял, что ты сказал, о том, что твоя девушка в опасности, но и ты меня пойми – ты расстроил меня очень сильно.

-Трай, сэр, — Джейк стоял, выровнявшись в струну, и неотрывно смотрел в глаза старику-начальнику, — всё, что мне нужно, это ваше разрешение начать расследование. Я готов сам подать заявление о пропаже Шерон, если это потребуется.

-Я прекрасно понимаю тебя, сынок, на твоём месте я поступил бы также, но субординация и порядок неимоверно важны в наших рядах.

-Понимаю, сэр, но...

-Я, конечно же, дам тебе разрешение и ты непременно раскроешь это дело, но пойми, меня пугает другое, — Билл глубоко вздохнул и продолжил, — я в любом случае надеюсь, что то, что произошло — не перечеркнёт твою карьеру детектива. Не выбьет из колеи.

-При любом исходе я буду в строю, сэр.

-Охотно верю, — он слегка улыбнулся, — пришли письма из трёх городов-миллионниках и одно из столицы. Тебя хотят видеть в рядах лучших.

Джейк продолжал сохранять невозмутимый вид, но его сердце забилось намного чаще. Он всегда мечтал об этом. Всю жизнь. И Шерон поддерживала его. Ещё бы пара дней и они уехали бы с ней из этого Мейрона. И Шерон бы не пропала. Как много в нашей жизни решает случай.

-Если вы хотите, я могу остаться и работать здесь.

-Нет. Нет, нет и ещё раз нет. Ты давно перерос нас, — Джейк прекрасно знал, что Билл Трай так ответит. Но обижать старика, хватаясь за эти предложения сразу, ему не хотелось. Как и упускать их.

-Тогда я рассмотрю данные приглашения сразу же после завершения моего дела.

-Прекрасно. Тогда приступай, вернее, продолжай работу. И я желаю тебе удачи. Я понимаю, насколько Шерон важна для тебя.

-Спасибо, сэр.

-И Бен, не кисни там. После ухода этого молодого орла ты получишь его место главного детектива.

Джейк развернулся, чтобы выйти из кабинета, как Билл Трай схватил его за плечо, встав со своего кресла и перегнувшись через стол с удивительной прытью для его возраста.

-И Джейк, прошу тебя – чтобы ты не выяснил, не натвори глупостей. Я умоляю тебя.

-Конечно, — Джейк не опустил глаз и ответил, стараясь сделать это максимально уверенным голосом, и вышел вслед за Беном.

В глубине души ему было больно обманывать старика Билла. Но он знал, что если Шерон была похищена или убита, то тому, кто это сделал несдобровать. Джейк твёрдо решил не дать ему гнить в тюрьме или психушке по невменяемости. Расплата одна – смерть. Главное только вынудить убийцу напасть, тогда у него будут веские причины всадить мрази пулю в лоб.

Теперь, ведя расследование официально, Джейк решил продолжить следовать по единственной веревочке, ведущей к возможной разгадке исчезновения Шерон. Дейв Шойз жил на отшибе города, его дом стоял почти вплотную к простиравшемуся лесу. Тихий малозаселёный район не позволял опросить кучу свидетелей, так как их попросту почти не было. Но на счастье, в соседнем доме доживал свои дни Рикон Нилс – не самый приятный старикашка, которого очень хорошо помнили в полицейском участке. И не за криминальные выходки, а за постоянные звонки и заявления на любой вкус. Начиная от по типу – несовершеннолетние хулиганы ходят по улице после одиннадцати часов и заканчивая недосдачей на кассе в магазине. Полицейские прозвали его «сторожем», кто-то – «местным бэтменом», за его повышенную бдительность и желание, как он сам говорил – навести порядок хотя бы в этом прогнившем городе.

Поэтому ни Джейк, ни Бен не удивились, что когда они позвонили в дверь, «сторож» буквально через секунду открыл дверь и, узнав, что к нему пришли детективы начал строить свои теории.

-Наконец-то, я уж думал моё заявление о тех маленьких ублюдках, залезших на мою лужайку пропало, утонув в лени ваших недотёп, — ворча и подкашливая через слово, пробурчал Рикон Нилс.

-К сожалению, сегодня мы пришли по уголовному преступлению, а не административному, — совершенно спокойно ответил Бен.

У старика подкосились ноги. Он как-то сразу скукожился и скрючился. В его глазах испарилась та уверенность и гнев правосудия, что царили пару секунд назад.

-Я... я ничего не делал противозаконного... Никогда, ни в коем случае, вы что...

-Нет-нет, что вы, мы хотели бы получить информацию, связанную с исчезновением Шерон Лайрон, — хотел успокоить его Джейк, но это лишь больше разволновало старика.

-Я-я н-ничего не д-делал с ней, — его язык начал заплетаться. Джейку было ни к чему, если бы человек, который мог дать зацепку, внезапно скончался.

-Вы ни в коем случае не в списке подозреваемых. Но я надеюсь услышать от вас только правду и никакой лжи. Вы зарекомендовали себя, как человек честный, и я верю и надеюсь, что вам нечего скрывать.

-Конечно же, я вам расскажу всё, что знаю и слышал, пройдёмте в гостиную, детективы, — поразительное исцеление произошло в одно мгновение. Старик снова стал живее всех живей и бодро поскакал по коридору, приглашая Джейка и Бена.

-Идиот... — тихо прошептал Бен.

Джейк глянул на него, давая ему знак помалкивать. Но в глубине души он был согласен с напарником. Поведение старика ему ужасно не понравилось. Либо он знает, что-то такое, чего боится, либо он просто «идиот», как метко подметил Бен. В любом случае, список подозреваемых расширился на одну позицию.

Нилс предложил гостям сесть на сложенный диван, а сам уселся в кресло-качалку, попутно жалуясь на боль в спине и суставах. Несмотря на то, что интерьер напоминал стилистикой годы шестидесятые, домик сам по себе был внушительных размеров. Стеклянный стол располагался между детективами и «сторожем», рядом с которым стояла деревянная резная тумбочка с тяжёлым телевизором на ней. Стены были обклеены толстыми качественными обоями, а на потолке – огромная литая люстра.

-Вы уж извините меня, что не предлагаю чаю, но в последнее время у меня очень сильно болят ноги и спина, — с сожалением заявил Нилс. – И

боюсь, у вас нет столько времени, чтобы ждать нерасторопного старика.

-Что вы, мистер Нилс, не стоит. И к тому же вы правы, времени у нас не хватает.

-Тогда я готов ответить на интересующие вас вопросы, джентльмены.

-Не могли бы вы нам рассказать о вчерашнем вечере — в районе шести – девяти часов вечера.

-А что именно вы бы хотели услышать? Касательно моего времяпрепровождения или пропавшей девушки? – иронично прошепелявил старик.

-Расскажите нам всё, — ответил ему Джейк.

«Сторож» воспринял его буквально. Он начал повествовать о том, как к шести часам вечера он был ужасно уставший после прогулки по городу, во время которой он лицезрел ужасы современного общества, полный разврат и хаос. Поэтому, собравшись с силами, он подстриг свою лужайку, осквернённую двумя днями ранее глупыми спиногрызами, которым он сделал замечание за то, что во время одной из прогулок они чуть не попали в него футбольным мячом, который он с удовольствием отобрал у них и, разумеется, как честный гражданин, отдал их родителям, которые оказались неблагодарными тварями и вместо благодарности он услышал несколько замечаний касательно его умственных способностей. После чего он ещё минут десять говорил совершенно ни о чём, непременно жалуясь и поливая грязью всех вокруг. Пока Джейк не выдержал и не попросил его вернуться ближе к теме. Его неимоверно утомил этот «сторож». Он чувствовал, как от бесконечно скачущих совершенно в разные темы рассказов его сознание меркнет, и веки наливаются свинцом.

Джейк украдкой взглянул на Бена. Его напарник сидел всё также вальяжно, но, тем не менее, он был абсолютно бодр и свеж, и с неимоверной скоростью продолжал записывать всё то, что говорил Нилс. За это все и ценили Бена Росли. Он был способен выполнять самую муторную работу с полной самоотдачи. Иногда, правда, с недовольным лицом.

-И вот, после такого утомительного дня я никак не мог заснуть из-за своего соседа Дейва и подвёзшей его девушки. Она очень часто заезжает за ним утром и привозит вечером. Не знаю, что за шашни у них там, но они сидели уже поздно вечером на балкон и непрерывно о чём-то трепались. Я не мог уснуть из-за их смеха и разговоров. Чёртовы

голубки. Лишь когда эта девушка уехала на своей чёртовой машине, я сумел уснуть, — закончил своё повествование Нилс.

Джейк напрягся. Если Шерон уехала, то вероятность того, что Дейв не виноват в её исчезновении возрастает. И тогда где дальше искать зацепки совершенно неясно.

-Вы уверены, мистер Нилс, что уехала девушка одна?

-Да, детектив. Окна в доме погасили буквально через полчаса. Их приехало двое. Кто-то уехал. А кто-то выключил свет. Простая математика, — брюзгливо заявил старик.

-Но вы же сказали, что сразу же уснули, — совершенно спокойно вдруг спросил Бен.

-Вам было бы интересно знать, что старику нужно опустошить свой мочевой пузырь перед сном? Довольны, что я признался?! – «сторож» вдруг впал в такую ярость, что Джейк пришёл в крайнее изумление, увидев и услышав, на что ещё способны голосовые связки этого старика.

-Благодарим вас за информацию, сэр, нам пора.

У Джейка не было времени успокаивать безумного старика. Ни времени, ни сил, ни желания. Он поспешно покинул дом и, дожидаясь у крыльца дома, принялся рассуждать, что же делать дальше. Наконец, через пару минут, из дома ретировался и Бен.

-Ну спасибо, удружил. Мог бы подождать меня. Он на меня как коршун напал, обвиняя во всех грехах полиции и человеческих, — недовольно пробурчал Бен, доставая портсигар и закуривая.

Джейк в ответ усмехнулся. Они неподвижно стояли вдвоём у забора старика Нилса, погрузившись каждый в свои мысли. Выходило, что Шойз никак не причастен к исчезновению Шерон. Только если не отправился вслед за ней через десять, двадцать минут или полчаса – теперь уже не узнаешь. Сколько отливал единственный свидетель – неизвестно. А значит неизвестно, успел бы Дейв догнать Шерон или нет, если бы последовал за ней. Вот только мог ли быть «сторож» причастен? И говорил ли он правду?

-А что скажешь вообще о «стороже», — неожиданно спросил Бен, кидая окурок и растаптывая его носком своих туфель.

-Безумный идиот.

-Справедливо. А вообще он же учителем раньше был, как-то проводил у нас пару занятий. Жена у него ещё была, она вот у нас вообще классной руководительницей была. Тогда они молодые ещё были. Вроде как она была любовью всей его жизни, — Бен смотрел на лесную чащу мутноватыми глазами, — А как преставилась — у него крыша и поехала. Печальная на самом деле история.

-Ничего себе, — искренне удивился Джейк. — Как много же таит в себе история, даже и не столь далекая от нас.

-Но он и тогда в принципе был идиотом, — тряхнув головой, вдруг заявил Бен. — Командуй, шеф, что делаем дальше.

Дейв

Я медленно подъезжал к своему дому. Окна были темны – ни в одной комнате не горел свет. Меня это почему-то жутко пугало. Поставив в гараж свою машину, я медленно побрёл к крыльцу. Хотя на улице было довольно холодно, а на мне были лишь свитер, футболка, джинсы и кроссовки, я ощущал жар, расползавшийся по всему моему телу. Я тихо крался по коридорам, сам не знаю зачем. Настенные часы гостиной показывали полдевятого вечера. Сколько же времени я проездил по улочкам города, прогулялся по единственному парку и ещё занимался чёрт знает чем, лишь бы не возвращаться домой. Половицы тихонько скрипели у меня под ногами, но их шум сильно резал по моему слуху. Словно тень, я крался по собственному дому.

Наконец, в спальне на втором этаже я обнаружил Шерон. Она мирно посапывала, уткнувшись лицом в подушку. К моему удивлению, она была в синем платье. Оно чертовски шло ей, но я точно помнил синие джинсы и красную рубашку на ней утром. Она успела съездить домой и взять вещи? Но машины её нет — значит дошла пешком? Или на самом деле прихватила их ещё прошлой ночью из дома, а я просто не заметил? Вопросов рождалось в моей голове всё больше, а вот прирост ответов – ноль. Слегка пошатываясь, я спустился на кухню. Там меня ждал небольшой разогретый ужин. Я улыбнулся.

Покончив с едой, я кинул взгляд на наручные часы. Они показывали примерно полдесятого ночи. Подумав, что они сломались, я перевёл взгляд на часы, висевшие прямо напротив меня на стене. Так же полдесятого.

Похоже, я так вымотался, что задремал. Или опять утонул в своих мыслях. Как же я ненавидел это в себе. Я просто мог зависнуть на неопределённое время, в независимости от того, что происходит вокруг. Удивительно ещё, что во время таких приступов меня не отправили куда подальше лечиться. Хоть с этим повезло.

-Надеюсь, тебе ужин понравился? – Шерон стояла у меня за спиной, опираясь рукой на мой стул.

-Шерон! Ты меня напугала, — признался я. — А ужин был просто великолепный... просто я ужасно устал.

Она слегка улыбнулась.

-Ты была весь день дома? – чтобы хоть как-то прервать затянувшуюся паузу, спросил я.

-Да. А где всё это время был ты? Я думала, ты вернёшься сегодня пораньше. — В её голосе слышалась обида.

-Прости меня. Мне... мне нужно было немного проветриться.

-Что-то случилось?

-Джейк заявился на работу и устроил мне небольшой допрос.

-Какой ужас! – неподдельно воскликнула Шерон. — Но почему?

-Видимо, я значусь в списке подозреваемых.

-Подозреваемых в чём?

-В твоём исчезновении, Шерон.

Она сильно побледнела и, на ватных ногах, села на ближайший стул. Она была ужасно растеряна. Мне стало жалко её. Почему бы всем не оставить её в покое? Джейку, его напарнику, начальнице – да всем в городе, что с наслаждением смакуют новости о её исчезновении. Не часто в нашем городке что-то происходит уникальное. И тут пропажа человека. Да, не пропитого алкаша, провалившегося в канаву или в реку, а молодой красивой девушки. Такие новости и сплетни всегда в ходу. Но почему? Почему человеку хочется знать всё и обо всех вокруг? Как будто ему не хватает собственной никчёмной жизни.

-Но, я надеюсь, ты сдержал своё обещание? — вдруг буквально прострелив меня ледяным взглядом светящихся зелёных глаз, вдруг спросила она.

-Разумеется, Шерон, — как бы мне не хотелось, я всё же ни в чём не признался Джейку, а значит, выполнил её просьбу.

-Спасибо тебе, Дейв, — она вдруг вспорхнула со стула и нежно поцеловала меня в щёку.

Я был ужасно смущён и обескуражен. Мне хотелось схватить её и поцеловать по-настоящему – долго и страстно, но она уже упорхнула от меня и стояла в дверях кухни, широко улыбаясь.

-Спокойной ночи, Дейв.

-Спокойной, Шерон.

Она убежала по лестнице на второй этаж, а я, посидев ещё с десять минут, поплёлся в свою унылую одинокую спальню. Проворочавшись наверное целую вечность и не переставая думать о Шерон, я забылся тяжёлым мрачным сном.

Мне снилось, что Шерон не вернулась в ту ночь. Я лежал на своей лужайке около дома, сжимая в руке осушённую до дна бутылку вина. Моё сердце разрывалось на части, слёзы образовывали ручейки на моих щеках, скатываясь на коротко подстриженные травинки. Я лежал, неотрывно смотря в бесконечно глубокое чёрное небо. Ни одна звезда, ни луна не светили из его глубины. Лишь только пустота. Я медленно, собрав последние силы, поднялся на ноги и поплёлся обратно в дом. Несколько раз я падал на колени, но снова поднимался и заставлял себя идти вперёд. Я знал, что мне делать. Я знал, каков мой единственный выход. Передо мной уходила ввысь моя до боли знакомая лестница на второй этаж. Четырнадцать ступенек. Всё также сжимая бутылку, я начал восхождение. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой – я не шёл, я полз по ним. Лампа из коридора едва освещала мой подъем. Передо мной – лишь чёрная мгла. Наконец, совсем обессилев, я упал, преодолев последнюю ступеньку. Я опять лежал, а боль с новой силой разрывала мою грудь, мои лёгкие, моё сознание. Мне было тяжело даже вздохнуть от этой всепоглощающей боли. И вот я снова поднимаюсь на ноги, опираясь свободной рукой обо всё, что попадается мне по пути. Делаю неуверенный шаг, за ним ещё один, чуть увереннее, потом ещё и ещё. Еле послушными пальцами набираю код. Отбрасываю бутылку и беру в руки тяжёлый револьвер. Я сползаю на пол, неотрывно вглядываясь в идеальные формы этого прекрасного оружия. Ещё мгновение – и я чувствую холодную сталь дула у себя во рту. Нажимаю на курок – и весь мир вокруг взрывается. Тьма принимает меня в свои объятия.

-Дейв! Дейв!

Кто-то звал меня и усиленно тряс за плечо. Я резко проснулся, весь в холодном поту. Горло ужасно болело, как будто я сорвал его от крика. У меня были подозрения, что так оно и было. Шерон испугано смотрела на меня.

-Ты кричал во сне и так брыкался, как будто бежал от чего-то. Всё хорошо? – в её глазах читалась бескрайняя забота, согревавшая моё сердце и возвращавшая мне рассудок.

-Теперь да, — обнимая её, ответил я и повторил тише, — теперь да.

Джейк

В отделении было неспокойно. Джейк и Бен размеренно шагали к кабинету начальника участка – Биллу Траю. Хоть в городке и редко происходило нечто экстраординарное, но работать здесь умели. И вот теперь Джейк по большей части самолично поставил всех на уши. Сам подал заявление о пропаже человека, сам проводит расследование. Но от этой мысли ему было только спокойнее. За себя он знал, что работу делает с максимальной ответственностью. А уж это расследование он расшибётся, но завершит. Чего бы ему это ни стоило.

Билл Трай сидел за своим столом точь-в-точь как утром, как будто детективы вышли из его кабинета на пару секунд и сразу же вернулись обратно. Лишь только лицо его слегка осунулось после тяжёлого рабочего дня. Он устало поднял глаза на вошедших и, увидев, кто пришёл к нему, сразу же оживился.

-Есть зацепки? – спросил он.

-Пока с этим всё плохо, — честно ответил Джейк, — у нас есть единственная ниточка, столь тонкая, что по ней очень сложно идти и не порвать её.

-Но у вас есть идеи, раз вы здесь, я полагаю?

-Сэр, нам нужен ордер на обыск дома Дейва Шойза, — отчеканил Джейк. Бен многозначительно кивнул в знак согласия, хотя он и был немного удивлён от услышанного.

-Дейв Шойз. Интересный персонаж. По-моему, я как-то слышал это

имя в своей жизни или же фамилию, вспомнить не могу. Но за сегодня оно уже дважды стучится ко мне.

-В каком смысле — дважды? – опешив, спросил Джейк.

-Ваш подозреваемый сегодня в середине дня распустил руки, вернее руку. Он весьма так не хило ударил одного проныру-алкаша в кафе «У леса».

-Тогда у меня будет ещё одна просьба – не могли бы вы заморозить пока что это дело?

Билл серьёзно посмотрел в глаза Джейку. Но тот ответил ему абсолютно уверенным взглядом, говорящим, что так просто необходимо.

-Я бы мог начать расспрашивать тебя, что и зачем, а также заставить сесть заполнять кучи бумаг, но я, как и говорил уже, наверное, сотню раз, верю тебе. Я постараюсь что-нибудь сделать, — Билл Трай, размышляя, медленно прокрутился на кресле, — также вы получите ордер. Но тут придётся вам писать постановление, без него никуда.

-Спасибо. Будьте уверены, всё это необходимо для расследования.

Джейк понимал, что если сейчас Дейва начнут таскать по участку и судам, то это может ещё больше запутать единственную зацепку. Нельзя было как-то нервировать Дейва, обострять его внимание. Конечно же, обыск явно мероприятие не без нервов подозреваемого, но это будет связано с делом, и кто знает, в чём он ошибётся и проколется. А Джейк был уверен – Дейв что-то скрывает.

-И ещё кое-что, — Билл Трай, вспомнив о чём-то, начал искать что-то в своём столе, — звонила девушка, кажется с рабочего телефона, представилась Зоей Олан, тут всё записано. Просила перезвонить ей следователям по делу Шойза.

-Не слышал о такой, странно, — Джейк передал листок Бену, и тот аккуратно прикрепил его к своему блокноту.

-Надеюсь, всё это поможет вам. За работу, детективы.

Джейк и Бен молча шли по коридору. Бен насвистывал какой-то весёлый мотивчик, его пальцы слегка подрагивали – явный знак того, что ему хочется наконец-то достать заветную сигарету и затянуться, успокаивая нервы. Джейк же шёл абсолютно молча, целиком погружённый в тяжёлые мысли. Он чувствовал далёкую боль где-то в глубине грудной клетки, сжимающую сердце иногда так сильно, что казалось, оно остановиться

в какой-то момент. Джейк заглушал эту боль всеми силами. Разумом он понимал, что с девяносто девятью процентной вероятностью он уже никогда не увидит Шерон, не сможет обнять её и сказать ей, как он её любит. Гнетущее чувство безысходности давило его, но не остатки надежды давали ему сил не упасть на пол и не зарыдать как ребёнок, выпуская всю боль и страдания из глубин души. Его поддерживала лишь мысль о том, что он должен, обязан раскрыть это дело. И даже если Шерон уже нет в мире живых, Джейк понимал, что если он даст себе ослабеть, то не сможет узнать, что случилось с его любимой. И если она была похищена или убита – посмотреть в глаза той сволочи, что сделала это, перед тем как жизнь померкнет в них навсегда. Поэтому в эту минуту Джейк обдумывал лишь одно – кто такая Зоя Олан и что ей такого известно о Шойзе, что она хочет сообщить именно детективам эту информацию.

Наконец, они зашли в свой кабинет. Джейк сел за свой стол и, глубоко вздохнув, взял трубку телефона и набрал номер.

-Офис Мейрона, слушаю, — раздался в трубке официальный, хоть и тонкий, но уверенный, слегка уставший, женский голос.

-Здравствуйте, это детектив Джейк Рэннел. Я разговариваю с Зоей Олан?

-Ой, д-да. Да. Я Зоя Олан. Да, — официальный тон моментально испарился, и уверенный голос вдруг стал похож на писклявые роптания девочки-подростка.

-Вы оставили этот номер, сказав, что у вас есть какая-то информация по делу Дейва Шойза, верно? – Джейк же продолжал говорить холодно и размеренно.

-Да-да, всё верно. Именно так. Всё правильно. Я хотела сказать, что ну... Ну во-первых, мне кажется Дейв Шойз ни в чём не виноват, ну и...

Джейк чувствовал, как изнутри него поднимается невероятная злость. Он часто слышал всякий бессвязный бред и он никак не цеплял его. Но это непрерывное пустое щебетание просто выводило его из себя. Бен, сидевший на краешке стола Джейка и вслушивавшийся в непрекращающийся поток слов, слегка приподняв бровь, удивлённо смотрел на напарника. В его руке слегка дымилась сигара, но Джейк даже не обратил на это внимания.

-Вот, он же неплохой человек, никогда никого не обижал, со всеми

приветлив. Ещё и то, что его лучшая подруга пропала – это просто ужасно для него, он так подавлен... — и мне кажется что то, что вы считаете его подозреваемым – это неправильно... я хотела сказать не так, это ваша работа, я прекрасно понимаю, конечно-конечно, но просто... и на него это ужасно давит. А ведь ещё и Шерон пропала. Я же говорила, да, ему больно от этого, — продолжала без перерыва говорить и говорить Зоя Олан, путаясь через два слова. — Вот.

-Спасибо вам, что решили высказать нам своё мнение, — тяжело вздохнув, произнёс Джейк. — Но вы говорили, что у вас есть некоторая информация. И если она у вас действительно есть, я бы хотел её услышать.

-Да. Да, я как бы сказать... я немного проследила за Дейвом. Ну я вчера проследила за ним немного... чтобы убедиться что с ним всё в порядке... а то он так подавлен, ему так плохо! В общем, когда он ушёл с работы, я пошла за ним. Он сначала зашёл в кафе, в котором, — Зоя осеклась и продолжила только после пары секунд размышлений, — вот и потом когда он вышел из него и поехал на машине, я как бы сказать... ну... ну я последовала за ним. Я пару часов за ним поездила всего, ну там последила, чтобы всё хорошо было, ну вы понимаете... в общем ему просто очень плохо, он бесцельно ездил туда-сюда. И вот поэтому я решила сказать вам, понимаете, что ему и так очень и очень плохо...

-Я прекрасно понял вас, спасибо вам за информацию, — изо всех сил сдерживая себя, сказал — как отрезал Джейк. — Если узнаете что-то ещё, сообщите непременно. До свидания.

-Да... конечно. Да. Простите, если отняла ваше время, я просто не могла не сказать этого, мне кажется это очень важно... До свидания. Надеюсь, вам эта информация поможет, очень надеюсь...

Джейк повесил трубку, так сильно придавив её, что она лишь чудом не треснула. Сделав пару вдохов, он поднял глаза на своего напарника.

-Что думаешь, Бен?

-Глупая влюблённая дурочка. Возможно, хотела как-то защитить возлюбленного. — Дёрнув плечами, ответил он.

-Или же?..

-Или, опять же, глупая влюблённая дурочка, но что-то знающая ещё, — сказал Бен и быстрым движение руки записал имя в блокнот.

-В любом случае, центральная личность в данный момент Шойз. —

Подытожил Джейк, — И у нас теперь есть ордер на обыск его дома.

За два дня до...

Дейв

Несколько часов я пролежал так больше и не сомкнув глаз. Правой рукой я прижимал к себе Шерон, не пожелавшую оставить меня одного после такого сильного кошмара. Она задремала у меня на плече, нежно прижавшись ко мне своим тёплым идеальным телом. Мне казалось, что я никогда не был так счастлив. Иногда бывает, что когда ты дотрагиваешься или даже обнимаешь какого-нибудь человека, то ничего не чувствуешь в этот момент. Тебе просто наплевать. Или же даже может быть неприятно. Но от прикосновения к Шерон я чувствовал внутренний разряд, словно ток проходит сквозь всего меня. Пожалуй, это самое прекрасное чувство на свете. А ощущение тепла в месте соприкосновения, словно растекающегося по всему телу, проникая в каждую клеточку организма — это лучшее послевкусие. Я не закрывал глаза не потому что боялся кошмара, хотя вспоминая его, мои волосы необъяснимо вставали дыбом. Но, всё же, я не закрывал их, чтобы не заснуть и не пропустить ни одного мгновения этого чуда, что происходило со мной. «Всё проходит. И это пройдет», — опять вспомнились мне слова великого царя Соломона. И от этой мысли я почувствовал, как слёзы подступают к моим глазам.

Внезапно я услышал резкий звук звонка двери. Я кинул взгляд на будильник, стоящий на тумбочки у кровати. Два часа ночи. Чёрт возьми, я представить не мог, кому я понадобился в столь поздний час. Но единственным моим желанием было спустить пришедшего с крыльца, со всеми лучшими пожеланиями. И парой сломанных рёбер.

Шерон, проснувшись, слегка приподнялась. Хотя её волосы были сильно растрёпаны, а её лицо как будто слегка осунулось от усталости, но она всё равно оставалась прекраснейшей женщиной на свете. Она взглянула мне в глаза испуганно и едва слышно воскликнула, прижав руку ко рту:

-Дейв! Это Джейк!

-Да нет, Шерон. Это может быть кто угодно...

-Не знаю почему, но я уверена, что это он, — она вскочила с кровати

и начала метаться по комнате словно, загнанная лань.

-Даже если он, я просто попрошу его уйти, — хотя в глубине души я был ужасно зол, но я пытался всеми силами успокоить Шерон. – Ему придётся уйти и хрен с ним, всё в порядке.

-Это он, блин! Блин! – не слушая меня, продолжала чертыхаться она.

Кто бы там ни был, но он продолжал нажимать на чёртову кнопочку чёртового звонка своим чёртовым пальцем. А потом ещё и начал стучать в дверь. Теперь какофония была не просто раздражительной, но и неизмеримо отвратной. Хотя, она была таковой изначально.

Я медленно поднялся и также медленно накинул рубашку, висевшую на стуле. Шерон же всё это время смотрела на меня широко распахнутыми зелёными глазами, в которых читался нешуточный страх. За один этот взгляд ломившийся ко мне был достоин если не смерти, то пары недель в больнице точно. Когда я вальяжно, слегка пошатываясь, пошёл к двери, Шерон вдруг рванула с места и, пронесшись мимо меня, кажется, убежала на второй этаж. Я не понимал, чего она так боится, но я не побежал за ней, так как тот, кто так хотел меня увидеть и так отчаянно звал меня — уже стучал с такой силой, как будто намеревался выбить мою несчастную дверь.

-Дейв Шойз, откройте немедленно! – услышал я приглушенный голос из-за двери. И я сразу же узнал, кому он принадлежит. Кажется, Шерон была права.

Я почувствовал, как адреналин растекается по телу. Я резко открыл дверь. На пороге собственной персоной стоял Джейк со своим напарником. Не самые приятные гости в такое раннее время.

-Что происходит? – как можно более уверенным тоном спросил я.

-У нас есть ордер на обыск дома, — ответил резко Джейк и, проходя мимо меня, сунул мне в руки какую-то бумажку.

Я посмотрел на неё, но даже не прочёл. Мне было абсолютно не до неё. Если Джейк пришёл обыскивать дом, он неминуемо найдёт Шерон. «Но почему же всё всегда должно быть так сложно», — думал я. Когда я, наконец, отошёл от оцепенения, то заметил, что второй детектив не последовал за Джейком. Он зашёл в дом и, опершись о косяк двери, неотрывно смотрел на меня, словно пытался проникнуть ко мне в мозг, в самые глубины моего сознания. Я отвернулся от него и, словно болванчик, побрёл на неуверенных ногах вглубь своего дома за Джейком. Я не знал,

пошёл ли тот, второй, за мной, но я не хотел оглядываться.

Джейк проходил из комнаты в комнату, осматривая в каждой все без исключения вещи, двигая столы и стулья, трогая буквально всё руками, на которых были одеты белые перчатки. Я не знал что делать. Я просто ходил за ним как хвостик – это явно напрягало его, потому что он часто посматривал на меня через плечо, но ничего не говорил и не запрещал мне. Где-то в глубине сознания у меня появилась мысль о том, не стоит ли рассказать Джейку обо всём? Всё равно пара минут, десять или двадцать, но он найдёт Шерон – я был в этом почти уверен – а если даже Шерон и сумеет спрятаться так, что нет, то не стоит всё равно наконец уже сказать правду? Хоть Джейк и держался как всегда уверенно и неимоверно брутально, но в его карих глазах что-то поменялось. Как будто что-то «раз» и щёлкнуло. В них читался холод убийцы. Да, Джейк всегда был жестоким и взгляд у него был мужественный и даже обжигающий, но я никогда не видел в них такое. Я, конечно, никогда не был психологом, да и в людях, пожалуй, что разбираюсь плохо, но когда видишь такой взгляд единственное, что хочется – бежать. Потому что это и есть взгляд человека, которому нечего терять. А если человеку нечего терять – то он готов на всё.

Но вместе с тем у меня перед глазами пролетали сцены и события, после которых я не мог не ненавидеть Джейка. Я помнил почти всё так, как будто это было только вчера. И чувство злости так сильно нахлынуло на меня, что затопило любые зачатки сострадания к Джейку. Он не заслуживал Шерон.

...1 сентября 7 класс.

Мы сидели на первой парте – я и Шерон. Она весело болтала ногами и ежесекундно крутилась и вертелась, я же сидел смирно, словно часовой. Нашим родителям сообщили на каком-то предсобрании перед учебным годом, что к нам в класс приведут какого-то нового ученика. Все были необычайно взволнованы. Все кроме меня. Меня не волновали споры о том, кто это будет – мальчик или девочка, красивый или страшный, умный или глупый – Шерон снова села со мной за парту, хотя я боялся, что так как всё больше и больше мальчиков хотят заговорить с ней, а девочек подружиться, то она бросит меня. Но нет. И мне этого было достаточно сверх меры.

Наконец, наша классная руководительница – женщина лет пятидесяти, слегка располневшая и необычайно строгая, зашла в класс, и моментально стихли перешёптывания и скрипы стульев и пола – стало идеально тихо. За ней семенил мальчуган, при виде которого у меня всё-таки возникло некоторое разочарование. Весь его вид говорил о том, что это всего лишь новые хулиган–сорванец – небрежная взъерошенная причёска, сползший на бок галстук, мятые пиджак и брюки, кроссовки вместо туфель и самоуверенная ухмылочка. Он ежеминутно самовлюблённым движением растрёпывал свои волосы правой рукой, словно боялся, что они уложатся. Ладно, признаюсь, я всё-таки в глубине души хотел, чтобы пришла девочка или мальчик, с которой можно было бы подружиться. Не то чтобы мне не хватало общения с Шерон – она была есть и будет замечательная. Лучшей на свете. Но кроме неё не было никого, с кем бы я мог поговорить. И были моменты, когда кто-нибудь начинал говорить с Шерон. Тогда я стоял молча в одиночестве, не зная что делать и как себя вести, теребя руки и старательно не смотря на разговаривающих.

Учительница представила нам Джейка, и тот вальяжно выписал поклон, словно аристократ, после которого многие в классе рассмеялись. Вернее опять же все, кроме меня. Даже Шерон! У меня лишь скользнула мысль – выпедрёжник. После чего она велела ему присаживаться, но он поступил по-своему. Джейк прошёл по всему классу, по-взрослому пожимая руки мальчикам и весело маша рукой девочкам, а некоторым, подмигивая, давал «пять». Когда дело дошло до меня (а мы сидели Шерон в третьем ряду, поэтому так получилось, что я был последний на пути его шествия), он, помахав и подмигнув Шерон (от чего краска залила моё лицо, но я в тот же момент и обрадовался, увидев, что Шерон закатила недовольно глаза), протянул руку мне. Но как только я в ответ начал протягивать ему свою, немного трясущуюся, он провёл рукой под моей и расхохотался, после чего развернулся и сел на последнюю парту к ещё одному дураку-забияке. А я так и остался сидеть с протянутой рукой, утопая в смехе надрывавших животы одноклассников...

Как всё началось, так и продолжалось. Плевки бумажками из ручек, толчки в коридорах и пихания – он садился специально за мной и Шерон – это были его маленькие постоянные развлечения, повторяемые изо дня в день. Из года в год. В такие моменты я наливался краской и, скукожившись, сидел и ждал, когда ему надоест и он отстанет. Шерон же бывало начинала кричать на него, от чего улыбочка Джейка становилась больше раза в два. Когда же преподаватель, наконец, обращал внимание на то, что происходит, Джейк совершенно спокойно заявлял,

что хотел попросить ручку, так как его перестала писать. А вот типа мы такие сумасшедшие ломаем комедию. После чего когда учитель либо делал замечания нам, если был умнее ему – от чего Джейк совершенно не расстраивался, то он непременно добавлял: «Ха, видели, как Шерон защищает этого дурачка? А знаете почему? А? Она просто со мной поговорить хочет. Чтобы я хотя бы посмотрел на неё». Как же он был мне омерзителен. Да и Шерон тоже.

...28 декабря, 9 класс.

Особенно чётко и ясно я помнил день накануне Нового года. Школа была празднично украшена, преподаватели старались выдавливать из себя что-то наподобие улыбки, не переставая, тем не менее, пытаться вбить нам в головы крупицы знаний, а в столовой качество еды улучшилось раз в сто. Хотя если ноль умножить на сто, будет ноль. Короче говоря, стало немного вкуснее. Я набирал себе обед, когда Шерон увели девочки, позвав с собой куда-то, вроде, в туалет. Мне было не по себе, стоять одному в очереди. Очень неуютно. Когда, отпихнув младшеклассников, стоявших за мной, Джейк со своими дружками, среди которых был тот самый дуболом с последней парты, к которому Джейк сел тогда, 1 сентября в 7 классе, подошёл вплотную ко мне.

-Хах, парни, — высокомерно сказал он. – Посмотрите-ка, кто у нас тут такой стоит. Что, малышь Дейви, кушать захотелось? Ты не взял сегодня маменькин обед с собой? Как так?

Я стоял молча, лишь ещё сильнее сжавшись и ссутулившись. «Лишь бы он просто ушёл, просто отошёл от меня и всё!» — думал я.

-А где подружка твоя? Хотя можешь не отвечать, думаю, любая нормальная девушка давно бы сбежала от тебя. Я вот всё удивляюсь, чего это она всё с тобой трётся? Ты так хорош с ней по ночам или всё из жалости, а?

Мне было ужасно мерзко, стыдно и отвратительно. Но я продолжал молча стоять и рассматривать носки своих ботинок.

-Да ладно тебе, поделись секретом, может ты мастер на самом деле дел любовных, а, Дейви? Хотя не удивлюсь, если ты даже не знаешь, что у девочки между ног. Хотя не, что же я так туплю то, а? Ты, небось, засыпаешь с учебником биологии, ведь не думаю, что для журнальчиков

у тебя хватит смелости, задрот хренов.

Я больше не мог сдерживаться и повернулся к нему, зацепив нечаянно слегка его локоть подносом. Он отскочил, как будто я врезал ему.

-Нарываешься, что ли? А?

Я стоял, не сводя с него глаз, полных злости и страха одновременно. Его дружки стояли за ним, ожидая, что Джейк будет делать дальше. И Джейк прекрасно понимал, что должен что-то сделать, чтобы не опозориться. Должен ответить мне за то, что я зацепил его. И тогда он выхватил мой поднос и вывалил всю набранную мной еду на меня сверху. Вместе с уже налитым компотом. Я стоял посередине очереди, весь облепленный едой и мокрый. Липкие струйки вперемешку с ошмётками еды стекали по моей голове на плечи, грудь, спину, пачкая белоснежную рубашку, которую я надел в тот день. Наверное, вся школа смеялась надо мной, ведь на мои глаза начали постепенно наворачиваться слёзы, а это лишь ещё больше разогревало толпу. В столовую влетела Шерон и залепила пощёчину Джейку, после чего схватила меня за руку и повела в туалет умыться. В тот день была последняя контрольная за полгода 10 класса. Я даже не мог уйти домой переодеться, а сидел оставшиеся уроки весь грязный...

-Эй, Джейк, — обратно в реальность меня вернул голос напарника Джейка. — Смотри-ка, что я нашёл.

Я огляделся по сторонам и понял, что стою посередине кухни. Судя по всему, я ходил-ходил за Джейком, погружённый в воспоминания, пока просто не остановился как вкопанный. Для меня, по-видимому, Джейк – как переключатель. Как только появляется он — я становлюсь школьником-Дейви. Внезапно волна ужаса охватила всего меня. Неужели второй детектив нашёл Шерон? Или её вещи? В любом случае это начало конца. Я сорвался с места и побежал за Джейком, который уже поднимался на второй этаж дома и, услышав мои шаги, обернулся и смерил меня холодным взглядом.

-Жди здесь, — спокойным голосом приказал он мне, и я повиновался.

Я стоял, сжимая рукой перила лестницы с такой силой, что мои костяшки побелели. Занесенная на первую ступеньку нога так и осталась стоять на ней – мне было страшно пошевелиться. Сердце билось так быстро, что под его ритм можно было станцевать самую быструю чечётку на свете. Я обратил весь свой слух туда, наверх, стараясь расслышать хоть что-нибудь, что там происходит. Я слышал скрип половиц под тяжёлым шагом Джейка. Кажется, он прошёл в комнату, где стоял сейф с револьвером.

Или в ванную комнату, располагавшуюся впритык – из-за биения собственного сердца звуки доходили до меня эхом. Потом я услышал отдалённый бас Джейка – скрипучего тихого голоса его напарника было невозможно расслышать, но и что говорил Джейк, я понять не мог. Кто-то из них один или же они оба расхаживали по комнате из стороны в сторону.

Наконец, после нестерпимо длительного ожидания, я услышал приближающиеся шаги. И буквально через пару секунд силуэты на верху лестницы, застывшие при виде меня на секунду и лишь затем начавшие спуск ко мне. Рука Джейка в перчатке сжимала какой-то предмет, завёрнутый в прозрачный пакет. Его глаза неотрывно смотрели на меня, от чего холод пробежал по моей спине. Когда они уже почти спустились ко мне, краем глаза я заметил какой-то тёмный силуэт на верху лестницы. Но в следующее мгновение, когда я перевёл на него взгляд, его уже не было.

-Откуда у тебя это? – железный голос Джейка снова вернул меня к реальности.

Я вперился мутными глазами в этот предмет, который судя по всему они отыскали где-то у меня на втором этаже. Но я не мог понять, что это. Фотография, книга, тетрадь, альбом, письмо? Я видел лишь очертания прямоугольного предмета, а мой мозг, скованный ужасом, никак не мог до конца обработать получаемую информацию.

-Я ещё раз спрашиваю, — кажется, Джейк начинал терять терпение, потому что в его голосе уже начинали слышаться нотки гнева. – Что это?

Я посмотрел его прямо в глаза, чего не делал, наверное, с той самой первой встречи первого сентября в седьмом классе. Его взгляд сдавливал меня, но я не ощущал страха. Лишь ненависть. Мы бы, скорее всего, простояли так целую вечность, буравя друг друга глазами, но голос третьего человека заставил нас почти одновременно отвести глаза, завершив эту дурацкую игру в бесполезные гляделки.

-Парень, нам просто нужно, чтобы ты ответил, откуда у тебя это, — обратился ко мне второй детектив.

Джейк перевёл взгляд на Бена и тот едва заметно кивнул ему в ответ. Не понимая, что это означает, я отшатнулся, но Джейк всего лишь раскрыл пакет и достал предмет из него. И тогда я узнал его – папка бумаг и отчётов, с которыми я помогал разобраться Шерон в ту ночь, когда впервые решился признаться ей в любви. Позволил себе сделать

это.

-Это... это папка бумаг с работы, над которыми мы поработали пару дней назад, — мёртвым голосом ответил я.

-Когда именно?

Я даже не понял, кто из них спросил меня об этом. Я лишь осознал, что не помню, сколько дней назад это было. Даже какой сегодня день недели. Что со мной творится? Я постарался посчитать дни – вот мы с Шерон уехали с работы ко мне, потом она ушла, на следующий день вернулась, после чего я поехал на работу, потом поездил по городу, потом вернулся, потом ночной кошмар и сегодняшнее утро? Вроде цепочка выглядела верной, но у меня было такое ощущение, что чего-то не хватает. То ли дня, то ли какого-то очень важного отрезка времени, которое как будто выпало у меня из памяти? Что же я забыл такого важного, что лишь на подсознательном уровне осознаю, что что-то было?

-Пару дней назад. Два дня, — всё-таки ответил я.

После моего ответа детективы сошли с лестницы и, пройдя мимо меня, направились к двери. Я, чувствуя бесконечную радость, поднимавшуюся во мне от того, что Шерон, видимо, сумела идеально спрятаться, хоть я и не понимал где, последовал за ними, желая уже захлопнуть дверь за детективами, которые возможно наконец-то оставили бы нас в покое. Но когда они вышли на крыльцо, то они пошли не к калитке, а сразу же свернули к гаражу и мгновенно скрылись во мраке ночи. Их силуэты были едва различимы. Мои ноги подкосились. Если они не нашли Шерон в доме, то велика вероятность, что она могла спрятаться и в гараже. И сейчас находится там, молясь всем богам о том, чтобы Джейк со своим напарником не пошли осматривать гараж. Наполняемый отчаянием неизвестности я поплёлся за ними.

-Открывайте, — сказал мне помощник Джейка.

Я взялся за ручку и, надеясь на то, что не забыл закрыть его по возвращению, попытался открыть дверь. И на моё счастье, она была закрыта.

-Мы бы не хотели взламывать твой гараж, Дейв, но если придётся – мы сделаем это. Но если у тебя есть ключи, всё было бы намного проще и нам, и тебе, — несмотря на меня, произнес Джейк.

-Я могу принести, — отчеканил я.

-Прекрасно.

-Я быстро, пара секунд, правда...

Лёгкий кивок головы, и второй детектив идёт след в след за мной. Я иду как можно медленнее, ведь если Шерон там, то она непременно слышала наши голоса. А значит — чем больше времени я выиграю, тем больше времени у неё будет на то, чтобы что-нибудь придумать. Джейк любит играть, вот и поиграем. Как бы хорошо он не строил из себя хорошего мальчика – защитника людей, я помню и знаю, кто он на самом деле. Позёр и актёр. В школе ему было выгодно быть сорванцом, и он прекрасно справлялся с этим. Всеобщая любовь и признание не крепких детских умов ему было обеспечено. И своим изворотливым умом он понимал, что во взрослой жизни никому будет не интересен тот образ. И он надел маску правильного детектива. Можно только поражаться тому, как легко Джейк заставляет людей забыть кто он на самом деле. Такому умению можно даже позавидовать. И я завидовал.

Весь этот путь туда и обратно занял минут десять, хотя на самом деле я мог это сделать за две минуты. Когда я «искал» ключи, то поприкидывался дурачком – я прекрасно знал, где они, но лишняя минута, полминуты, секунда – в данный момент были необычайно важны. Как Шерон защищала меня в школе, так теперь я защищаю её. Это моя обязанность, моё кредо.

И вот лишь теперь дверь открывается, и Джейк проникает в возможное убежище Шерон. Сзади меня стоит его помощник, слегка перетаптываясь на месте от ожидания. Помучив его и себя пару секунд, я решительно перешагиваю через порог и оглядываю свой же гараж. Шерон в нём нет – это видно с первого взгляда. А значит, ей удалось либо ещё спрятаться в доме, либо улизнуть отсюда. В любом случае я выполнил свой долг. Я смотрю на мечущегося и обыскивающего всё вокруг Джейка и чувствую, как смех наполняет меня и готов вырваться наружу. Интересно, каково это Джейку чувствовать себя проигравшим? Конечно, возможно он и не знает о том, что Шерон прячется у меня, но если он пришёл обыскивать мой дом – значит зачем-то ему это нужно. Но, кажется, все его мысли и планы рушатся с каждой секундой больше и больше. Добро пожаловать в клуб лузеров, великий Джейк.

Внезапно, Джейк, оглянувшись на меня, срывается с места и прижимает мою шею локтём правой руки к стенке гаража. Я не могу вздохнуть, хочу закричать, но из моего горла доносятся лишь хрипы. Я хочу ударить его,

но чувствую лишь бессилие, от которого на мои глаза наворачиваются слёзы.

-Джейк! Джейк, чёрт побери! – его напарник пытается оттащить Джейка, но куда ему по комплекции. – Включи голову!

Джейк сверлит меня взглядом полным ненависти, после чего всё-таки убирает локоть, и я падаю в изнеможении на пол, пытаясь заглотнуть хотя бы крупинку воздуха.

-Что это было, а?!

-Я знаю, что это ты, паскуда! Я не знаю, что ты сделал, не знаю как. Но ты что-то скрываешь, гад!

Джейк властно стоит надо мной и яростно указывает на меня пальцем, как будто отец отчитывающий сына. Его лицо искажено злобой до неузнаваемости, глаза горят смертельной угрозой. Но мне уже не страшно. Я защищаю Шерон, а защитник не должен бояться. И я не боюсь.

-Да что с тобой такое?! – не унимается его помощник, буквально повиснув на Джейке на всякий случай.

-Бен, ты видел как он лыбился?! Да он чёртов псих, и мне страшно, что он мог сделать с Шерон!

-Всё Джейк, мы закончили, пойдём отсюда, — обрывая его, заявляет Бен и, придерживая его за плечо, пытается направить к выходу.

Джейк кидает рядом со мной до боли знакомую мне записную книжку, после чего разворачивается, окинув меня взглядом полным омерзения и ненависти, и выходит за напарником. Бен, даже не посмотрев на меня, следует за ним. Я лежу на полу в полном одиночестве, держась руками за горло, которое сдавливает так, словно Джейк всё ещё сжимает его своими крепкими пальцами.

Я неотрывно смотрю глазами, наполненный слезами, на потрёпанную книжку, обклеенную всякими бумажками и записочками. Эта книга – мой Альманах. В ней я писал стихи и рассказы, которые тайно посвящал Шерон. А также всевозможные варианты признания ей в своих чувствах. В моих мыслях всегда всё выглядело просто великолепно. Я был в них мужественным парнем – представлял себе, как внезапно открываюсь ей как настоящий мужчина: храбрый, гордый, честный и справедливый. И она в одно мгновение понимает, что это я её рыцарь, её верный спутник

на всю жизнь. Глупые мечтания ребёнка, а потом уже и подростка. Но они были необычайно дороги для меня, а Джейк и их вывалял в грязи. Если бы я только мог, то с удовольствием схватил свой револьвер и проделал бы пару дырок в этом мерзавце. Но я был храбрым лишь в мечтах.

Я всё лежал на полу, рыдающий и дрожащий, когда Шерон тихонько пробралась в гараж и села рядом со мной, вытянув ноги. Она гладила мои волосы, положив мою голову на свои коленки и слегка покачивая меня. Это слегка успокоило мои нервы. Наконец-то я был её рыцарем, её защитником. И я как-никак, но справился с этой задачей.

...29 ноября, 1 класс.

Я в одиночестве сидел на лавочке, неотрывно смотря на небольшой блокнотик у меня в роках, в котором любил рисовать – в основном пейзажи и различных животных, записывал различные мысли. Я с нетерпением ждал окончания перемены. Хотел порисовать, но был так взволнован, что ничего не шло в голову — не знал, что изобразить. Вокруг другие дети весело разговаривали, бегали, резвились – никто не был один. Только я. Внезапно маленькая, но невероятно красивая девочка, с большими зелёными глазами и копной непослушных бело-золотых волос подошла ко мне и, не спрашивая никаких разрешений, села рядом. Моя одноклассница Шерон Лайрон – мы с первого сентября сидели с ней за первой партой... на разных рядах.

-А чего ты тут один сидишь? – после неловкого молчания, спросила она, повернувшись ко мне.

-Не знаю, — шёпотом ответил я.

Опять повисла пауза.

-А что это у тебя за блокнотик в руках?

Я смутился, хотел убрать в портфель, но она не дала – Шерон выхватила его у меня из рук и раскрыла. Краска залила моё лицо, я весь сжался, ожидая, что она начнёт смеяться надо мной.

-Ого! Да у тебя талант! – вдруг заявила она, удивлённо, с любопытством, смотря на меня. – Очень красиво, правда!

-Спасибо... — промямлил я, улыбнувшись.

-А меня сможешь нарисовать? – буквально сверкая от радости, спросила Шерон.

-Не знаю... я не рисовал никогда людей, — но увидев, что её глаза начали грустнеть, поспешно добавил, — но можно попробовать.

-Здорово! – она хотела сказать что-то ещё, но прозвенел звонок на урок.

Она вскочила, схватив ранец. И уже хотела побежать в класс, как обернулась ко мне.

-Меня, кстати, Шерон зовут.

-Я знаю...

-А тебя как?

-Дейв.

-Приятно познакомиться, Дейв, — она протянула мне руку. Я пожал её. – Ты вроде на первой парте сидишь?

-Да.

-Один же? Ой, можно я к тебе сяду? Моя соседка просто ужасна! Она непрерывно грызёт ручки и постоянно вытирает рукой ужасно сопливый нос. Бр-р-р-р. Аж мурашки по коже.

-Конечно.

Мы поспешили в класс. Я ещё никогда в жизни не был таким счастливым.

...

Джейк

-И что это было, чёрт возьми?! – усевшись на водительское место, Бен резко повернулся к Джейку.

Они молча прошли путь от гаража к своей машине, абсолютно молча открыли двери, и так же молча сели в неё. И лишь когда хлопнули дверьми, Бен позволил себе отчитать своего начальника-напарника.

-Прости, Бен. Я не смог сдержаться, — почти шёпотом ответил Джейк. Ему было с одной стороны больно и стыдно за проявленную слабость, но

с другой – он жалел лишь о том, что не выбил всю дурь из Дейва.

-Смысл у меня прощения просить? А? – Бен подёргивающимися пальцами нащупал портсигар во внутреннем кармане пиджака и, достав сигару, немедленно закурил её, делая глубокие быстрые затяжки. – Ты хоть осознаёшь что натворил?

-Ты же видел его лицо, — таким же пустым голосом продолжил Джейк. – Он просто стоял и смеялся над нами. Его улыбка...

-И что с того? Может у него просто вообще всё и все там «ку-ку». И он просто улыбался мыслям о красочных пони, откуда мы знаем?

-Я знаю. Я видел по его глазам.

-А, чёрт с тобой. По-хорошему я обязан написать рапорт об этом происшествии. Это по-хорошему. Но я не сделаю это только потому, что знаю, какой ты профессионал на самом деле. Хотя следовало бы.

-Спасибо, Бен.

-Ты меня не благодари. Ты лучше знай, что ещё одна такая выходка, и я терпеть не стану.

Они молча посидели в машине несколько минут, думая каждый о своём. Бен дрожащий рукой делал затяжку за затяжкой, а Джейк, вперив взгляд в переднее стекло, и ничего не видев при этом за ним, думал о Шерон. О том, что с ней могло случиться. И о том, какую же роль в этом играет Дейв. Джейк чувствовал, что Дейв что-то знает. Даже знал это. И если это не домыслы, и Дейв действительно как-то связан с исчезновением Шерон, то Джейк знал, что он сделает. Он явно представлял себе, как сожмёт пальцы на шее этого ублюдка. Сожмёт с такой силой, что его сухожилия и кости треснут в один момент. В любом случае – за одну эту наглую весёлую улыбку Дейв заслужил трёпку.

-Так-то я тебя понимаю. Ты же знаешь, я женат. Если с Мэри что-то случиться – я не знаю, как буду жить дальше. Или с Миком... или с Кейт... На твоём месте я бы вёл себя точно также, если не хуже – возможно за одно такое выражение лица человека, даже ни в чём неповинного, но знающего о, тьфу-тьфу-тьфу, беде – пристрелил бы на месте. Но ты должен быть лучше меня. Намного лучше!

Бен снова замолчал, вглядываясь в уходящую к горизонту дорогу.

-Ладно, что было – то было. Что будем дальше делать?

-Понаблюдаем за ним. Очень пристально. Возможно, он чем-то выдаст себя.

-Окей, босс. Но проблема есть, — Бен махнул рукой в сторону дома. – У него все окна занавешены. Хрен что разглядишь.

-Окно на первом этаже, на угле дома. Это кухня у него. Я раздвинул шторы. И в спальне небольшую щёлочку оставил, по идее, по проекции, под нужным углом, мы будем видеть его основные передвижения.

За один день до...

Дейв

Окончательно проснувшись, я обнаружил, что лежу в той же одежде, но не на полу гаража, а на своей собственной кровати. Я почувствовал прилив благодарности и стыда перед Шерон. Ведь даже если я, будучи в шоковом состоянии, кое-как передвигал ногами – уверен ей было не просто направлять или даже тащить мою нелёгкую тушу.

Я решил принять душ после такого тяжёлого дня. Я вышел из комнаты и направился в ванную комнату, когда моё внимание привлекла наша местная субботняя газета, лежащая на столике в коридоре. Наверное, это Шерон принесла её в дом, чтобы она не валялась на крыльце, брошенная почтальоном. Потому что я обыкновенно, хоть и выписывал еженедельные газеты, но чаще всего подбирал их с крыльца и доносил только до мусорки. Потому что каждый раз, когда я открывал газету, я не мог не залиться злостью от того бреда и не правды, что были видны невооружённым взглядом. Обязательный пафос, мешающийся в зависимости от темы колонки с необъятным счастьем или наоборот, полный драмы и слёз – всё это буквально сводило меня с ума. Я не мог понять, как может обыкновенный человек, видящий собственными глазами, что и как происходит вокруг, писать так! А другие ведь читают и проникаются! Простой пример – где-то далеко-далеко какой-нибудь псих положил пару-тройку человек. Газетчики охают и ахают: «Как так произошло?», высказывают сожаления и соболезнования. Читатели прочитывают это статьи, вздыхают от горя и задаются вопросом: «Господи, как так-то?». После чего переворачивают страницу и заливаются искромётным смехом от анекдота, хорошо, если размещённого хотя бы на следующей странице. Размещённого тем же человеком, который редактировал или даже писал

горестную статью. Что это? Двуличие, лицемерие? Или глупость? Я не знаю. Но меня просто тошнит от всей этой несправедливости.

Но в эту секунду меня почему-то непреодолимо тянуло к этой чёртовой газете. Самой неинтересной и бесполезной из всех, потому что ну вот что можно было писать про наш маленький городок Мейрон? Кто у кого сколько купил помидоров или кто кого и как обозвал? И, тем не менее, мои руки буквально сами взяли эту газету и начали листать её. На первой странице, как я и ожидал, располагались броский заголовок и какие-то рекламные объявления. Ну и совершенно пошлый анекдот внизу страницы, куда же без него. На второй, тут надо сказать я удивился, — какие-то советы как сохранить себя и свой рассудок от старушки Джил. Никогда бы не подумал, что она захочет быть респондентом. И далее, и далее. Сплошная вода и нескончаемый бред. Я уже хотел отбросить газету, как какая-то чёрная заметка на самой последней странице нечаянно попалась мне на глаза:

Пропала Шерон Лайрон, 1961 года рождения.
Пропала ночью 26 сентября 1985 года

Приметы:

Рост – 175

Глаза зелёные

Волосы светлые, слегка золотистые

Одета была в белую блузку, пиджак и чёрную юбку.

Также разыскивается автомобиль красного цвета Audi 100, принадлежавший пропавшей.

Если вам что-либо известно о пропавшей, сообщите по телефону, указанному ниже

Я почувствовал, как сковываются все мои мышцы. Кажется, игра зашла уже слишком далеко. Надо поговорить с Шерон, быть может, уже пора рассказать всем правду. На подкашивающихся ногах я побрел на кухню, на которой, судя по громыханию посуды и топоту, хозяйничала Шерон.

И действительно, Шерон готовила завтрак, когда я, наконец, доплёлся до кухни. Судя по её виду – наша вчерашняя небольшая «победа» сильно обрадовала её. Он что-то весело напевала, полутанцуя игриво перемещаясь босиком по кухне. К огромному моему удивлению одета она была в чёрные узкие брюки и синюю рубашку. Хотя рубашка, возможно была и моя, так как она была слегка ей великовата, но всё равно идеально смотрелась на ней.

-Доброе утро, соня!

-Доброе, Шерон.

-Я тут сделала омлет, надеюсь, тебе понравится. И надеюсь, что не переборщила с солью.

-Спасибо.

Я сел на краешек стула. Я сжимал и разжимал руки, пытаясь придумать, как рассказать Шерон о своём предложении прекратить ей скрываться.

-Шерон, тут такое дело... как бы тебе сказать...

Она с интересом посмотрела на меня, и, замерев на месте, скрестила руки на груди и, подбадривая, улыбнулась мне.

-В общем, я там наткнулся на газету в коридоре. И там, в конце, размещено объявление о твоей пропаже.

-А-а, ты об этом. Да-да, я видела его. Я даже немного удивилась.

-Просто мне кажется, не далеко ли мы зашли?

-В каком смысле «далеко»? – улыбка сползла с её лица и теперь она внимательно испытующим взглядом смотрела мне прямо в глаза.

-Ну-у, в том смысле, что все волнуются о тебе, возможно, думают ты погибла. Не стоит ли нам раскрыться?

-Да всем плевать, ты же сам знаешь. Ну посудачат немного, посплетничают обо мне и забудут. Какая НАМ разница, что они там думают? – она так резко выделила это «нам», что я беспокойно заёрзал на стуле как маленький школьник, покуривший в туалете и теперь отчитываемый за это.

Я открыл уже было рот, чтобы продолжить своё бесполезное мямленье, но на полувздохе остановил сам себя, чувствуя, что не следует продолжать спор. Как бы мне не хотелось, но, всё же, это решение Шерон должна принять сама. А я обещал не раскрывать её тайну. И не раскрою, пока она сама не попросит меня об этом.

-Хорошо, я думаю, ты права.

Шерон улыбнулась мне тёплой улыбкой и, подскочив ко мне, обняла меня.

-Как хорошо, что ты у меня есть.

Я обнял её в ответ и, прогоняя прочь все мысли, забылся в её объятиях.

Мы медленно позавтракали, мило общаясь на всевозможные темы, вспоминая весёлые события из детства. Хорошо, что была суббота, и мне не нужно было ехать на работу. Хотя, возможно, если бы был даже будний день, я бы всё равно остался дома. Задумавшись об этом, мне в голову внезапно пришли гениальная мысль. Выглянув в окно, я обнаружил, что на улице стоит ясная погода, почти безоблачная погода. Какие-то дети весело пролетели мимо на велосипедах, чуть не врезаясь, стараясь обогнать друг друга. Я приоткрыл окно и мне в лицо ударил свежий прохладный воздух. Вдохнув полной грудью, я решил высказать Шерон свою идею.

-Шерон, — я нашёл её в гостиной. Она лежала, поджав ноги, на диване и смотрела какую-то передачу про природу по телевизору. – Почему бы нам не пройтись, как думаешь?

Я боялся лишь того, что она подумает, что прогулку я придумал для того чтобы кто-нибудь увидел её и исчезновение было опровергнуто. Отчасти так оно и было, но я скрестил пальцы, молясь о том, чтобы мой голос звучал как можно ровнее и спокойнее.

-Слушай, прекрасная идея! – вдруг воскликнула она, чем ужасно обрадовала меня. – А то сколько я уже сижу здесь, в четырёх стенах, так скоро и заплесневею ведь!

Она вскочила с дивана и побежала в теперь уже свою спальню. А я остался стоять и улыбаться как умалишённый, ожидая, когда она приготовится к прогулке. Нельзя сказать, что я ждал очень долго. Через десять минут Шерон вышла ко мне в чёрном элегантном платье, подчёркивающим черты её фигуры. Я смотрел на неё завороженно, не в силах двинуться с место. Шерон смеялась, довольная тем эффектом,

который она оказала на меня. В её зелёных, словно нефритовых, глазах сверкали весёлые огоньки.

-Ты прекрасна, — смог лишь выдавить я и, взяв её за руку, мы вышли на улицу.

Джейк

После того, как детективы покинули гараж, прошло уже более четырёх часов. Но единственное интересное, что они смогли увидеть – это как Дейв, раскачиваясь и шатаясь, буквально выпал из гаража и поплёлся в дом примерно через два часа после их ухода. После чего Бен, не выдержав, уснул, предоставив Джейку «развлекаться», как он сказал. Джейк не стал ему ничего говорить или спорить – он прекрасно понимал, что облажался и облажался по-крупному. Когда в доме погас свет, он неотрывно всматривался в тёмные окна дома, после чего позволил себе немного вздремнуть, заведя будильник в своих наручных часах примерно на девять часов утра и разбудив Бена с просьбой сменить его. Даже хотя бы пара часов дрёмы ему бы не помешали.

Когда часы запиликали, Джейк проснулся в одно мгновение и немедленно оценил обстановку – судя по дому всё было тихо и точно так же, как и когда он заснул. Бен же так сильно дёрнулся от резкого звука, что, ударившись об руль, всё проклял и перебрался на заднее сидение.

Ещё через пару часов ожидания Бен предложил Джейку, что он сходит за кофе, так как знает неплохое кафе максимум в двадцати минутах ходьбы. Джейк не стал отказываться, но, прихватив бинокль, решил выйти с ним из машины, чтобы немного размять ноги и оценить обстановку как следует – насколько грамотно они притаились. Ещё ночью они, делая вид, что уезжают, проехали пару домов от дома Дейва, после чего развернулись и, возвращаясь по параллельной улице, которая была ближе к лесу и прилегала к обратной стороне дома, остановились у края забора соседнего, то ли заброшенного, то ли ещё не купленного дома. Сначала они думали остановиться у забора Рикона Нилса, но, чтобы предостеречься от возможного скандала этого старикашки, решили этого не делать. Особенно было бы плохо, если бы он начал бегать вокруг машины и верещать, почему под его окнами поставили чёртову колымагу – а лишнее внимание сейчас было ни к чему. А угол, под которым была поставлена машина по отношению к окну кухни, был выгоден тем, что

Дейву пришлось бы высунуться из окна, чтобы увидеть машину. А вот детективам ничего не стойло в случае обнаружения движения пешим ходом аккуратно поменять позицию. План звучал идеально, оставалось лишь ждать. И Джейк, вернувшись в машину, стал ждать, стараясь не уснуть. Менее через час вернулся Бен с двумя стаканами ароматного кофе, большим пакетом пирожных и бутылкой воды. При этом нельзя не отметить, что сделал он всё профессионально – хоть кафе находилось с другой стороны, но чтобы не засветиться он прошёл пару лишних кварталов и пришёл с невидимой для Дейва стороны.

Где-то в два часа дня Джейк, наконец, увидел еле заметный свет в окошке. Хотя ничто не предвещало дождя и облаков на небе было не так-то и много, но солнце на некоторое время спряталась за одно медленно плывущее непросвечиваемое огромное облачко, поэтому на улице воцарил лёгкий сумрак. И Джейк, еле открывающий слипающиеся глаза, сумел не проморгать этот момент.

Тихонько разбудив задремавшего напарника, он как можно тише выскользнул из машины, и, почти ползком занял удобную для осмотра позицию. Шторы мешали обозревать кухню полностью, но Джейк видел, как мужской силуэт ходил из одной стороны в другую, что-то делая – скорее всего, готовя завтрак. Потом он исчез, но Джейк остался терпеливо ждать, так как свет Дейв оставил непогашенным. Но минут десять ничего не происходило, Джейк уже подумывал вернуться в машину и разработать более действенный план, когда Дейв вернулся на кухню. И Джейк продолжил наблюдать. Он жалел о том, что не раскрыл штору полностью – побоялся, что Дейв заметит это и зашторит обратно. А через достаточно узкую щёлку было сложно что-либо разглядеть. Ещё минут двадцать Дейв сидел на стуле, после чего подошёл к окну и, открыв его, выглянул. Джейк прижался к земле, надеясь, что Дейв не будет особенно вглядываться в окружающие его дом пейзажи. Потом Дейв закрыл окно и, зашторив полностью, судя по силуэту, рванул куда-то вглубь дома. Джейк аккуратно вернулся в машину, где его ждал Бен, чьей задачей было наблюдать за тем, не выйдет ли Дейв из дома.

-Есть что-нибудь интересное? – спросил Бен.

-Не сказал бы. Немного странное поведение, мне показалось, что он сначала готовил еду, потом ушёл куда-то минут на двадцать, и только потом пришёл есть...

-Не знаю, может что-нибудь срочно вспомнил, какое-нибудь дело, —

предположил Бен.

-Возможно. Но знаешь, что самое странное – мне показалось, что он разговаривал. Было плохо видно, но мне кажется, я видел, как он шевелит губами.

-Пел?

-Не знаю. Но он странный и всегда был странным, так что тут дело такое.

-Не нравится мне этот парень. Он ещё, когда мы дом обыскивали, как-то странно залипал на одном месте – как будто выпадал из реальности. Ему бы к психологу или ещё лучше – к психиатру.

Джейк усмехнулся. Они съели последние пирожные, после чего Бен налил в стаканчики из-под кофе воду. Джейк выпил одним махом, надеясь освежиться хотя бы немного. Но это ему удалось слабо.

-Есть у меня бутылочка виски, — грустно вздохнул Бен. – Когда в участок вернёмся, надо будет прочистить мозги и тогда уже всё обдумать хорошенько.

Джейк уже хотел ему что-то ответить, как входная дверь открылась, и кто-то вышел из неё. Но совершенно не было видно кто.

-Чёрт возьми! – воскликнул Бен.

Джейк перемахнул на водительское сидение и, как можно скорее заведя машину, тихонько проехал чуть вперёд, ища доступный угол обзора. Он уже думал, что потерял вышедшего, когда двери гаража открылись, и из них выехал автомобиль Дейва. Сам Дейв вышел из машины, закрыл двери гаража, и вернулся в машину.

-Поедем за ним, посмотрим, куда он решил отправиться в субботу, — протянул Джейк, говоря как будто самому себе.

-Без проблем. Если у тебя ещё есть силы вести машину, конечно.

Дейв

-Дейв, мне кажется, за нами следят.

Испуганно сказала мне Шерон, когда я вернулся в машину, закрыв двери гаража. Я удивлённо посмотрел на Шерон. Она испуганно

оглядывалась во все стороны, упершись коленями о сидение и держась руками за подголовник.

-Не знаю, я ничего не вижу, — честно ответил я, осмотревшись.

-Поверь мне Дейв, прошу. Я чувствую.

Её испуг начал передаваться мне. Не понимаю, почему. Мне было абсолютно наплевать, я даже был бы рад, если бы Джейк сейчас выскочил из-под кузова – тогда он бы увидел Шерон, и всё встало бы на свои места. Никаких проблем, никакого больше страха. Мы будем с Шерон – это самое главное. И мне будет легче.

-Давай поедем тихонько и посмотрим, не последует ли кто за нами, — предложил я. Она лишь едва заметно кивнула, чуть не дрожа всем телом.

Двигатель приятно зарычал и мы тронулись. Я не стал разгоняться, решив дать возможность Шерон успокоиться, когда она увидит, что никто нас не преследует. Думаю, Джейк убрался восвояси, ничего не обнаружив. Проторчать всю ночь под моими окнами – ну если ему охота, пожалуйста. Пусть хоть под землю провалится, всяко лучше будет. Но всё-таки меня начинала обуревать паника, передаваемая мне от Шерон. Она крутилась и вертелась, пытаясь кого-то высмотреть.

-Я была права. Сзади, сейчас из-за поворота будет выезжать, следуют параллельно, — прям как в каком-то фильме взволнованно сказала она.

Я посмотрел в стекло и действительно, под неудобным ракурсом увидел двигающуюся медленно параллельно нам по соседней улице машину коричневого цвета. Хоть я и почувствовал, как мои руки начали легонько дрожать, но я старался казаться абсолютно спокойным. У меня появилась гениальная мысль – повернуть направо, направо, после чего, сделав крюк, выехать к центральному парку с другой стороны. В принципе, это было бы даже и интереснее – парк был большой, и с той его стороны я редко бывал.

-Смотри за ними внимательно, сейчас проверим, — ободряюще улыбнувшись Шерон, сказал я. Но она не ответила мне улыбкой. Её лицо выражало лишь страх.

Внезапно меня всего передёрнуло. Так сильно, что я даже немного вильнул в сторону, но во время со всей силой схватился за руль. Почему меня так напугало выражение её лица? У меня было такое чувство, как будто я уже видел его, но не мог вспомнить когда. Но точно, когда я его видел, случилось что-то непредотвратимое и ужасное. Я весь

похолодел. Всё моё тело как будто защемило, я постарался избавиться от этого ощущения, но не смог. Мне пришлось продолжать вести машину непослушными руками и ногами. Я тряхнул головой, стараясь откинуть все эти мысли прочь. И мне немного удалось прийти в себя.

Я сделал поворот, проехал до следующей улицы несколько домов и ещё раз свернул направо. Коричневой машины, похоже, не было видно, и я расслабился, с изнеможением облокотившись о спинку своего кресла. Но посмотрев на Шерон, я не обнаружил никакой перемены в её состоянии.

-Всё в порядке, их нигде нет, — мягко заметил я.

-Ошибаешься, — отрезала она.

И в зеркале заднего вида я увидел медленно выкатывающуюся машину наших преследователей. Где-то внизу живота меня как будто скрутило, пот выступил на лбу, и я почувствовал, что меня тошнит. Волна паники охватила всего меня. И тогда я нажал на тормоз, просто остановившись посреди улицы.

-Что ты делаешь?! – воскликнула Шерон, испугано вглядываясь мне в глаза.

-Сейчас... сейчас, мне надо подумать... я что-нибудь обязательно придумаю, всё будет в порядке.

-Они тоже остановились, чёрт! Я уверена, это Джейк!

Внезапно я почувствовал, как уже ярость льётся по-моему телу. Какого хрена она боится этого Джейка?! Ну хочет порвать с ним – почему бы не порвать напрямую и всё, чего она боится? Я никогда не понимал, когда люди терпят друг друга годами, десятилетиями. Не могут даже видеть друг друга по утрам, но всё равно продолжают жить и жить вместе, оба обречённые и несчастные. Возможно, даже изменяют друг другу – но зачем? Разбежались – и всё прекрасно, каждый идёт своей дорогой, не мешая другому, что в этом плохого? И я не понимал Шерон – зачем ломать всю эту комедийную драму, для кого? Мы вместе, мы счастливы – разве этого мало? Она хочет поиздеваться над Джейком? Или боится его? Сотни вопросов мелькали у меня в голове, от которых я буквально наливался кровью.

-Джейк – неДжейк, абсолютно плевать, — железным голосом заявил я. – Мы оторвёмся от них, просто расслабься и доверься мне, ладно?

Она как-то странно посмотрела на меня, но всё же, после несколько секунд раздумий, испуганно кивнула мне.

-Вот и прекрасно.

Мы снова поехали. Я уже не обращал никакого внимания на крадущихся за нами. Мой план был совершенен и прост. По крайней мере, я так думал. Я знал один большой супермаркет, недалеко от парка. Всё, что нам надо было сделать – это поставить машину на стоянке, войти в супермаркет через главный вход и... выйти с другой стороны. Я точно помнил, что у него два входа или даже больше. И я надеялся, что их не закрыли – уж слишком давно я там не был.

На удивление – ведь было утро субботы, стоянка была почти полностью забита, а люди сновали туда-сюда без перерыва толпами. Контрольная закупка на выходные? Но это точно необычайно выгодно для нас с Шерон. Бросив машину на первом попавшемся месте, мы одним махом вышли из неё и лёгкой трусцой, держась за руки, поспешили сквозь толпу в супермаркет. Все вокруг врезались и толкались — все как упёртые бараны следовали своему курсу, таща в каждой из рук огроменные мешки со скидочным, не нужным им, товаром, и возникающие перед ними люди не казались им какой-то ужасной помехой. Просто невыносимо, неужели им самим было приятно ударяться, тереться о мимо проходящих? Мы с Шерон лавировали как могли, но поток был настолько сильный и плотный, что несколько раз мы едва не теряли друг друга.

Наконец, мы пробились до супермаркета. То, что ожидало нас внутри, было намного хуже творившегося снаружи. Но мы, переглянувшись и улыбнувшись друг другу, крепко сцепив пальцы, без страха и упрёка ринулись вперёд. Мы видели перед собой, хоть и достаточно далеко, словно свет в конце туннеля – второй выход. Солнце как будто освещало его, блестя и играя с нами, и намного меньшее количество людей подтверждали нашу надежду, открывая и закрывая заветные двери. Пробравшись к ним, я, смеясь от нахлынувшей радости, толкнул дверь от себя. Путь был открыт. Мы были свободны.

Джейк

-Говорю тебе, он заметил нас, — проворчал Бен, после того как машина Дейва остановилась ни с того ни с сего, а потом также неожиданно

продолжила движения. – Это ещё с этих безумных резких поворотов понятно же.

Джейк понимал, что его напарник прав. Но отступать не хотел. Также он понимал, что им уже движет не разум, а отчаяние. Он реально не знал что делать, как подступиться к этому чёртовому делу. Чем больше утекает времени – тем меньше у него шансов когда-либо ещё увидеть Шерон. Если они вообще существуют. Поэтому он упрямо продолжал следовать за машиной Дейва. Бен, взглянув на Джейка и поняв, что его не отговорить, опять схватился за сигареты и недовольно замолчал.

Как бы то ни было – заметил их Дейв или нет, но Джейк продолжал сохранять дистанцию и быть как можно менее заметным. Он никак не мог понять, куда движется Дейв. Чего он хочет. И его гложили сомнения, что, возможно, они идут не той дорогой. Что-то упускают неимоверно важное, теряют своё время на бессмысленную «погоню». И инициатором это бесполезной мысли является он сам.

Дома, сменяющие друг друга за стеклом машины, были буквально точь-в-точь копией друг друга – застройка здесь не отличалась оригинальность. Но Джейку бросались в глаза интересные детали каждого дома, многое говорившие об их владельцах: у кого-то идеально подстриженная лужайка, у кого-то – нет; где-то стоит небольшая водная горка или бассейн, где-то батут; а вот у проезжаемого мимо дома вообще устроен целый огород, с рассадами и теплицами; где-то стоит большая добротная конура – собачий дворец для любимого питомца, из которой торчит морда маленькой дворняги, не нужной никому кроме её хозяина. Всё это говорит о необычайной уникальности каждого человека. Найдите двух людей, пусть даже близко похожих и почти с полностью идентичными интересами или увлечениями – один будет всей душой обожать оливки, а другой – люто ненавидеть. В этом и заключается ценность каждого человека – в его индивидуальности.

Внезапно, машина Дейва резко свернула к самому большому супермаркету города. Настолько резко, что Джейк едва успел среагировать, куда делся преследуемый. Так неожиданно вырванный из мыслей, он не сразу пришёл в себя.

-Это конечная, Джейк, — ровным голосом заявил Бен.

Как бы не хотелось Джейку последовать за Дейвом дальше, просканировать каждое его движение, каждый жест, но он понимал, что Бен прав.

-Чёрт! – ударив по рулю, воскликнул он.

Бен с сожалением посмотрел на него, но промолчал, едва заметно покачав головой.

-Можно вернуться в участок, — продолжил Бен. – Сегодня выходит наша субботняя газета, которая, я надеюсь, напечатала сообщение о пропаже Шерон. Может сообщений станет больше.

Джейк встрепенулся. Сами того не осознавая, люди иногда замечают такие мелочи, которые могут несравненно помочь им в расследовании. Хоть и слабая надежда, но Джейк был готов ухватиться за любую крупинку возможности.

-Странно, но ведь об этом должно быть известно всем уже давно – коллеги на работе уж точно знают, что произошло – но город не бурлит, — задумался Джейк.

-Один сказал, другой пересказал, третий что-то добавил, четвёртый уже забыл имя. Пятый не поверил. Поговорили, пообсуждали и забыли. История стала присказкой на день. На расклеенные объявления также нет отклика, к сожалению – может их развесили мало или оформили неудачно, кто знает. Но факт остаётся фактом – сейчас мы ни с чем, — подытожил Бен. – Остаётся надежда только на газету – уж её многие прочитают и, что важнее, скорее всего, поверят.

-Может быть, кто-нибудь что-нибудь и сообщит, — соглашаясь, ответил Джейк и тихо про себя добавил. – Умоляю, лишь бы кто-нибудь позвонил.

Дейв

Асфальтовая дорожка аллеей тянулась на протяжении всего парка, соединяя все четыре его входа: северный, южный, западный и восточный. Множество утоптанных песчаных тропинок ветвились по всем сторонам, но мы с Шерон шли по главной – мы хотели выйти к небольшому прудику, располагавшемуся в центре. Когда-то в нём плавали лебеди и утки, и я всей душой надеялся, что мы сможем уютно примоститься на какой-нибудь лавочке рядышком и просто посидеть понаблюдать за этими удивительными птицами.

Вокруг нас простирались идеально ровно высаженные деревья, чьи кроны уже пожухли и немного увяли. Но золотистый и красный цвет

листьев создавали атмосферу невозможной сказки вокруг. Переливаясь в солнечных лучах, они отражали и преломляли их, насыщая своим огненно-золотым цветом, от чего всё вокруг казалось слегка красноватым – невероятно заманчиво и великолепно. Листья тихо шуршали, мягкостью своей создавая ощущение, что под ногами простирается бескрайний ковёр. Свежий осенний, но, тем не менее, тёплый ветерок гладил наши лица и волосы, будто нежной заботливой рукой. Мы шли молча, боясь разрушить воцарившуюся вокруг нас идиллию. Казалось, что вокруг нас хрупкий стеклянный купол, внутри которого рай. И если он треснет и внезапно развалится на сотни, тысячи осколков – то всё окружающее нас чудо в один момент исчезнет, не оставив даже воспоминания о своём великолепии. Всё было настолько идеально, что тёплые слёзы выступили у меня на глазах. И я надеялся, что это не сон. А если и сон – то пусть он никогда не кончается.

Внезапно лес словно расступился, открывая нашему взору центральный пруд, выполненный в виде огромного идеального круга. Дорога раздваивалась, огибая его своими объятьями, и мы, постояв и полюбовавшись пару секунд этой красотой, переглянувшись, наперегонки побежали к одиноко стоящей, громоздкой, слегка облупившейся, но красиво витиеватой, скамейке прямо напротив пруда. Я дал Шерон выиграть, от чего счастью в ней не было предела. Она радовалась как ребёнок, а я молча смотрел на неё и улыбался. После чего мы, наконец, уселись и Шерон, положив голову мне на плечо, приобняла меня.

Так мы и сидели, наверное, целую прекрасную вечность, наблюдая, как птицы гордо рассекают водную гладь своими телами, словно прогуливаясь по родному дому. Ещё хотя бы один прекрасный момент моей жизни. Если не самый лучший. Как бы ни хотелось не эту идиллию, но понемногу начинала чувствоваться прохлада, медленно проникающая в тело. Я бы так и продолжал сидеть и сидеть, не двигаясь, но я почувствовал лёгкую дрожь тела Шерон – мне было приятно, что, даже ощущая холод, она также как и я не хотела разбивать этот рай в стеклянном куполе. Но, переполняемый заботой о ней, я всё же нежно поднял Шерон за плечи и, поцеловав её идеальный лоб, поднялся на ноги и аккуратно притянул её к себе.

Мы медленным шагом направились обратно, стараясь запечатлеть в памяти каждый миг этого дня. Я хотел запомнить каждое мгновение, каждый звук, каждый запах. Стемнело – небо заволокло чёрными тучами. Я увидел двигающийся нам на встречу силуэт велосипедиста. Он был

едва виден – плотные кроны деревьев почти не пропускали оставшиеся лучи солнца. Но он видел нас почти в упор – он прямо смотрел на нас, но, тем не менее, судя по его траектории, этот гонщик должен был проехать буквально в паре миллиметров от Шерон. Я притягивал её ближе и ближе, почти уже сам сойдя в грязь с узковатой дорожки. Как внезапно он, видимо объезжая какую-то ямку или веточку – я не успел разглядеть – резко повернул руль, чуть не снеся вовремя отскочившую в сторону Шерон.

-Ты охренел что ли?! – в моих висках стучала кровь, мои кулаки сами собой сжались.

Велосипедист как ни в чём не бывало затормозил и, повернувшись ко мне, с удивлением посмотрел на меня.

-Я вас испачкал? – невозмутимо спросил он, со слабым сожалением в голосе.

-В смысле облил? Да ты, чёрт возьми, чуть не задавил её! Ты вообще глазами или жопой смотришь? А?!

-Я...я не...

Больше не в силах сдерживать себя, я ринулся на него, готовый разорвать его на части. Велосипедист вскочил на своего железного коня и, вихляя, матерясь себе под нос, как можно скорее покинул поле боя. Я поднял камень с земли и, замахнувшись, кинул в него. Он пролетел в нескольких сантиметрах от ублюдка. Тот посмотрел на меня, крикнул что-то вроде: «Долбаный псих!» и скрылся за поворотом.

Я стоял, тяжело дыша от ярости, хлеставшей адреналином в моих венах. Шерон подошла и нежно прижалась ко мне. Я обнял её и почувствовал, как вся моя злость будто выливается из меня, пропитывая землю своим чёрным ядом.

Джейк

Джейк сидел за столом своего кабинета, нервно подёргивая ногой. Билл Трай сообщил им, что пришла целая куча свидетельских показаний по пропаже Шерон Лайрон. Он с нетерпением ждал, когда вернётся Бен, приказавший ему сидеть здесь и приходить, наконец, уже в себя, а сам пошёл за материалами. Если хотя бы десять процентов собранных звонков

и писем окажутся даже косвенно относящимися к делу – это будет очень и очень хороший толчок расследованию. Им нужны были любые зацепки, любые крупинки информации. Потому что сейчас они слепо бродили в пустоте, натыкаясь на совершенно бесполезные безликие подсказки. Словно дети копались в бескрайней песочнице, наподобие пустыни, вороша тонны песка. Беспомощные и слабые.

Не прошло и часа, как, чуть не выбив дверь, с петель, нагруженный кипой бумаг в кабинет вторгся Бен, мучаемый отдышкой. Джейк в ту же секунду кинулся к нему, не в силах больше сидеть без дела. Мешки под глазами и серый цвет лица говорили о бессонной ночи, но глаза сверкали бодростью и стремлением к работе.

-Особо не радуйся. Секретарша вывалила на меня всё, что было, но половина – по её словам – либо датированы утром и днём, либо позвонившие несли несусветный бред, рассказывая что-то вообще своё, никак не относящееся к делу.

Джейк никак не ответил. Он уже перебирал записи, в которых значилось: имя позвонившего, его показания и контактная информация. Бен, постучав пальцами по столу в минутном размышлении, после чего присоединился к напарнику, не произнеся больше ни слова.

Первые минут десять не дали вообще ничего – в просканированных бумагах говорилось о том, что Шерон и её машину видели утром, когда она ехала на работу; днём, когда она вышла на обед в ближайшее к офису кафе; или же сообщения о том, как её видели в это время где-то совершенно в другой части города – получалось, что она была примерно в трёх-четырёх местах одновременно. Первое сообщение, отправленное не в кучу мусора, а занявшее первое место в стопке «полезной информации» – было от некой Илии Стоун. Она сообщила о том, что видела автомобиль Шерон Лайрон в районе восьми-девяти часов вечера, проезжающий мимо её дома. Эту информацию хотя бы стоило ещё проверить. Удача добавила новых сил Джейку, и он с остервенением принялся прочитывать записанные секретарём сообщения.

Детективам хватило часа, чтобы отсеять все ненужные сообщения. В конечном итоге, на столе Джейка остались лежать три заявления – от Илии Стоун, Рикарда Брейка и Ли Грея. Они были необычайно ценны тем, что плюс-минус соответствовали друг другу как по времени, так и по возможному направлению движения Шерон. Бен вытащил из шкафа карту города, данную им несколько месяцев назад вместо старой. Развернув

её, детективы склонились над картой с до предела сосредоточенными лицами. Дом Дейва – исходная точка располагался на восточной окраине Мейрона. Джейк отметил его булавкой с ниткой, которая должна была восстановить направление её возможного движения. Следующим был дом Грея, примостившийся на улице, уходящей прямой линией от предыдущей точки. Далее дом Стоун, стоящий на перекрёстке той улицы и центрального проспекта, чуть при повороте направо по нему. И, наконец, жилище Брейка – оно было слегка левее проспекта, располагаясь на некотором отшибе от центра, ближе к северу, в бедном неблагополучном районе. Больше всего сомнений у детективов вызывал именно он, поэтому его пометили чёрный ниткой, тогда как основной путь – красной. Шерон там точно нечего было делать под ночь.

Джейк оставался уверен, что Дейв как-то причастен к исчезновению Шерон. По его поведению, глазам, той мерзкой улыбке. Но как именно? На этот вопрос Джейк и хотел отыскать вопрос. Он холодел от ужаса, представляя себе, что это не Шерон вела свою машину, выехавшую от Дейва. В каком она была состоянии? И верно ли вообще это предположение? Джейк опасался делать точные выводы заранее.

-Есть идеи, куда она направлялась, если, конечно, все показания верны? – спросил Бен, надеясь, что Джейк узнает какое-нибудь любимое место Шерон, куда она могла отправиться.

Но Джейк лишь покачал головой в ответ. Они жили совсем в другой стороне. Возможен был путь в офис, если последние показания верны, но зачем? Что-то забыла на работе? Шерон была ответственная, но она бы не поехала так поздно, когда всё уже закрыто и запечатано на сто замков.

-Но сначала нам нужно будет поговорить с ещё одним подозреваемым. Вернее, подозреваемой, — вспомнив о работе Шерон, сказал Джейк. – Зоя Олан. Возможно, она в чём-то замешана.

Детективы без предварительных звонок и разрешений вошли в здание офиса. В отличие от их последнего посещения, теперь расследование они вели официально. На входе их встретил охранник, перегородивший им дорогу, вскочив со своего рабочего места, представляющего из себя небольшой стол со стулом.

-Вы по пропускам или по приглашению? – вежливо, но строго спросил он, оглядев детективов и видя их отсутствие, как и бейджиков.

-Детективы Джейк Рэннел и Бен Росли. Мы ведём расследование по

делу исчезновения Шерон Лайрон, которая работала здесь, — вынимая из кармана пальто документы, ответил ему Джейк.

Охранник мельком взглянул на них, придав себе вид человека, профессионально отличающего настоящий документ от подделки. После чего отступил, пропуская детективов.

-Зоя Олан. Вам знакомо это имя? – спросил его Бен.

-Нет, к сожалению, — сразу же, даже не задумавшись, ответил тот.

-Что ж, всё равно спасибо.

Джейк уверенно зашагал дальше, направляясь к лестнице.

-Мы так никогда не найдём её, нужно спросить что ли у кого-нибудь, — заметил Бен.

-Валерия Вилсон. Поздороваемся и спросим.

-Ох, чует моё сердце, не рада она нам будет.

И Бен был чертовски прав. Они только подходили к кабинету начальницы офиса, когда резкий женский голос остановил их.

-Что вы здесь делаете? – Валерия Вилсон негодующе смотрела на них, метая молнии из прищуренных глаз.

-Добрый день. Нам необходимо допросить одного вашего работника, — повернувшись к ней, невозмутимо ответил ей Бен. – Зоя Олан. Вы не подскажете, где мы можем найти её?

-Кто вас впустил? Почему вы, не спрашивая разрешения, ворвались сюда?.. – Джейк сохраняя невозмутимый вид, достал документы, подтверждающие их право находиться, в том числе, и в этом офисе, в связи с расследованием и предоставил ей.

Валерия Вилсон скривилась, но, сохраняя важный надменный вид, всё-таки согласилась представить детективам Олан. Она провела их по коридорам мимо кабинетов, потом они вышли в большое помещение, заставленное ровными рядами столов, окружёнными небольшим полузакрытым пространством — квадратами, не более три на три метра со стенками, едва доходившими по высоте до подбородка невысокого Бена. Вилсон повела их по этому лабиринту, пока, наконец, не указала на один такой «кабинет».

-Здесь она обычно работает, — коротко заявила она и удалилась.

-А ничего, в принципе достаточно мягко, — усмехнулся Бен, — я думал, будет намного хуже.

Джейк, не ответив ему, направился сразу же к рабочему месту Зои Олан. Заглянув за стенки, он увидел стройную невысокую девушку, с милым округлым, с мягкими чертами, лицом. Она повернулась к вошедшим с немым вопросом в больших синих глазах. Зоя показалась Джейку достаточно симпатичной – её портили лишь немного великоватые резцы, из-за которых, когда она приоткрывала рот, немного напоминала кролика.

-Здравствуйте. Детективы Джейк Рэннел и Бен Росли. Вы Зоя Олан, верно?

-Д-да, это я.

-Мы разговаривали с вами по телефону, помните? – спросил Джейк, внимательно наблюдая за реакцией девушки. – Вы нам говорили, что немного проследили за Дейвом Шойзом.

-Да-да... конечно... помню, — она сильно запиналась, что детективы не упустили из виду.

-Вы ещё говорили, что Дейв Шойз хороший человек и не может причинить никому вреда, верно?

-Да...

-Что мы зря его тревожим, что он ни в чём не виноват?

-Я только хотела сказать, что...

-Так вот, он пришёл с поличным и признался, что это он убил Шерон Лайрон, — прервав Зою, заявил Джейк. Бен ошарашено посмотрел на него, но сразу же перевёл взгляд на девушку, придав лицу как можно более невозмутимое выражение. Но сильно покрасневшее лицо выдавало его удивление. Но Зоя с таким неподдельным испугом смотрела на Джейка, что не видела такой реакции его напарника.

-Этого... этого не может быть... Это невозможно...

-И также он сообщил нам, что у него был помощник, помогающий ему в этом ужасном преступлении. Он назвал вас, Зоя.

Девушка покачнулась. Бен, уже не в силах более сдерживать себя, открыл рот от изумления и теперь тупо смотрел на Джейка, не зная, что ему делать – он понимал, какую игру затеял Джейк, но это было слишком

жестоко. Бен бы никогда не сделал так. Но Джейк был абсолютно спокойный, холодным взглядом буравя свою жертву. Даже Бену было не по себе смотреть на напарника. Джейк просто прекрасно отыгрывал свою роль.

-Так что, вам лучше было бы признаться. Сотрудничество со следствием, знаете ли – очень полезная вещь в вашем положении.

-Но я не...

-Дейв быстро одумался и осёкся, не договорив некоторые важные факты. Если вы расскажете всё, что знаете, тем самым, дополнив имеющуюся у нас картину, поверьте – мы постараемся сделать так, чтобы вы ни на секунду не увидели тюрьму. Это ваш шанс. Только сейчас.

-Я не...

-Подумайте хорошенько. Очень хорошенько.

-Но...

-Взвесьте каждое слово – нам нужна лишь чистая правда, — не унимался Джейк.

Зоя начала задыхаться.

-Джейк, хватит! – не выдержал Бен.

-Ты знаешь, каково это – всю оставшуюся жизнь провести в тюрьме? Я могу рассказать тебе, я видел людей, медленно сходивших с ума. Гниющих в маленькой камере, в которой невозможно даже встать в полный рост... — наклонившись к несчастной девушке, продолжал Джейк.

-Прекрати! – Бен смотрел на Джейка полными ужаса глазами. Его пугала та холодная жестокость, что царила в этот момент во взгляде его напарника.

-Я ничего не делала... Ни в чём не виновата... — Зоя была близка к тому, чтобы просто напросто упасть в обморок.

-Что ж, простите нас за этот небольшой спектакль, — нотки жестокости исчезли из голоса Джейка, он говорил спокойно, и слегка улыбался девушке. Но в его глазах не было и тени улыбки. – Надеюсь, всё в порядке? Как вы себя чувствуете?

-Я... всё нормально, — переводя взгляд мутных глаза, ответила Зоя.

-Точно уверены? – переспросил Джейк.

-Д-да... всё нормально.

-Отлично. Ещё раз простите нас, такая уж работа, — Джейк уже собирался выйти, как остановился и добавил. – Чтобы вы не беспокоились, с Дейвом всё в порядке, пока он ни в чём не обвиняется. Пока что.

Бен, ошеломлённый, застыл на несколько секунд. Он с жалостью посмотрел на девушку, у которой только теперь слёзы ручьём потекли из глаз.

-Возьмите, — Бен протянул Зое свой платок. – Он чистый.

-С...Спасибо...

После чего Бен пулей выскочил вслед за Джейком.

-Что это было?! – нагнав напарника, взволнованно спросил Бен.

-Небольшой допрос. Да, жестковато, но это было необходимо, — ответил Джейк, совершенно спокойно продолжая идти вперёд.

-Жестковато? Да я удивлён, что она не умерла там на месте! Ты бы видел себя, — Бен тяжело дышал, отставая и вновь догоняя быстро идущего широкими шагами Джейка, — ты так с преступниками то редко разговариваешь, а здесь ни в чём неповинная девушка!

-Зато мы теперь точно знаем, что она не была соучастником Дейва. А также то, что она сама не убивала Шерон из-за ревности или ещё из-за чего. Иначе она сразу бы оправдала любимого – если она не лучшая актриса из всех, что видел свет когда-либо, — остановившись и посмотрев прямо в глаза Бену, выпалил Джейк.

-Ты зациклился на своей идее, что Дейв — убийца! – пробормотал Бен отвернувшемуся уже напарнику.

-Возможно. Но сейчас мы должны объехать тех трёх людей, которые, возможно, смогут сообщить нам что-нибудь полезное.

Бен не узнавал своего напарника и друга.

Дом Ли Грея был ещё частным небольшим особнячком. Далее вдоль центрального проспекта следовали уже многоквартирные дома, буквально через парочку ещё точь-в-точь таких же. Было пять часов вечера, и Джейк молился, чтобы все оставившие сообщения были дома, а не уехали куда-нибудь на год и больше. Детективы аккуратно открыли калитку и, пройдя несколько метров по насыпанной песчаной дорожке, остановились у входной двери. Кнопочка звонка отозвалась в доме

резким стрёкотом, ответом которому, как показалось Джейку, были чьи-то тяжёлые шаги. Второй раз звонить не пришлось – когда палец Бена уже приближался к звонку, дверь распахнулась, и детективы увидели на пороге хозяина дома. Это был мужчина лет сорока, с залысинами и коротко, под машинку, постриженными волосами. С грузной, слегка оплывшей фигурой, с виднеющимся из-под заляпанной красной футболки животиком. Лицо его было уставшее, но приятное на вид, с глубоко посаженными глазами, под которыми залегли глубокие мешки. Отторгающий вид, на первый взгляд, сглаживался искренней счастливой улыбкой и весёлыми молодыми глазами, которые скакали с одного лица детективов, на другое, и с немым вопросом лёгкого недоумения, что это за гости.

-Детективы Джейк Рэннел и Бен Росли, здравствуйте, — сказал Джейк, неотрывно смотря в глаза мужчине.

-А-а! Здравствуйте-здравствуйте. Я так понимаю, вы по поводу моего звонка в участок, проходите!

Мужчина широко раскрыл дверь, и детективы вошли в дом. К огромному их удивлению, в нём всё были идеально чисто. Ни одной пылинки. Ни одной валяющейся вещи. Всё буквально искрило чистотой.

-Пройдёмте в гостиную, наверное? Там нам будет удобнее, уверен, — позвал хозяин дома.

Джейк и Бен последовали за ним. Проходя мимо одной из комнат, в которую была приоткрыта дверь, Джейк увидел почти собранную колыбельку, поставленную посередине комнаты явно совсем недавно – она не до конца вписывалась в окружающий её интерьер. Стены были обклеены яркими красочными обоями, ещё не выцветшими – что говорило об их недавнем появлении в доме. При этом комната была заставлена сдвинутыми чуть к центру комнаты тумбочками, стульями и шкафом.

Мужчина уселся в кресло, указав рукой детективам на широкий, обитый мягкой тканью диван. Детективы, поблагодарив, сели на него и приготовились слушать. Бен, как обычно, достал свой блокнотик.

-Итак, я готов ответить на любые ваши вопросы, — доброжелательно смотря на детективов, заявил он и широко искренне улыбнулся.

-Вы Ли Грей?

-Да, это я.

-Вы звонили в участок и заявили, что у вас есть информация по поводу пропавшей ночью в четверг Шерон Лайрон?

-Да, да.

-Вы были знакомы с пропавшей?

-Никак нет.

-Вы сообщили, что видели её машину, проезжающую мимо вашего дома в районе восьми-девяти часов вечера, верно?

-В восемь сорок, примерно. Я точно помню время, потому что в этот момент мне позвонили и сказали, что жена, наконец, родила. Мальчика, представляете! Я до сих пор немного ошарашен, но, боже, как же я счастлив!

-Поздравляем, — немного холодно ответит Джейк, и сразу же пожалел об этом – он был уставший и злой, но обижать этого счастливого мужчину ему никак не хотелось, поэтому сменив тон на как можно более радостный, он добавил. – Надеемся всё прекрасно и без осложнении?

-О да-да, всё просто великолепно, спасибо. Так вот, я радостно выбежал на улицу глотнуть свежего воздуха и увидел проезжающую мимо красную машину Audi100. Я уверен, что это была именно она – я всё-таки работаю автомехаником и в таких вещах разбираюсь, знаете ли!

-Кто был водителем и сколько человек было в машине, вы не видели сквозь стёкла?

-Было уже темно, только пара фонарей светили, но на передних местах точно сидела одна женщина. Да-да, в этом я уверен. Но что было странно и также привлекло моё внимание – она вела как-то неуверенно, немного виляя из стороны в сторону. Мне поэтому особенно отчётливо всё это запомнилось и, увидев объявление в газете, я сразу понял о какой машине речь.

-Номерные знаки вы успели запомнить?

-Не буду вам врать, не совсем. Но примерно восстанавливая ту картину в своей памяти, мне кажется, что был именно тот номер, что напечатан в газете.

-Что-нибудь ещё?

-К моему огромному сожалению, нет, детективы.

-Спасибо вам за информацию, она очень ценна для нас. Если вспомните или увидите что-нибудь ещё, сообщите нам, пожалуйста, — Джейк встал и направился к выходу.

Бен, дописав пару строчек в своём блокноте, тепло улыбнулся Ли Грею и, привстав, кряхтя, последовал за напарником.

-Как хорошо она водит, Джейк? – тихо спросил Бен, когда они садились в машину.

-Очень и очень уверенно. Я даже доверял ей пару раз вести мою.

-Хах, ну это многого стоит, — рассмеявшись, сказал Бен, но, увидев напряжённое лицо Джейка, заводившего машину, осёкся и, кашлянув, достал сигару.

Следующей опрашиваемой была Илия Стоун. Ею была указана квартира на пятом этаже длинного тянущегося семиэтажного дома, находившегося почти на краю между общими и частными домами. Поднимаясь по лестнице, детективам ничего не оставалось, кроме как надеяться, что хотя бы окна квартиры, принадлежавшей этой женщине, направлены на проспект. Остановившись на нужном этаже, напротив огромной, обитой замшей дверью, и, сверив ещё раз оставленный адрес с почти стёршимися цифрами над ней, детективы позвонили в квартиру. Ответом им была тишина. Вслушиваясь в неё, Джейк не мог расслышать вообще ничего, как будто за дверью царила пустота. Они позвонили ещё раз. Кто-то начал скрестись с другой стороны двери острыми коготочками. Джейк и Бен переглянулись.

-Может, её дома нет? Или её этот цербер сожрал? – невесело ухмыльнувшись, прошептал Бен, хватаясь по привычке за внутренний карман лёгкого пальто.

Джейк позвонил в третий раз. И тогда дверь распахнулась на небольшую щёлочку, на которую позволяла цепочка, прибитая с внутренней стороны. Причём так неожиданно, что детективы невольно сделали шаг назад.

-Кто вы? Что случилось? – раздался из-за двери осипший голос немолодой женщины.

-Детективы Джейк Рэннел и Бен Росли. Вы Илия Стоун?

-Да, это я, — всё также ведя беседу через маленькую щель, ответила женщина.

-Вы звонили в участок и сообщали информацию по поводу пропажи Шерон Лайрон?

-Да-да... а вы из полиции?

-Мы детективы, можем предъявить вам наши значки и документы.

-Предъявите, пожалуйста.

Джейка не покидала гнетущая мысль, что они бессмысленно теряют время. Ну что она могла видеть? Сотни проезжающих машин по центральному проспекту? У него появлялось ужасно сильное желание развернуться и уйти отсюда.

Когда, наконец, все проверки были пройдены, женщина открыла дверь и пропустила детективов в квартиру. Толстый пушистый кот чуть не выскочил на лестничную площадку, как с невероятной для такой пожилой женщины прыти, Илия Стоун успела схватить его, причитая, что за негодник, а не кот. Низенькая, слегка сгорбленная старушка, укутанная так, словно на улице был мороз в минус сорок – она поковыляла в одинокую комнатушку, приглашая гостей идти за собой. Маленькая однокомнатная квартирка, просматриваемая один взглядом из коридора, захламлённая кучей какого-то мусора и коробок. Воздух был пропитан старостью. Всё это ужасно давило на Джейка – ему было одновременно и жаль несчастную женщину, и хотелось убраться отсюда как можно скорее. Бен брезгливо кривился, аккуратно пробираясь за ним, стараясь не касаться ничего вокруг.

-Чаю? – добродушно спросила Илия Стоун.

-Нет, спасибо, мы спешим, — на одном дыхании выпалил Бен, опёршись у стенки и уже приготовив свой блокнот и ручку.

-Какую информацию вы готовы сообщить нам? – сев на краешек табуретки, на которую вежливо указала старушка, продолжил задавать вопросы Джейк.

-Я видела проезжающую машину Шерон под моими окнами. Я ещё удивилась, куда это она едет в такое позднее время, на часах было уже почти девять часов вечера. Я просто сидела на балконе и увидела.

-Подождите, вы знаете Шерон? – изумился Джейк.

-Да, конечно. Она нередко участвовала на благотворительных мероприятиях. Помогала мне как-то, когда я болела. Она же состоит в какой-то там организации, помогающей таким как я – доживающим свой

век старикам.

Джейк никогда не слышал об этом от Шерон. Словно тяжёлый камень, лежащий на его душе, провалился ещё глубже, став более ощутимым.

-Но... вы уверены, что мимо вас проезжала именно машина Шерон Лайрон?

-Спасибо Господи, но зрением я до сих пор наделена ясным. Шерон привозила мне как-то продукты и даже подвезла один раз меня. Я могу поклясться, что это была её машина. Поклясться! — гордо заявила старушка.

Джейк чувствовал, что ему нужно срочно выйти из этого дома и вдохнуть как можно больше свежего воздуха. Иначе он просто потеряет сознание, не в силах более осознавать происходящее. Ещё и маленькая грязная кухонька давила на него со всех сторон, стены как будто всё больше и больше сжимались.

-Что-нибудь... ещё? – выдавил он из себя.

-Я надеялась, что вам это будет полезно. Такая хорошая была девушка! Такая милая и добрая! Ну почему Господь всегда прибирает лучших из нас? – Джейк поднялся с табуретки и, пошатываясь, направился к выходу, под причитания Илии Стоун.

-Спасибо вам за информацию. Если вспомните что-нибудь ещё или увидите, сообщите нам, — отчеканил Бен и поспешил за Джейком.

Детективы буквально вывалились в коридор, когда старушка вдруг спохватилась и выбежала за ними.

-Не знаю, насколько это полезно будет вам, но через некоторое время, когда проехала Шерон, проехала также и ещё одна машина. Её носило из стороны в сторону. Чёрного или тёмно синего цвета, я не знаю. Похожая внешне на машину Шерон, но немного другая, не знаю, как описать.

Джейк молча потянулся в карман и достал купюру достаточно крупного номинала и протянул её пожилой женщине.

-Ой, что вы! Не надо – не надо!

-Считайте, что это плата за информацию. Поверьте, она очень ценна для нас, — ответил Джейк и, положив купюру на тумбочку в коридоре, чтобы прекратить препинания, вышел из квартиры и сразу же начал

спускаться по лестнице.

-Ничего себе, ты расщедрился, — догнав его, заметил Бен.

-Я чувствовал, что не могу поступить иначе. Пусть это будет в память о Шерон.

Имела ли та вторая машина какое-нибудь отношение к исчезновению Шерон? Возможно. Кто был за её рулём? Неизвестно. А если это был тот самый убийца? А если просто перепивший человек, возвращающийся домой? Сотни вопросов и вариантов без ответов возникали и исчезали в голове Джейка. Как же всё было сложно и тяжело для него. Слишком много личного в этом деле. Когда он расследовал что-то, не имеющее отношение к нему самому – то смотрел безразличным профессиональным взглядом, который позволял чётче видеть детали и быстрее анализировать получаемую информацию. А тут всё относилось к нему, давя и разрывая Джейка одновременно. Но оставался ещё один человек — Рикард Брейк, который мог сообщить что-нибудь полезное. Плохое предчувствие одолевало Джейка, но отступать уже было некуда. Ещё одна возможная зацепка могла стоить всему расследованию удачной, насколько это было возможно, развязки.

Горы мусора, снующие бродячие псы и зловоние – неблагополучный район, в котором проживал Рикард Брейк, представал во всей красе перед въезжающими в него детективами. Это место славилось в полицейских отчётах и сводках газет. Скандалы, разборки, драки – всё это здесь было таким же обычным, как умение дышать для человека. Джейк уверял себя, что Шерон никоим образом не могла попасть сюда. Ну что она могла забыть в этой всеми забытой дыре? Что-нибудь связанное с социальной помощью, которой как оказалось, она занималась? В такое-то время? Джейк был уверен, что нет. Он надеялся, что нет.

-Надеюсь, ты не против, если я сниму пистолет с предохранителя? – ехидно спросил Бен, нашаривая рукой портсигар.

Джейку и самому хотелось на самом деле вынуть из кобуры свой и держать его как можно крепче.

Они остановились около указанного домишка. Полуразваливающийся, покосившийся, облупившийся и покрывшийся местами плесенью. Кое-где отваливался дешёвый сайдинг, приоткрывая добротный когда-то кирпичный скелет. Детективы вышли из машины и, пару секунд привыкая к царившему зловонию, направились к скривлённому крыльцу. Расколовшийся дверной звонок, ожидаемо, не работал. Джейк постучал

кулаком три раза как можно громче. В доме были слышны какая-то беготня, крики и ор какой-то программы по телевизору.

Дверь открыла забитая женщина, которой можно было дать и пятьдесят лет – её морщинистое оплывшее, фиолетово-красное лицо, с чёрными кругами под глазами и синим фингалом вокруг правого, с набухшим низко посаженным носом. Её тело было словно иссушено. Джейк с омерзением смотрел в лицо этой женщины, догадываясь, что ей не больше тридцати лет, как бы она не выглядела. Та же даже не посмотрела на стоявших, безразлично опустив глаза в пол.

-Здравствуйте, нам нужен Рикард Брейк. Детективы Бен Росли и Джек Рэннел, по поводу информации о пропавшей Шерон Лайрон, — отчеканил на одном вздохе Бен.

-Проходите, — мёртвым шёпотом ответила женщина, боязливо посторонясь детективов.

Внутри в воздухе словно застыл запах дешёвого алкоголя. Три ребёнка школьного возраста выглядывали из дальней комнаты, сразу же нырнув обратно при взгляде Джейка. Женщина повела детективов мимо нагроможденных бутылок, упаковок из-под лапшы и пиццы, банок и мусорных пакетов. Она зашла в комнату, из которой орал телевизор, освещая полумрак, и стыдливо встала у дальней стенки, продолжая разглядывать голый пол. На удивление, в доме было тепло, даже жарко, но детективы не стали снимать верхнюю одежду.

Напротив телевизора возлежал мужчина средних лет, слегка оплывший жиром, но сохранявший крепкую фигуру. Свет телевизора освещал его красное лицо, характерное для обыкновенного представителя быдла. В руке он держал только что открытую бутылку пива, из которой при каждом его хохоте – программа была какая-то комедийная – часть напитка обильно поливала его пол и часть дивана.

-Эй, вы кто ваще, а? – увидев гостей, мужчина вскочил на ноги, сильно покачнувшись. – Кого ты в дом пустила, сволочь?

-Будьте добры, смените тон и избавьте речь от брани на время нашего разговора хотя бы, — железно заявил Джейк, холодно смотря в глаза оппоненту своим тяжёлым взглядом.

-Чё сказал? Ты где находишься не попутал? – мужчина сделал шаг на встречу детективам, поправляя плечи, но резко остановился, когда они одновременно предупреждающе положили руки на кобуры с

пистолетами, отодвинув подолы пальто так, чтобы их стало видно.

-Детективы Бен Росли и Джек Рэннел. Мы здесь по делу пропавшей Шерон Лайрон. Вы Рикард Брейк? – невозмутимо спросил Бен, но кончики его пальцев слегка дрожали от напряжения сложившейся ситуации.

-А, ё моё. Так бы сразу и сказали, — Брейк расплылся в улыбке и иронично добавил. – Да, это я. Добро пожаловать в мою скромную обитель, джентльмены.

-Невероятно приятно. Что вам известно по этому делу?

-Известно-то многое известно. Сколько платите за информацию? А?

Джейк всеми силами сдерживал желание подойти вплотную к Рикарду и внешней стороной ладони хотя бы одним махом привести его в чувство.

-Заплатим, не сомневайтесь, — для убедительности, Джейк достал из кармана несколько купюр.

-Короче слушайте, сижу я значит тогда на крыльце, поздно уже было, и я поэтому дома-то был. Вот. И вижу, короче, как машина красная проезжает. Эта, как её, Audi 100. Да. А за рулём женщина. Вот и проехали они.

-По уже имеющейся у нас информации, с ней ехал мужчина. Вы уверены, что видели именно машину пропавшей? – Джейк не верил ни одному слову этого пропойцы.

-А, да. Припоминаю. Был там мужик ещё в машине какой-то странный такой, — ни разу не смутившись, ответил Брейк.

-Прекрасно. Вам известно, что за дачу ложных показаний можно и в тюрьму загреметь? – совершенно спокойно заявил Бен, не в силах больше терпеть потоки бреда.

-Чё? Да я те руку даю, вчера проезжали.

-Вчера? Лучше просто заткнись, парень, — не сдержался Бен.

-Вы отняли время у детективов, ведущих расследование. Мы занесём этот факт в дело, вас будет ждать нешуточный штраф, — бросив через плечо, сказал Джейк и пошёл на выход.

-Да и катитесь к чёрту, идите, ищите шлюху эту на свалке где-нибудь, где вам с ней самое место, ублюдки! – распалился Брейк.

Джейк сжал кулаки, и уже было развернулся, не в силах больше сдерживать себя, но железная рука Бена остановила его.

-Давай без глупостей, прошу тебя, — прошептал он ему на ухо. – Он этого недостоин.

Детективы покинули дом под дикие крики и мат Рикарда. Сев в машину, они увидели вывалившихся на улицу любопытных детей – оборванных и грязных.

-Жаль детишек, — заметил Бен, закуривая трясущимися руками.

-Надо бы пристрелить эту свинью, — зло ответил Джейк.

-Расслабься. Передадим это дело полиции. Конечно, скорее всего, ничего сделать не смогут, но… что мы можем ещё сделать.

«Действительно, что мы можем?» — подумал про себя Джейк и надавил ногой на педаль газа, желая как можно быстрее убраться из этого проклятого места.

В участок детективы вернулись примерно в половине девятого вечера. Уставшие и обозлённые. Как только дверь кабинета закрылась, Джейк дал волю чувствам.

-Чёрт, чёрт, чёрт, — не в силах больше сдерживать себя, кричал он и смахивал все вещи со стола, сдирая кожу с рук до крови.

Бен спокойно расположился на своём месте, крутя коробок спичек в руках. Он не хотел останавливать Джейка, так как понимал, как важен иногда выплеск всех чувств и эмоций. А также потому, что он смертельно устал за эти безумные два дня.

Чуть не разгромив стол, Джейк немного успокоился и, схватившись за голову, затих. Повисла тишина, прерываемая лишь шуршанием спичечного коробка. Как в кабинет робко открылась дверь, и на пороге возникла одна из секретарей, принимающих звонки.

-Детектив Джейк Рэннел, — с испугом смотря на творившийся в кабинете бардак, обратилась она. – Вам звонили сегодня, просили передать сообщение.

-Кто? – выдохнул Джейк, чувствуя, что ответ его не обрадует.

-Сэм Лайрон. Хотел поговорить с вами по поводу дочери, сказал, что не может дозвониться вам на домашний.

-Чёрт, — уже прошептал в изнеможении Джейк. – Спасибо, Сара.

-И да, ещё Билл Трай просил передать, что в участок звонил какой-то мужчина, говорил, что во время катания на велосипеде в парке на него напал какой-то сумасшедший – чуть не убил камнем. Шеф говорит, что по описанию – возможно Дейв Шойз.

-Одна беда идёт, другую за ручку ведёт, — тихо прошептал Бен.

-Окей, я зайду к нему обязательно, — выдохнул Джейк.

-Сейчас он уехал, сказал, что будет завтра к восьми часам утра.

-Хорошо. Спасибо ещё раз тебе большое.

Девушка покинула кабинет, а Джейк снова зарылся головой в свои побледневшие ладони. Как он мог забыть о родителях Шерон? Не рассказать, что происходит? Они ведь наверняка чувствовали что-то неладное... да и Шерон обычно часто навещала их. Да, они никогда не были близки с Джейком, Сэм Лайрон даже, можно сказать, недолюбливал Джейка, но детектив всё равно чувствовал сильное раскаяние за то, что просто забыл о них, пылая жаждой раскрыть дело. Он даже не подумал спросить их, что они знают, хотя и был даже сейчас уверен – что совершенно ничего. Бен с сочувствием посмотрел на напарника, но ничего не стал говорить ему. Личная внутренняя боль не нуждается в поддержке извне.

-Бен, я ещё посижу немного, подумаю, — сверкнув глазами, сказал Джейк. – Поезжай домой, отдохни. Думаю, тебе нужно хорошо выспаться.

-Я бы с удовольствием, но мне страшно оставлять тебя одного. Ты сейчас в таком состоянии, что чувствует моё сердце – понаделаешь таких глупостей, что хрен разгребём потом, — устало ответил Бен.

-Обещаю тебе, я буду предельно сосредоточен. К тому же, я совсем немного посижу здесь и тоже завалюсь спать. Нужно перезагрузиться.

-Ладно, но если что-то натворишь, обещаю, накажу, как маленького ребёнка, — Бен взял своё пальто и, ещё раз внимательно взглянув на Джейка, вышел из кабинета, махнув ему рукой на прощание.

Джейк остался один, одолеваемый одной лишь мыслей и желанием. Он решил для себя, что поедет к Дейву и выдавит из него всё то, что тот может знать. Пришло время сыграть по-настоящему «злого» полицейского.

Дейв

Мы лежали на балконе, нежно прижавшись друг другу, и смотрели на медленно наползающие сумерки. Я дал Шерон свой самый тёплый шерстяной свитер, который теперь покусывал мою щёку, которую я

аккуратно положил ей на плечо. Моя душа буквально разрывалась от желания сказать ей, как сильно я её люблю. Почти также, как в ту ночь, когда я уже подумал, что потерял её навсегда. Но теперь я мог это сделать. Теперь она была со мной. Я уже было собрался с душевными силами, но меня на полувздохе оборвал звонок телефона из гостиной на первом этаже. С тяжёлым предчувствием я поспешил к нему, обуреваемый также и досадой и горечью от того, что меня прервали, когда я уже представил себе, каким будет романтичным наш вечер.

-Дейв? Дейв, это ты? – из трубки я услышал заплаканный голос матери.

-Да, мама, — безжизненно ответил я, не сомневаясь в причине её звонка.

-Шерон... Боже, милый... мне так жаль... она б-была нам как родная дочь. Я не могу представить каково тебе...

Я сидел и слушал рыдания моей матери. Я прекрасно понимал её – она просто обожала Шерон. Не только за то, что та оберегала меня и дарила мне хоть какие-то крупицы радости в школьные годы. А и за то, что Шерон было просто невозможно не любить, не симпатизировать ей. Всегда милая и честная – взрослые не раз жалели, что она не их дочь. Не в открытую чаще всего конечно, но по их сравнивающему взгляду, кидаемому на своё чадо это читалось особенно отчётливо. Я это знаю, потому что сам видел такой взгляд у своей матери. И довольно-таки нередко. И даже сейчас мне было немного больно в душе от того, что мама плачется о Шерон. Ведь мы не виделись с ней уже больше года. Сначала они с отцом перебрались подальше на север, и мы редко навещали друг друга – не более десяти раз всего за три года. И вот последний раз в тот момент, когда мне пришлось поехать помочь ей с похоронами отца. Шерон поехала со мной, чтобы поддержать – она знала, насколько мы были близки с отцом. И в итоге, моя мама обнимала Шерон на протяжении всего этого ада и плакалась ей в плечо, пока я в одиночестве стоял убитый горем. А общались мы редкими звонками по паре минут, в которые умещались стандартные пустые вопросы по типу: Как дела? Всё ли в порядке? Не встречаюсь ли я с кем-то? И так далее, и так далее. Учитывая то, что ни одного вопроса не было о Шерон, где-то в глубине моего сердца меня колола боль от того, что возможно она намного чаще звонила ей. Но Шерон мне никогда не говорила со мной об этом. Скорее всего, не хотела ранить меня, зная насколько сильно это и так давило на меня.

Этот звонок – это было лишь начало ада. Телефон буквально разрывался от звонков – все те, кто узнал от своих знакомых, что такой ужас был напечатан в газете и кто хоть немного знал меня, звонили меня высказать свои соболезнования. Это была словно извращённая панихида, вбивавшая меня в глубины депрессии всё дальше и дальше. Мне оставалось лишь догадываться, сколько раз разрывался мой телефон весь этот день, пока нас не было дома.

Но по-настоящему плохо мне стало, когда подняв трубку, я услышал в ней совершенно мёртвый, ужасающе тихий голос отца Шерон – Сэма Лайрона. Он никогда не был особенно расположен ко мне, но и никогда я не видел косого взгляда в свою сторону и не слышал не доброго слова от него. Отец Шерон навсегда врезался в мою память как мужчина твёрдый и безэмоциональный. Я редко видел его искренне смеющимся, обычно лишь из-за какой-нибудь выходки Шерон, которая-то старалась очень и очень часто развеселить его и безумно радовалась, когда ей это удавалось.

-Привет, Дейв, — отец Шерон кашлянул, как будто слова застряли у него в горле, и продолжил. – Я знаю, как вы дружили с Шерон. Если тебе будет совсем плохо, заходи к нам. Жена потеряла сознание, когда прочла газету, но сейчас ей уже лучше. Если будет время, то не стесняйся. Лили будет рада тебя увидеть.

Я поблагодарил его, и он, попрощавшись, положил трубку. Скупо, но по-настоящему искренне. Я знал, сколько усилий ему стоит позвонить мне и сказать всё это. Ощущение того, что я самая последняя мразь на свете захлестнуло меня. И мне было невозможно больно за Лилию Лайрон – она всегда была невероятно заботлива и тепла ко мне. Иногда я шёл именно к ней поговорить о возникающих у меня проблемах – и она всегда внимательно выслушивала меня и старалась дать мне хороший совет – не наобум, такой, чтобы я отстал, нет – напротив, она, бывало, долго размышляла, обсуждала со мной различные варианты так, что я сам понемногу начинал приходить к верному, как считал решению. Она как бы подталкивала меня к верному ответу, непременно смотря на меня глазами, которые точь-в-точь передались Шерон, начиная размышление, когда я сидел в роли слушателя и, аккуратно передавая мне постепенно эстафету, я начинал сам грамотно рассуждать и делать выводы. Я почувствовал необъятную пустоту в груди вместо сердца.

Шерон тихонько зашла в гостиную и встала у меня за спиной, положив мне руки на плечи. Кажется, она до этого стояла в некотором отдалении

и слушала то, что мне говорили по телефону. Её лицо выражало нестерпимое страдание, на глазах выступили слёзы.

-Мы должны им признаться, Шерон, — прошептал я. – Должны.

-Я...я согласна, но как? – она едва не срывалась на плач. – Прости меня, Дейв, я не знала... не знала, что всё так повернётся...

-Я хочу, чтобы ты знала – я ни в чём не виню тебя, — твёрдо заявил я.

Она нежно улыбнулась мне.

-Но надо сделать это как-то аккуратно, но как? — подумав, сказал я.

-Быть может... — у Шерон явно появилась какая-то идея, но её прервал яростный стук в дверь.

Я посмотрел на часы – было почти десять часов ночи. Кого опять принесло в столь поздний час? Я чувствовал, как злость обуревает меня. Ещё вместо того, чтобы позвонить, пришедший явно вознамерился выбить мою дверь к чертям. Мне хотелось подняться на второй этаж и взять револьвер, но я остановил себя – иногда ярость лучше попридержать, чем дать ей волю.

С силой распахнув входную дверь, я хотел наорать на пришедшего, но увидев перекошенное лицо Джейка прямо перед собой, слова словно застряли у меня в горле. Он тяжело дышал и буквально пылал гневом. Его карие глаза горели безумием и отчаянием, пронизывая меня насквозь. Без лишних слов, он перешагнул через порог, оттолкнув меня в коридор, и махом закрыл дверь.

-Я знаю, знаю, что ты сделал это, ублюдок! — процедил Джейк сквозь зубы, схватив меня за грудки. – Признайся мне, у тебя нет выбора!

Я не могу пошевелиться, лишь молча смотрел ему в глаза, в которых сверкал огонь, стараясь держать твёрдость хотя бы взгляда.

-И ты ответишь! Поверь, ты сядешь за решётку до конца жизни, если я не пущу тебе пулю в лоб!

Он кричал и кричал мне прямо в лицо, а я почувствовал, как мой взгляд стекленеет, и я падаю «вовнутрь» себя. Его голос становился всё тише и тише, отдаваясь эхом в моём сознании, а его лицо расплывалось перед глазами, понемногу исчезая...

...летние каникулы после 9 класса.

Мы возвращались с Шерон после купания в озере, расположенном

недалеко в лесу. Мы весело болтали, вспоминая весёлые моменты проведённого дня и обсуждая, что будем делать завтра. Солнце понемногу скатывалось к закату, окрашивая всё вокруг в ярко-красный цвет. Когда из-за забора, откуда не возьмись, выскочил Джейк с двумя дружками – с самого его появления в школе я не помнил ни одного момента, когда бы он был один, без своих поддакивателей.

-Оп-а! Какие люди. Здравствуйте, здравствуйте. Жених и невеста прямо, поглядите на них, — его компания сопровождала каждое его слово заливистым омерзительным хохотом.

-Отстань, Джейк. Забирай своих любимых мальчиков и проваливай отсюда, — холодно ответила ему Шерон, беря меня за руку и намереваясь просто пройти мимо этой отвратительной компании.

-О-о, какие мы дерзкие. Мне вот интересно, кто из вас пацан, а кто леди? Шерон, ты давно уже стал защитником своей маленькой подружки? – парировал он, перегораживая нам дорогу.

Я стоял молча, как обычно опустив глаза в землю. Подступали слёзы обиды — я не понимал, почему в такой прекрасный день должен непременно вторгнуться и всё разрушить этот Джейк. Почему всегда я?

-А что это у нас нюня там застыл? Ути-пути, неужели он уже готов заливать нас своими слёзками и соплями?

-Отстань от него, он тебе ничего плохого не сделал!

-Он родился – для него это уже ужасное преступление. Такое разочарование родителей! Если бы я был его отцом, то утопил бы сначала его, а потом утопился бы сам от позора...

И тогда я не выдержал и первый раз в жизни выбросил кулак, желая всей душой разбить ему нос до крови. Он ловко увернулся, выкрутив мне руку так, что она хрустнула, и ударив дополнительно мне коленом в живот.

— Оставь его! Отстань! – верещала Шерон, срываясь на визг. Компания Джейка не давала ей разнять нас.

Джейк молча откинул меня в грязь, после чего чинно отряхнулся и, ухмыльнувшись, отвернулся и пошёл прочь, махнув рукой своим дружкам, пока я барахтался и задыхался лёжа на земле.

-Нужно лучше выбирать друзей, Шерон. На кого только ты тратишь своё драгоценное время!

...

Лёгкой пощёчиной Джейк постарался привести меня в чувство. Я моментально вернулся к реальности. В ответ я, также как и тогда сжал руку в кулак и залепил ему прямо по скуле. От неожиданности он отшатнулся. Удар вышел не сильный, но он явно не ожидал этого.

-Неплохо, Дейви, — полушёпотом прошипел он, потирая ушиб. – Поверь, если только я узнаю, что это ты убил Шерон, то я вобью тебя в землю собственными руками. Просто поверь мне.

Похоже, моя оплеуха привела его немного в чувство, потому что он просто развернулся и хотел уже уйти, но я крикнул ему вслед вопрос, мучающий меня уже многие годы:

-Почему?! Почему она пошла с тобой на свидание? – слова вырывались из меня с болью. – Она же ненавидела тебя!

-Потому, что я пообещал ей, что отстану от тебя. Дам тебе спокойно поучиться последний год в школе. – Стоя ко мне спиной, немного повернув голову, холодно ответил он и вышел из моего дома, не сказав больше ни слова.

Она сделала это ради меня... Согласилась пойти на свидание с этим чудовищем из-за меня. Уж я представляю себе, какого ангелочка он строил из себя, наверное, в тот день. Да, он сдержал своё обещание – Джейк даже не взглянул на меня ни разу в одиннадцатом классе – но, тем не менее, его поступок всё равно был подл и низок. Он не имел права так шантажировать Шерон. Лучше бы она послала его куда подальше, я пережил бы ещё один год. Всего лишь один год!

Я вернулся в гостиную, намереваясь продолжить с Шерон разрабатывать план о её «возвращении». Я запер все свои мысли о том, что сказал мне Джейк в глубине моего сознания – у меня ещё будет время обсудить с Шерон всё это — потому что есть проблемы, которые нужно решать сейчас же. Но там я её не обнаружил. Я обыскал весь дом, но её нигде не было. Я бегал по нему как безумный, охваченный очередным припадком паники. После чего, когда адреналин перестал хлестать у меня в крови, я без сил упал на небольшой диванчик и забылся беспокойным сном.

Я сижу на полу, с вставленным дулом револьвера в рот. Слёзы текут у меня по лицу, обжигая щёки. Проходит минута, другая – я не могу найти

в себе силы нажать на курок. Тогда я вынимаю дуло и, откашлявшись, с огромным усилием встаю на ноги. В глубине души я хочу откинуть револьвер как можно дальше, но непроизвольным движением я закладываю его себе за пояс и буквально сползаю с лестницы обратно на первый этаж. «Что же я наделал?» — пульсирует мысль в моём сознании, отдаваясь ужасной болью внутри всего меня. Я плетусь на непослушных ногах к своей машине – не знаю зачем, моё тело, словно само задаёт себе задачу и исполняет её. Я же хочу лишь упасть на землю и умереть, позабытый всеми. В моём сознании рождается новая идея, кажущейся мне идеальной – нужно найти Шерон. Я не знал, не мог придумать, что ей сказать, но чувствовал, что обязан найти её. Во мне растёт чувство уверенности, что она отправилась на своё любимое место – когда ей было больно или плохо, она всегда пряталась там. Не знаю почему. Оно возникло где-то в глубине меня, и я не в силах противоречить ему. И я направляюсь туда. Ноги еле слушаются, руки трясутся, но у меня получается держаться заданного курса, превращая прямые линии в изогнутые. Я не включаю фары – еду, ориентируясь по фонарям. Мне вдруг представляется, что я хладнокровный убийца, крадущийся в кромешной тьме.

Не знаю, сколько было времени, сколько времени прошло, но, наконец, я оставил машину на ближайшем расстоянии от полянки с камнем, на котором только мог. Вывалившись из неё, я, ведомый тьмой, собрав все свои силы, поковылял сквозь лесные дебри. Стволы деревьев сжимались вокруг меня, выстраиваясь преградой, словно пытались остановить меня. Но я упрямо пробивался вперёд сквозь больно хлещущие моё тело ветви, падая и вставая и снова падая. Я уже думал, что заблудился, когда лес расступился, и я выпал на до боли знакомую поляну. Споткнувшись, я кубарем перекатился несколько раз, после чего вскочил и огляделся. Посередине стоял камень, на котором был виден тонкий силуэт девушки. Шерон. Я был счастлив, что не ошибся, что нашёл её. Я направился к ней, адреналин, растекающийся по моим венам, ускорял меня с каждым шагом. И вот я подошёл к ней вплотную. Мысли разбиваются на сотни осколков у меня в голове, я не могу собрать их, а потому лишь беззвучно открываю и закрываю рот. Шерон не слышит меня. Он плачет, закрыв лицо руками. Тогда я легонько касаюсь её плеча. Она испуганно оглядывается и, видя меня, отстраняется. Её лицо выражает лишь страх. Это словно пронзает меня, выбивая сердце из груди. В этот момент я понимаю, что в левой руке сжимаю револьвер. Я не понимаю, зачем взял его с собой, зачем вынул и так крепко держу теперь. Шерон вскакивает,

но я, испугавшись, что она убежит сейчас, хватаю её за плечо и пытаюсь усадить обратно – мне многое нужно сказать ей. Но, не рассчитав силы, я безвольной рукой сильно толкаю её — она падает и бьётся головой о камень. Кровь заливает чёрную траву. Я падаю на колени в абсолютном молчании. Крик разрывает меня изнутри, вырываясь беззвучным ужасом наружу.

Джейк

Опустошённый, совершенно отчаявшийся, Джейк поехал домой. Он не мог понять, в чём допустил ошибку, что пропустил. «Без тела сложно раскрыть преступление» — вспомнились ему слова с одной из лекций. Тогда он недовольно усмехнулся, будучи уверенный, что любое дело можно раскрыть, стоит только грамотно распутывать клубок нитей, ведущих к разгадке. Что подвело его здесь, сейчас? В важнейшем лично для него расследовании? Быть может, он не компетентен из-за этих самых личных мотивов? Ему было невыносимо больно, но он ничего не мог сделать. Джейк чувствовал себя самым беспомощным существом на свете.

Джейку хотелось завалиться спать, забывшись крепким сном, лишь бы не дышать сейчас, не чувствовать всего того, что бурлило в нём. Но он в нерешительности стоял на крыльце родного до недавних пор дома, неуверенно держась за ручку входной двери и не в силах пошевелиться. Страх перед царившей там пустотой или надежда найти там спящую Шерон, не знающую о том, что происходит вокруг опутала его тело? Он и сам не мог ответить. Ему вспомнился тот день – день, когда она согласилась пойти на свидание с ним. День, когда он изменился:

Был конец десятого класса. Они ехали в школьном автобусе. За стёклами окон ничего не было видно – дождь сплошной стеной закрывал весь окружающий мир, барабаня по крыше автобуса. Джейк, как и всегда, сидел на самом заднем месте, чуть на возвышении, окружённый огромной компанией школьников и школьниц – одногодок и младших классов, с восторгом поглядывающих на него. Но сам Джейк был особенно молчалив в этот день – он метал взгляд в глубину салона, не в силах надолго отвести взгляд от копны бело-золотистых волос, немного виднеющихся над спинкой кресла. Она сидела одна – Дейв вроде как в сотый раз заболел. А значит, у него был шанс поговорить

с ней – нужно лишь только решиться. А время невозвратимо утекало – автобус подъезжал к остановке и Шерон, вскочив, грациозно поспешила к выходу. Что-то оборвалось в груди Джейка. В одно мгновение он понял – сейчас или никогда. Он побежал за ней на выход, и уже начавшему движение водителю пришлось резко затормозить, видя спешившего к выходу зазевавшегося парня.

-Быстрее давай! – недовольно крикнул он ему.

Джейк выскочил из дверей и побежал за Шерон, которая, накрыв собой сумку, бежала к остановке – единственному ближайшему укрытию от ливня.

-Привет, — махнув ей рукой, сказал Джейк. – Сыровато сегодня, как думаешь?

Она смерила его презрительным взглядом и не ответила. Так они постояли несколько минут на маленьком островке среди бушующего океана – оба мокрые до нитки.

-Не занята сегодня вечером? – продолжил Джейк, теребя пальцами подол куртки. – Там в кино сегодня сразу три новых фильма, кстати.

Шерон пулей выскочила из-под крыши остановки и пошла в сторону дома. Джейк расстроился, но он ожидал такого поворота событий. Он побежал за ней, сняв с себя кожаную куртку. Догнав Шерон, он укрыл её ею, как плащом. Она посмотрела на него, но в её зелёных глазах потухла злость.

-Спасибо, — выдавила она из себя и, вздёрнув носик, сбавила скорость до медленного шага и теперь чинно шла, краем глаза наблюдая за тем, как Джейка заливает как из душа.

-Так что по поводу моего предложения? – не унимался тот. – Каков будет твой положительный ответ?

-А зачем мне это? – резко остановившись, спросила она.

Джейк опешил. Не от резкого ответа – от того, что он почувствовал, что у него есть шанс. Прямо сейчас.

-Ну... например, я могу оставить в покое малыша Дейви. Сделать так, чтобы последний год обучения он спокойно существовал в своём потустороннем мире.

Шерон задумалась. В её глазах читались одновременно недоверие и

желание согласиться. Джейк надеялся, что «желание согласиться» — не только из-за Дейва.

-И как я могу поверить тебе? – мило нахмурив брови, спросила она. – Или ты натравишь на него своих пёсиков? Сам-то оставишь в покое, но Дейву от этого легче не будет.

Джейку хотелось закричать что-нибудь вроде: «Да забудь ты уже о своём Дейве, нахрен он тебе нужен вообще!» — но он сдержался.

-Я скажу им этого не делать – и они не будут делать. А как ты можешь поверить мне – ты же не пойдешь со мной на следующие, как бы тебе ни хотелось, если я не выполню обещание, верно?

-Хорошо. Зайди за мной сегодня в шесть часов вечера.

-Я заеду, мальчик ведь не маленький, — довольно приглаживая свои мокрые волосы, заявил Джейк. И сразу же пожалел об этом, потому что Шерон отвернулась, недовольно качнув головой. – Ну... это... в шесть часов в общем, да... Я пока пошёл тогда... До встречи.

Шерон хотела вернуть ему куртку, потянувшись за ней рукой, но Джейк остановил её.

-Отдашь вечером, — улыбнувшись, сказал он.

И пошлёпал по воде домой, заливаемый ливнем. Шерон стояла и смотрела вслед удаляющемуся в стену дождя силуэту, едва заметно улыбаясь.

Наконец, Джейк заставил себя как можно резче открыть дверь и войти внутрь. Остановившись в коридоре, он прислушался – но ответом ему была лишь давящая тишина. Джейк поёжился – ему было неуютно в этом новом пустом доме, столь холодным теперь для него. Не переодеваясь, Джейк завалился на первое попавшееся ему кресло и почти мгновенно уснул, влекомый таким же пустым и беспросветным сном без сновидений.

Проснувшись рано утром, Джейк не стал завтракать, а сразу же отправился в участок. Не потому, что у него родилась новая идея, как распутать дело. Не потому, что он хотел как можно быстрее продолжить работу. Нет. Джейк хотел выйти из этого дома. Выйти и больше никогда не возвращаться в него.

Полицейский участок только начинал оживать. Первопришедшие охранники порядка попивали кофе, сбрасывая оковы сна и весело переговариваясь. Но Джейк угрюмо прошёл мимо всех, спрятавшись в

одиночестве в своём кабинете. Там он просто сел и буквально утонул взглядом в часах. Стрелки медленно плыли, замедляясь с каждой секундой. Через полчаса обещал быть Билл Трай. Через полчаса у Джейка будет какая никакая, хоть возможно и бесполезная, но работа – поговорить с велосипедистом.

К некоторому удивлению Джейка, через десять минуту в кабинет влетел Бен, насвистывая что-то себе под нос. Увидев Джейка, он поздоровался с ним и, сев на своё место, попытался завести разговор.

-Я так и знал, что ты будешь здесь так рано, — добродушно начал он. – Скажи честно, ты здесь с самой ночи или всё-таки включил мозги и хоть немного поспал?

-Я был дома. Сюда минут десять назад приехал, — холодно ответил Джейк. У него вообще не было настроения вести с кем-либо беседу.

-О, это хорошо. Хотя бы глупостей без меня не наделал!

В ответ Джейк хмуро ухмыльнулся.

-Или наделал? – изменившись в лице, спросил Бен.

-Ничего такого. Немного поговорил с Дейвом. Получил от него по лицу, весьма заслуженно, и отправился восвояси, — признался Джейк.

-Он хоть жив?

-Да, конечно. Небольшая встряска, по-моему, пошла мне на пользу.

-Хреново, честно скажу тебе. В таких ситуациях профессионал должен думать прежде всего головой. Никаких чувств, никаких эмоций – на самом деле эта была неплохая проверка для тебя, и ты её не прошёл. Так что учти это, хорошо запомни, чтобы больше не допустить эту же ошибку... — Джейк сидел и молча, в пол уха, слушал нотации напарника, углубившись в свои размышления. — ...Так что вот так. Век живи – век учись. Главное для человека – это движение вперёд, а не назад.

Стрелки часов наплыли на отметку в восемь часов.

-Пора, — резко встав, прерывая Бена, заявил Джейк.

-Окей, босс.

Как и был уверен Джейк, Билл Трай уже был в своём кабинете – если этот человек что-то обещал, то он обязательно выполнял это. Шеф полиции встретил вошедших лёгкой доброжелательной улыбкой:

-Присаживайтесь, господа, — указав на кресла, сказал он. – Надолго я вас не задержу, ваш усталый вид меня и так удручает.

-Сара сообщила нам, что в участок звонил какой-то велосипедист, — сев на краешек кресла, начал Джейк. Бен же удобно развалился в своём, закинув ногу на ногу. – И что это, скорее всего, связано с Дейвом Шойзом.

-Да, — вздохнув, ответил Билл Трай. – Были записаны его слова, но ничего не понятно, кажется, он был буквально в бешенстве. Вот здесь показания и контактная информация. Зовут его Ирвин Фляй.

Джейк взял в руки исписанный листок. На нём было написано, с ругательствами вместо запятых, как человек спокойно ехал в парке, как какой-то псих начал кричать, после чего ринулся на него и, когда заявивший хотел ретироваться – нападавший едва не попал ему камнем в голову. И что самое удивительное – по общему описанию он действительно был похож на Дейва.

-А агрессия то у парня вырывается наружу, — задумавшись, процедил Бен.

-По-хорошему, с ним следовало бы уже поработать хорошенько, Дейвом – драка в кафе, теперь и это. Он ещё нужен для расследования?

-Скорее нет.

-В таком случае я думаю направить к нему наряд полиции...

-Если это возможно, вы не могли бы сделать всё-таки это чуть-чуть позже? – встрепенулся Джейк.

-Почему же? – слегка приподняв бровь от удивления, спросил Трай. – Или он ещё вам нужен?

-Я думаю нам нужно опросить велосипедиста. И потом, возможно, поехать к Шойзу очень большой компанией, — с этими словами Джейк показал Бену и Траю заставившую его так сказать запись: «Этот урод орал во всё горло, что я наехал на кого-то, но я вообще никого не тронул и не задел. Он вообще на обочину сошёл, я думал — даёт мне место объехать глубокую яму на дорожке – кого я там мог задавить — я вообще не понимаю»

-Думаешь, он с катушек слетел? – поняв напарника с полуслова, риторически спросил Бен.

-Не знаю...

-А если там был кто-то ещё? Показания спутаны и не до конца понятны. Детективы, конечно, вы, но я бы не стал делать поспешных выводов, — задумчиво ответил Трай.

-Согласен. Именно поэтому я хотел бы поговорить с этим человеком. И тогда уже решим – нужны нам психиатры в группе или нет.

Дейв

Я проснулся весь в холодном поту. Сердце билось так быстро, что, казалось, в любой момент оно пулей вылетит из груди. Где Шерон? Вскочив, я опять побежал, обыскивая каждую комнату, каждый угол, каждый миллиметр. Паника всё сильнее и сильнее охватывала меня. Часы показывали шесть часов утра. Шерон должна была быть дома. Но где она?

Робкий звонок в дверь заставил меня застыть на месте. Быть может, она вышла прогуляться? И теперь вернулась? Я пулей подбежал к двери и одним махом открыл её. На пороге стояла Зоя Олан.

-Привет, Дейв, — она стеснительно сжалась, не останавливая взгляд на одной точке. – Прости, что я так рано... Просто... я волновалась и хотела узнать, всё ли у тебя в порядке.

Мне было совершенно не до неё. Я не мог заставить себя злобно прогнать её, но я очень сильно хотел, чтобы она исчезла как можно скорее.

-Привет, Зоя. Я тут... немного занят, ты извини, но вот просто очень сильно, — запинаясь, пролепетал я.

-Я испекла тебе печенье, чтобы поднять тебе настроение, — она протянула мне большой, доверху наполненный пакет, взглянув мне в лицо, и сразу же стеснительно отвела глаза.

-Спасибо. Спасибо большое, просто я очень занят, правда.

-Извини, если отвлекла, просто я подумала...

Я больше не мог терять время. Я медленно начал закрывать дверь, извиняясь и прося прощения – правда, в чём я был виноват? За что мне было извиняться? Это самая несправедливая заповедь жизни, с

который хотя бы раз сталкивался каждый человек на Земле – тот, кто нравится тебе – будет к тебе равнодушен. А тот, кому нравишься ты – будет равнодушен тебе. Особенно это грустно воспринимать, когда это происходит в один промежуток времени. Больно тебе, и ты понимаешь, что причиняешь точно такую же боль другому. «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.» — Так писал русский поэт Пушкин, и был абсолютно прав, причём прав на века – эта истина была, есть и будет. Но не только в отношении женщин – точно также можно сказать и про мужчин.

Немного придя в себя и отдышавшись, я пошёл в гостиную, думая на ходу, что мне делать дальше. И я был крайне удивлён, обнаружив её там – совершенно спокойно дремавшую на диване. Как я мог не заметить её?!

-Шерон? – она медленно открыла заплаканные глаза и грустно посмотрела на меня.

Я в один миг подлетел к ней и начал целовать её лицо, её руки, губы, глаза, плечи. Кошмар был только кошмаром – Шерон жива, и она здесь – со мной. Меня переполняло счастье.

-Дейв... у меня есть идея, как мы всё сделаем, — резко вскочив, сказала она и, схватив меня за руку, продолжила. – Напишем письмо Джейку. Отнесём его к нему в полицейский участок, а уж он, я уверена, сообразит, как сделать всё как можно правильнее!

Наверное, недовольство слишком явно выразилось на моём лице. По нескольким причинам. Первая — я не хотел обращаться за помощью к Джейку. Вторая – это напоминало больше детские игры, а мы влипли по-крупному и решать это надо по-взрослому. И третья – я не хотел идти в участок и подносить ничего Джейку. Ужасно не хотел. В принципе, первую и третью причину можно было объединить в одну – Джейк большая свинья, с которой я не хотел иметь никаких дел.

-Дейв, прошу тебя... — но посмотрев в её кристально зелёные глаза, наполненные слезами, я не мог ответить ничего другого.

-Конечно, Шерон. Это хорошая идея.

Я до глубины души не понимал, почему просто не рассказать всем, что Шерон жива? Самым простым способом – Шерон могла бы поехать к родителям и успокоить их своим возвращением, потом выйти на работу и всё. В газете бы напечатали опровержение заявления о пропаже. Я

не видел никаких проблем. А исчезновение на несколько дней можно объяснить и простой болезнью... Или всё же как всё это сделать так, чтобы люди поверили? Это уже будет скандал, в котором каждый постарается разобраться, найти истину. Слишком многое не сходится. Хотя зачем нам беспокоится о том, что подумают люди? Пусть говорят себе что угодно. Пусть заливаются ядовитой слюной – мне плевать. Все эти мысли копошились в моём сознании, но я всё-таки решил слепо следовать за Шерон. Довериться ей, как она доверилась мне.

И тогда мы принялись сочинять, что бы написать. Я сдерживал в себе желание каждое обращение к Джейку дополнять просьбой свалить ему куда подальше или катиться к чёрту, или парочкой-другой недобрых слов в его адрес. В итоге наше письмо, как я и думал, получилось до стыда детским. Как будто нашкодившие ребятишки просят помощи у родителей помочь им разгрести проблему, как они думают, вселенского масштаба. Шерон выводила каждую букву своим идеально красивым, аккуратно наклонённым почерком, закусив нижнюю губу от волнения.

Когда всё было готово, мы запечатали письмо и подписали его – «Джейку Рэннелу. Лично к его прочтению. От Ш.Л.» Я лишь немного изменил план Шерон – я намеревался передать его проходящему мимо любому нормальному на вид человеку, с просьбой передать в участок это письмо. Сам я не хотел идти на поклон к Джейку. Шерон долго препиралась, из-за чего мы спорили минут двадцать, но, в конце концов, она согласилась со мной. И тогда я поехал к полицейскому участку.

Оставив на парковке машину, я подошёл почти к самому входу, ожидая прохожих. Ждать мне пришлось не долго. На моё счастье, мимо меня проходил какой-то маленький мальчуган – лет десяти-двенадцати.

-Парень, — окликнул я его. Он остановился и вопросительно посмотрел на меня. – Хочешь заработать на мороженое?

Он кивнул мне в ответ. Смотря на меня, в его глазах не было страха – только сильное любопытство.

-Смотри, вот письмо, оно предназначено Джейку Рэннелу. Просто попроси передать ему, если что там написано кому. Повтори, пожалуйста, кому оно? – нервничая, попросил я.

-Джеку Рэннелу! – гордо заявил пацанёнок.

-ДжеЙку, хотя думаю, и так поймут. Ладно, вот тебе обещанная плата, — я протянул ему письмо и купюру, на которую можно было купить пять

больших вкусных мороженых.

Мальчуган взял письмо, убрал деньги в карман, и уверенно зашагал в участок. Я, чувствуя нарастающее волнение, несколько секунд смотрел ему вслед, пока он не скрылся за дверьми участка, после чего молниеносно запрыгнул в машину и поспешил обратно к Шерон. Оставалось только ждать.

Джейк

Джейк молча вёл машину, мерно постукивая пальцами по рулю. Он не ждал ничего особенного от показаний, которые мог дать велосипедист. Псих Дейв или не псих – какая кому разница. Бен мерно покуривал сигару, часто поглядывая на напарника. Его сильно беспокоило состояние Джейка. Он понимал, что пропажа любимой девушки – удар для него. Поэтому не стал спорить о назначении их на это расследование. Хотя считал, что это дело лучше бы выполняли люди, не имеющие личных мотивов. И теперь, видя, как Джейк будто разваливается, Бен чувствовал собственную вину. Он хотел дать ему возможность отвлечься, погрузиться в работу – но это явно было ошибкой. Его ошибкой.

Небольшой уютный домик встречал детективов открытыми дверями. Небольшой бассейн, явно заполненный водой лишь для украшения – в такой-то холод, с плавающей резиновой уточкой и ещё какими-то уже непредназначенными для плавания или игры в воде игрушками. Из собачей конуры выглядывал огромный комок шерсти с добрыми глазами. Он мирно лежал и смотрел на идущих к дому людей, не издавая ни звука – лишь быстро и часто дышал.

-Милая, Кен, кажется, забыл свой обед! – подойдя ближе, услышали детективы спокойный голос мужчины. – Я уже не успею отвезти ему!

Остановившись у приоткрытой двери, из вежливости они позвонили.

-Да-да, открыто!

Но детективы остались стоять снаружи. Существуют правила, которым необходимо следовать. Особенно если ты профессионал и находишься в каком-то месте по работе. А Джейк и так уже перешагнул через слишком много правил. Поэтому они позвонили ещё раз.

На этот раз к ним выбежал молодой мужчина, с аккуратно уложенными

чуть длинноватыми волосами и пронзительными синими глазами, которыми он внимательно изучал детективов сквозь стёкла очков в тонкой оправе.

-Мы знакомы? – немного напряжённо спросил он.

-Нет, мы детективы из полицейского участка. Джейк Рэннел и Бен Росли, — вынимая документы, представился Джейк. – Ирвин Фляй оставил заявление по телефону, и мы бы хотели задать ему пару вопросов. Он оставил этот адрес.

-Понимаете... я немного... ну только если быстро. Я просто спешу, но готов уделить вам минут десять, — подумав, ответил мужчина. – И да, это меня так зовут. Ирвин Фляй, приятно познакомиться, проходите.

-Дорогая, к нам пришли детективы – это по поводу произошедшего в парке, помнишь, я тебе рассказывал? Я сильно вспылил тогда и почти сразу позвонил в участок, так выбесил меня тот тип, — крикнул он куда-то вглубь дома. – Простите мою жену, она немного стесняется посторонних. Поэтому не знаю, выйдет ли она к нам. Никаких проблем это не создаёт?

-Абсолютно, — ответил Бен, — расскажите, пожалуйста нам, подробнее, что произошло.

-Я спокойно ехал по дорожке, было плохо видно — навстречу мне шёл мужчина, с немного странноватым видом. Возможно, с ним был кто-то ещё, было темновато, а у меня зрение, как видите, не очень хорошее. Я не обращал на него особого внимания. Объезжая корягу, пробившую асфальт, я проехал мимо него на расстоянии минимум метра, наверное. Ну, полметра точно было. Когда он окликнул меня. Я подумал, что я облил его грязью, испачкал или ещё что – не знаю. Он кричал что-то типа: ты чуть не сбил её! Куда ты смотришь! И так далее. Возможно с ним была дочь или собака, не знаю! Но всё равно так вести себя нельзя, мне кажется. Я бы спокойно извинился, если бы он вёл себя нормально.

-И он кинул в вас камнем?

-Сначала он пошёл на меня, сжав кулаки. Я не хотел нарваться на неприятности, поэтому...

Внезапно, раздался звонок телефона.

-Прошу прощения, пять секунд, детективы.

Ирвин бегом побежал к телефону и, схватив трубку, сказал: «Слушаю». После чего, неожиданно как-то странно посмотрел на детективов и,

сказав: «Да», — в трубку, обратился к Джейку и Бену.

-Это... это вас. Какой-то мужчина, сказал, что его зовут Билл Трай и спросил, здесь ли детективы... И если здесь, попросил вас к телефону.

Джейк буквально в одну секунду подлетел к телефону.

-Джейк Рэннел у телефона. Сэр, это вы? – взволнованно спросил он в трубку.

-Да, Джейк, — ответил ему знакомый, сильно напряжённый, голос. – Немедленно возвращайтесь в участок. Немедленно.

-Что-то нашлось по делу? Или что произошло?! – Джейк стоял, крепко стискивая трубку – кровь стыла у него в жилах от волнения.

-К нам в участок принесли письмо, завернутое в бумагу. На ней было написано – «Джейку Рэннелу. Лично к его прочтению. От Ш.Л.».

Джейк почувствовал, как его ноги словно парализуются. Он медленно сполз на пол и теперь лежал, прижавшись спиной к тумбочке, на которой стоял телефон с натянутым до максимума проводом.

-Мы вскрыли его. Содержание до жути странное, внизу подпись – «Шерон Лайрон».

Джейк выронил трубку. Мир перед его глазами закрутился и завертелся, и он почувствовал, что сознание покидает его. Резкая пощёчина привела его немного в чувство. Над ним стоял его напарник, Бен, с занесённой рукой.

-Не время разваливаться, встал и пошёл в машину, — резко приказал он Джейку. – Простите, сэр, позвоните ещё раз или зайдите в участок, запишите заявление как следует, со всем фактами и подробностями. К сожалению, сейчас у нас экстренная ситуация и мы вынуждены вернуться в полицейский участок.

После чего, оперев напарника о свою шею, Бен поволок Джейка к машине, который еле передвигал ослабшими ногами. Бен не знал, шутка это письмо или нет, но у него руки чесались хорошенько проучить того, кто прислал его. Даже если это была сама Шерон – такие вещи – это не шутки.

Когда Бен привёз их обратно в участок, Джейк полностью взял под контроль тело и разум. Он вышел из машины и уверено зашагал к Биллу Траю так быстро, что Бен еле поспевал за ним.

-Кто принёс письмо? – спросил Джейк, войдя в кабинет шефа.

-Маленький мальчик. Сказал, что его попросил сделать это какой-то мужчина. И мы даже знаем, кто, — ответил Трай, серьёзно всматриваясь в лицо Джейка.

-Откуда? И кто же он? – даже ни один палец не задрожал у Джейка, когда он задал этот вопрос. Его сердце размеренно стучало, не нарушая ритма – он был словно боевым псом, готовящимся к нападению. Спокойным и расчётливым.

-Это Дейв Шойз. Это ясно из письма, прочти его, — ответил Билл Трай, протягивая детективам два помятых разлинованных листочка из записной книжки.

На одном было лишь написано: «Джейку Рэннелу. Лично к его прочтению. От Ш.Л.». От Ш.Л. – Шерон Лайрон – в одно мгновение проскочило в сознании Джейка. Второй же был почти весь исписан.

Джейк! Прости меня за то, что я натворила. Но я запуталась в себе. Я правда любила тебя, но сейчас я не чувствую к тебе ничего. Абсолютно ничего. Поэтому я и решила исчезнуть – чтобы спокойно всё обдумать. Мне было страшно. И я поняла, что мы не можем быть вместе. Мне правда жаль, поверь. Но я не могу иначе. Мне больно писать тебе всё это, но мне нужна твоя помощь. Я не знаю, как выбраться из всего того, что натворила. Как вернуться обратно, когда вокруг теперь такой переполох? Мне очень и очень нужна твоя помощь. Я знаю, ты что-нибудь придумаешь. И я надеюсь, что ты поможешь мне. Потому что иначе я просто не могу себе представить, что мне делать. Меня приютил Дейв. Дейв Шойз. Мой лучший друг детства, к которому, кажется, я что-то чувствую большее, чем просто дружеские чувства. Я надеюсь, что ты всё поймёшь, и не будешь мстить и мешать нашему счастью.

Шерон Лайрон

Джейк молча дочитал письмо до конца. Он ни чем не высказал всё то, что бурлило внутри него. Ни единым дрожанием нерва. Он медленно посмотрел на Билла Трая и на Бена, глубоко вздохнул и отчеканил, выделяя каждое слово, роковую фразу, отдавшуюся невыносимой болью

в его сердце.

-Это...не...её...почерк.

В кабинете повисло гробовое молчание.

-Бен, поедем к нему и спросим, что надоумило его написать это письмо, — железным тоном сказал Джейк.

-Передайте ему также, чтобы ждал повестки в суд. Вспомним и драку в кафе, и нападение на человека, и эту омерзительную шутку. Он уже в печёнках у меня сидит.

Джейк кивнул в ответ и вышел вслед за Беном, на чьём лице была написана вся злость, вызванная этим письмом. Он так сильно стиснул зубы, что его лицо побагровело. Теперь Бен знал, что если Джейк начнёт избивать Дейва – то он не будет вмешиваться. Постарается не вмешиваться. Потому что ему самому невероятно хотелось врезать этому чёртовому типу по лицу.

Дейв

Я ходил по гостиной по кругу широкими шагами, в нервном ожидании. Джейк уже должен был прочесть письмо – и наверняка он как-нибудь отреагирует. Он не сможет не помочь Шерон, когда она так нуждается в нём. Хоть мне это и было неприятно. Но других идей у меня уже не было. Шерон лежала на диване, нервно покачивая ногой. Интересно, а какой реакции от Джейка ждала она? Думала ли она, что он вломится в мой дом и начнёт избивать меня в припадке ярости? Или же просто заявится сюда с кислой миной, выскажет нам свой гениальный план и, как истинный герой, уйдёт в закат? И что ещё важнее – какой реакции от него она хотела на самом деле?

Сколько времени так прошло? Я не знал. Но в дверь, наконец, позвонили. Совершенно спокойно, одним коротким звонком. Что это означало? Джейк пришёл с миром? Или лишь готовится выпустить из себя все эмоции, накаливая их до самого пика?

К моему огромному удивлению, на крыльце стояли двое – Джейк и его напарник, которого, вроде, звали Бен. Они были совершенно спокойны с первого взгляда, но их тяжёлое дыхание и буравящие меня с гневом глаза говорили иначе.

-Очень весёлая шутка, приятель, — процедил сквозь зубы Бен, кидая мне какой-то бумажный свёрток.

Письмо Шерон Джейку. Я понял это, даже не разворачивая его. Я с удивлением посмотрел на детективов.

-Ты хоть понимаешь, что тебе грозит тюрьма? Серьёзно, парень, — продолжал он. Джейк же молча смотрел на меня, выливая на меня тонны ненависти. Я не до конца понимал, что происходит, но чувствовал что-то неладное. – Драка в кафе, нападение на велосипедиста. Эта тупая шутка. Если ты ещё и к исчезновению Шерон причастен – просто пожизненное тебе гарантировано.

Смысл его слов не сразу дошёл до меня. К какому исчезновению Шерон? Они что ли полные идиоты – не могут прочесть пары написанных ею строк? Или они что-то хотят повесить на меня? Моё сердце словно пронзило холодным копьём, мороз проник в каждую клеточку моего тела. Что, чёрт возьми, происходит? Что задумал Джейк?

-Молчишь? Молчи, правильно делаешь. Всё что ты скажешь, будет использовано против тебя – хотя против тебя уже вообще всё. Не будь я законопослушным гражданином, вдавил бы тебе твоё дурацкое лицо поглубже в череп, — он начинал срываться на крик, лицо его было такое красное, что мне казалось он просто отключится, не выдержав такого напряжения. – Скоро тебе придёт повестка в суд, её уже готовят. И на твоём месте я бы явился по-хорошему.

Я перевёл глаза на письмо Шерон. Медленно развернул его. И в этот момент силы покинули меня. Я бы упал, если бы не стена, на которую я навалился. Я больше не слышал голоса Бена, не видел ни его лица, ни стоящего Джейка. Я чувствовал, как гнетущая пустота окутывает меня, сжимая и вырывая все мои внутренности. Буквы были написаны грубым корявым мужским почерком. Моим почерком. Моя голова была готова лопнуть. Оставаясь ещё частично в реальности, в моём сознании щёлкнуло, я осознал, что детективы развернулись и идут к машине. Я хотел крикнуть им, позвать на помощь. Зачем, от кого – я не знал. Но волна ужаса охватила всего меня, стиснув моё горло и отбирая волю.

-Шерон!!! Шерон! – вместо этого во всё горло заорал я и, падая на колени, пополз в гостиную. Её там не было. Её не могло там быть. Эта правда молотом обрушилась на меня из глубин сознания.

Я обнимаю её бездыханное тело, раскачиваясь в припадке безумия. Слёзы вырывают мои глаза, заливая синеющее лицо Шерон. Её глаза

широко открыты, но в них нет прежней Шерон. Живой Шерон. Они безжизненно смотрят сквозь меня на бескрайнее звёздное небо, застыв навсегда.

-ШЕРОН! Не-е-т!! Шерон! Где ты!!

Моё сознание горит и рвётся на части, я то отбрасываю тело, будто гоня её прочь, то вновь прижимаюсь к нему, падая на землю. Я рву волосы на своей голове, царапаю кожу рук, лица, шеи. Я пытаюсь унять терзающую меня боль, но это невозможно. Она лишь усиливается, раскаляя мои нервы.

-Это невозможно... невозможно... нет... Шерон!!!

Я перестаю осознавать себя. Руки самопроизвольно начинают рыть землю, ломая ногти, сдирая кожу пальцев и ладоней. Что я делаю? Что я натворил? Но я отчаянно копаю, напрягая все свои мышцы, все сухожилия и кости. После чего я перетаскиваю тело и кладу его в образовавшуюся неглубокую яму. Мысли путаются, моё собственное «я» горит в огне, раскалываясь на сотни осколков и собираясь вновь. Кто я? Что я делаю? Что я натворил?

-Ответь мне... прошу тебя... умоляю... Шерон... Шерон...

В глубине души я не могу сделать этого, но руки сами загребают землю, засыпая медленно остывающее тело. Что-то внутри меня взрывается, и я падаю, заливаясь сжигающими слезами и булькающим криком. Что я натворил? Что я наделал? Я вижу её живое лицо перед глазами – она улыбается и нежно смотрит на меня. Я тянусь к ней рукой, но картинка сменяется, и я вижу её остекленевшие потухшие зелёные глаза, укоризненно и печально устремлённые на меня.

-Шерон... Что я натворил?!

Последним усилием чьей-то чужой воли я завершаю своё тёмное дело. После чего беззвучно падаю на землю. Передо мною раскрывается мрак, наполненный демонами, мертвецами и призраками, тянущимися ко мне своими ледяными руками, желающие разорвать меня на куски, утянуть за собой. Я закрываю лицо руками, отстраняясь от них, и сворачиваюсь в позу зародыша. После чего мир вокруг меня взрывается, и я падаю в пропасть.

Я открываю глаза и осматриваюсь. Я знаю, что Шерон здесь нет. Я знаю. И эта мысль убивает меня. Я всё вспомнил. Я вспомнил, как утром вставал, готовил себе завтрак и ложился обратно, после чего возвращался

и ел – не время шло быстрее, как мне казалось – это я проживал две жизни одновременно. Как шёл один по парку, разговаривая сам с собой. Как писал письмо, выдавая свои слова за слова Шерон. Правда раздавливает меня. Но я знаю, что буду делать. Что должен сделать. Поднимаюсь на ноги и иду, словно оживший мертвец. Я должен написать три письма – Джейку, родителям Шерон и матери. Должен рассказать обо всём и извиниться перед ними за то, что совершил. Перед тем как совершу ещё одно убийство. После чего я иду на второй этаж и достаю из сейфа револьвер. Я ничего не чувствую. Я уже умер.

Я спускаюсь и выхожу на улицу. На улице холодно и собирается дождь, небо чернеет – на мне домашние штаны и футболка, босиком, но мне плевать. Медленно иду к гаражу, открываю ворота и двери. Выезжаю на своей машине. Салон весь в грязи и песке. Тошнота подкатывает к горлу, но мне ещё многое нужно сделать, и я вновь овладеваю собой. Я еду на почту, крепко сжимая оружие.

Захожу в отделение почты и бросаю работнику три конверта с написанными на них адресами.

-Доставьте это как можно быстрее, — говорю я, целясь испуганному парню-подростку в центр лба. – И да, когда будете звонить в полицию – скажите, чтобы Джейку Рэннелу передали следующее: я на её любимом месте, поляна с камнем. Она тоже. Джейк поймёт. Он знает...

После чего выхожу на улицу, не проронив больше ни слова, и продолжаю свой последний путь. Я подъезжаю к тому же самому месту из моих кошмаров, где бросил машину в ту ночь. Выхожу из неё и ныряю в лес. И тогда паника охватывает меня и я срываюсь на бег, не в силах больше сопротивляться вырывающемуся безумию. Я теряю контроль над душой и телом. Моё сознание рассыпается в прах. Где она? Где же она? Почему она не со мной?

Джейк

Был конец рабочего дня. Бен вытащил Джейка из кабинета на люди, и теперь он угрюмо сидел в компании полицейских, весело переговаривающихся друг с другом. Раньше бы Джейк спокойно втянулся в беседу – у него никогда не было проблем с общением. Но не в этот момент. Он медленно потягивал кофе, абстрагировавшись от

окружающей его компании, отдыхающей после нетрудного денька – за день не произошло ничего экстраординарного. Пока что.

-Парни! Парни! – вдруг ворвался к ним один из молодых сотрудников, вынужденный исполнять роль гонца. – Там по телефону с почты звонят! У них там вообще жесть творится – какой-то псих с револьвером. Ещё и просят Джейка Рэннела к телефону, ему что-то псих передать просил!

Джейк вскочил и, вместе со всеми, последовал за парнем. Не день, а череда сюрпризов – подумал он. Почти все сотрудники, находившиеся в участке, собрались вокруг секретаря, держащего в руках трубку телефона.

-Джейк Рэннел где? Немедленно его сюда! – кричал он, закрывая рукой трубку.

Джейк протолкнулся сквозь толпу – его пропускали, узнавая. Он взял телефон и, приложив его к уху, сказал:

-Детектив Рэннел слушает. Что случилось?

-П-парень с револьвером... дал три конверта... на них имена получателей: Сэм Лайрон, Оливия Шойз и Джейк Рэннел... вы, то есть... ещё он просил передать... именно вам что-то про её любимое место, какая-то поляна с камнем. Что он и она там. Сказал, вы поймёте! – пролепетал дрожащий голос из трубки.

И Джейк понял. Любимое место Шерон. Он прекрасно знал его. Она всегда уходила туда, когда ей было особенно грустно. Так Шерон сказала ему, когда впервые привела на это место. Он не увидел в нём ничего особенного, но для Шерон это было что-то вроде святыни. Джейк уже почти и позабыл о нём. Что там нужно Дейву? Что он замыслил? Или что уже сделал?

-Нужно его арестовать, как можно быстрее! – крикнул Джейк и со всех ног понёсся к машине. Откуда-то из толпы за ним вынырнул Бен.

-Есть предположение, что происходит? Парень совсем съехал? – спросил Бен, когда они уже заскочили в машину.

-Я уже ни в чём не уверен. Но похоже на то.

Дейв

«Где она? Где же она?» — этот вопрос отчаянно пульсировал в моем

сознании, срываясь на крик в моем сердце. Я пытался бежать, еле переставляя свои непослушные, подкашивающиеся ноги. Последняя надежда, что я ошибаюсь, ещё теплилась где-то глубоко, и лишь она помогала мне сделать ещё один шаг, а после него ещё один, и ещё, и ещё... Раскаленный тяжелый воздух давил на мои легкие, дышать становилось всё сложнее и сложнее, усиливающийся ветер терзал мою кожу. В изнеможении я налетел на дерево. «Я уже близко» — ударом мелькнула мысль у меня в голове. Я поднял глаза на темнеющее небо, которое заволокло черными кружевами облаков. Несколько капель упало на меня и на землю. Деревья вокруг шумели все громче, раскачиваясь всё сильнее и сильнее. Я нащупал рукоять револьвера в кармане. Мертвый холод железа придал мне немного сил, и я неимоверным усилием продолжил свой путь. Я чувствовал, что с каждой минутой, каждой секундой я все ближе и ближе, и страх того, что меня ожидает, пожирал мою душу все сильнее. Сухие ветки хлестали по рукам, шее, лицу, но я продолжал упорно двигаться вперед. Дальше и дальше.

Наконец, я вылетел на небольшую полянку, на которую ещё падали сквозь тучи последние лучи солнца, освещая её в наступающем мраке. Темные стволы деревьев окружали её плотным кольцом, а почти ровно в центре одиноко лежал плоский, почти гладкий камень. Её любимое место. Я упал на землю рядом с ним, опершись об него спиной.

-Я знаю, где она, — тихо прошептал я.

Последние дни связались в единое целое, я как будто пережил каждый из них ещё раз, вспомнил все мельчайшие подробности — в одно мгновение. Самое ужасное было то, что я знал, что мне делать дальше. Но с другой стороны, только теперь я был сам творец своей судьбы.

Я медленно поднял револьвер и приставил его к виску, но сразу же опустил его, не в силах заставить себя сделать это. Попытался ещё раз и ещё – но всё тщетно. Я видел небольшой бугорок недавно закопанной ямы, хранившей теперь её тело, с другой стороны камня – я боялся приблизиться к нему. События той ночи вновь промелькнули у меня в сознании. И меня вывернуло наизнанку. Душевная и физическая боль слились, мне казалось, что я умру от этого симбиоза мучений – я закрыл глаза, но ничего не произошло. Я по-прежнему дышал, оскверняя своим дыханием это место. Этот мир. Как сделать то, что я должен? Как заставить себя?

Сквозь усиливающийся ветер я услышал крики людей откуда-то из глубины

леса. Или это мертвецы зовут меня к себе? Десятки, сотни огоньков мелькали среди деревьев – неужели это души умерших? Моя рука сама крепче сжала револьвер и поднесла его дуло к моему виску. Внезапно я увидел две фигуры, выбежавшие из-за деревьев на поляну и остановившиеся как вкопанные, при виде меня. В сгущающейся тьме я не мог разглядеть их лица. Но я знал, что один из них – это Джейк. Он бы помог мне закончить моё дело, но я должен сделать это сам. «Сознание – это бриллиант, его чистота определяет ценность человеческой жизни». Моя жизнь не стоит и гроша. И я не заслуживаю жить.

-Прости, Джейк. Прости меня, Шерон, — прошептал я и со всей силой нажал фалангой пальца на курок. Я услышал выстрел и в тот же миг – ничего.

Эпилог

Джейк

Я стоял, будто вкопанный в землю, и смотрел пустыми глазами на падающее тело пустившего себе пулю в голову убийцу моей любимой. Я был просто не в силах пошевелиться – я не чувствовал своего тела, но, тем не менее, стоял ровно на железных ногах. Капли, учащаясь, холодными струями хлестали по моему лицу. Из леса на поляну выбегали полицейские, последовавшие за нами, с ярко светящими фонариками в руках. Бен, дружески похлопав меня по плечу и с отцовской заботой посмотрев мне в глаза, отвернул меня от выпирающего камня и лежащего рядом с ним тела и направился туда. Но я сразу же повернулся обратно – меня как будто что-то магнитом притягивало к этому ужасному месту.

Больше ничто не держало меня в этом убогом городишке. Я твёрдо решил для себя уехать отсюда и, погрузившись в новую жизнь, забыть весь этот ужас. Помнить лишь Шерон. Те лучшие моменты моей жизни, когда она была со мной. Смогу ли я теперь полюбить? Я не был уверен уже ни в чём.

И тогда ливнем пошёл дождь.

Я как часть недосказанных мнений,

Как герой недочитанных книг.

Я настолько увяз в сомнениях,

Что повсюду вижу тупик...

Саша Ермакова, «Сомнения»